Публикуется впервые!

ЖИЗНЬ, РАССКАЗАННАЯ ЕЮ САМОЙ

Изабелла Аллен-Фельдман

Моя сестра Фаина Раневская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Моей дорогой сестре» – такую надпись Фаина Раневская велела выбить на могиле Изабеллы Аллен-Фельдман. Разлученные еще в юности (после революции Фаина осталась в России, а Белла с родителями уехала за границу), сестры встретились лишь через 40 лет, когда одинокая овдовевшая Изабелла решила вернуться на Родину. И Раневской пришлось задействовать все свои немалые связи (вплоть до всесильной Фурцевой), чтобы сестре-«белоэмигрантке» позволили остаться в СССР. Фаина Георгиевна не только прописала Беллу в своей двухкомнатной квартире, но и преданно заботилась о ней до самой смерти.

Не сказать чтобы сестры жили «душа в душу», слишком уж они были разными, к тому же «парижанка» Белла, абсолютно несовместимая с советской реальностью, порой дико бесила Раневскую, – но сестра была для Фаины Георгиевны единственным по-настоящему близким, родным человеком. Только с Беллой она могла сбросить вечную «клоунскую» маску и быть самой собой. Такой Раневской – ранимой, домашней, тянущейся к семейному теплу, которого ей всегда так не хватало, – не знал никто, кроме ее «дорогой сестры». И лучшим памятником гениальной актрисе стала эта книга, полная неизвестных афоризмов, печальных острот и горьких шуток Раневской, которая лишь наедине с любимой сестрой могла позволить себе «смех сквозь слезы».

- Изабелла Аллен-Фельдман
  - Предисловие
  - Я живу здесь, как будто во сне
  - * * * * *
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99

- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143

- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151

Изабелла Аллен-Фельдман
Моя сестра Фаина Раневская. Жизнь, рассказанная ею самой

Предисловие

Изабелла Георгиевна (Гиршевна) Аллен, в девичестве Фельдман, была родной и единственной сестрой великой актрисы Фаины Георгиевны Раневской. В детстве сестры не дружили, сказывалась разница в возрасте (Изабелла была старше на четыре года) и разное отношение родителей – красивая бойкая Изабелла

была всеобщей любимицей, а нелюдимая, застенчивая и не блещущая красотой Фаина считалась «гадким утенком».

Родной дом они покинули почти одновременно – Изабелла вышла замуж за состоятельного коммерсанта и уехала с мужем во Францию, а Фаина, с детства мечтавшая стать актрисой, отправилась в Москву претворять свою мечту в жизнь. Мечта претворяться не спешила, путь на сцену оказался тернистым, до признания было еще очень далеко… Вскоре наступил 1917 год, одна за другой случились две революции. Родители и брат Фаины эмигрировали, опасаясь преследования со стороны большевиков (Фельдман-старший был весьма состоятельным человеком, одним из первых богачей Таганрога), а Фаина осталась в России, на много лет потеряв связь с родными…

Пройдут годы. Изабелла овдовеет и станет тяготиться своим одиночеством. Однажды она напишет сестре и спросит, нельзя ли ей переехать в Москву. Добиваясь разрешения на приезд сестры (в те времена просто так взять и приехать было нельзя), Раневская обратится к всемогущей Екатерине Фурцевой, члену Президиума ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС и министру культуры СССР. Фурцева поможет, Изабелле разрешат приехать в Советский Союз, и сестры станут жить вместе в доме на Котельнической набережной. Роли поменяются, теперь «старшей» становится Фаина.

Сестрам было тяжело заново привыкать друг к другу и нащупывать невидимые нити, протянутые между ними. Совместная жизнь сестер была недолгой – не прошло и трех лет, как Изабелла умерла. Раневская тяжело переживала смерть сестры. Она знала о том, что Изабелла вела дневник, но неизвестно, заглядывала ли она в него. Незадолго до смерти Изабелла отдала дневник (к тому времени она уже перестала его вести) мужчине, который был влюблен в нее еще с дореволюционной поры и к которому сама она тоже была неравнодушна. Они случайно встретились в Москве в 1961 году – бывают же на свете чудеса! – и былые чувства вспыхнули с новой силой. Друг Изабеллы, упоминаемый в дневнике под именем Nicolas, хранил дневник до своей смерти, потом он долго лежал на антресолях у его дочери, которая сохранила бумаги отца как память о нем, но вряд ли в них заглядывала. Только внук Nicolas-а, пожелавший сохранить свое имя и имя деда в тайне, разбирая коробку с дедовским архивом, понял, какое сокровище попало к нему в руки, и счел себя не вправе утаивать его от других.

Дневники, какими бы они ни были, всегда ценны своей искренностью. Ценность этого дневника особая. При всей своей общительности и кажущейся открытости Фаина Георгиевна

Раневская была очень замкнутым, закрытым человеком, старательно оберегавшим свое privacy от посторонних глаз. Дневник Изабеллы Аллен – это уникальная возможность взглянуть на Раневскую «изнутри», глазами самого близкого ей в то время человека – ее родной сестры. И не только на саму Раневскую, но и на ее окружение.

Дневник публикуется без каких-либо изменений и сокращений.

Редакция выражает признательность А.Л. К-ну за предоставленную возможность публикации дневника.

Я живу здесь, как будто во сне

Дневник Изабеллы Георгиевны Аллен (Изабеллы Гиршевны Фельдман)

11.12.1960

Я не вела дневников со времен девичества. Последний сожгла, кажется, в 1908 году. Тогда так было принято – заполнить последнюю страницу, перечитать, всплакнуть раз-другой и сжечь, чтобы никто никогда не смог бы узнать твои сердечные тайны. В романах, которыми мы тогда зачитывались, непременно присутствовали шантажисты, заполучившие в свои руки или какое-нибудь излишне откровенное письмо, или дневник, или же завещание. С первым же прочитанным романом мы усваивали, что мужчинам никогда нельзя говорить о своих чувствах прямо, потому что это вульгарно, и что никаких письменных свидетельств, могущих дать повод для шантажа, хранить нельзя. Иначе спустя двадцать лет к уважаемой в обществе даме, примерной жене и не менее примерной матери вдруг явится незнакомец в потрепанном, лоснящемся на локтях и коленях костюме (то была униформа шантажистов из романов) и зачитает наизусть выдержки из дневника. О том зачитает, как она признавалась в любви к адвокату Шульману или же млела при виде ротмистра Качаровского… Сколько лет прошло, а я помню все имена своей юности! Лиц не помню, а имена засели в памяти навсегда.

Наш строгий папа одобрял ведение дневников, считая, что это занятие дисциплинирует. «Пиши каждый день, кроме субботнего, – поучал он, – и если в конце дня тебе нечего написать, то задумайся о том, правильно ли ты живешь». Разве был у меня тогда хоть один день, про который нечего было написать? Даже если болеешь и весь день лежишь в постели, то столько можно навыдумывать, что рука устанет записывать.

Я не впала в детство, хотя, если уж говорить начистоту (а зачем лукавить наедине с собой?), то я была бы не прочь вернуться в то чудесное время… Увы, это невозможно. По прошествии стольких лет мне захотелось вести дневник совсем по другой причине. Тогда я выплескивала в дневник избыток переполнявших меня чувств, теперь же дневник должен скрасить мое одиночество. Да – я одинока, я очень одинока, несмотря на то, что живу вместе с родной сестрой, которая меня, кажется,

любит. Я тоже ее люблю – родная кровь. Иногда она так похожа на маму, особенно вполоборота, что сердце замирает. Мы с сестрой любим друг друга, но это еще не делает нас близкими людьми. «Не в крови свойство, а в душах», – говорил наш папа, когда как снег на голову сваливался очередной бедный дальний родственник из Смиловичей, Цитвян или Шклова. Мне очень одиноко. Сестра рядом, но на самом деле она далеко. У нее своя жизнь, в которой мне нет места. Комнату она мне выделила, а вот место в своем сердце – забыла. Или там уже нет свободного места, не знаю. Совсем не такой представляла я себе свою жизнь в Москве. И Москву я представляла совсем иначе. Жизнь не раз переносила меня с одного места на другое – Таганрог, Бухарест, Париж, Марсель, Касабланка, Стамбул… Но повсюду я очень быстро осваивалась, легко заводила знакомства, чувствовала себя почти как дома. Повсюду, но не здесь. Москва – странный город, я живу здесь, как будто во сне. Хочется поговорить по душам, но не с кем. Вот и решила вести дневник…

Вчера у нас были гости. Сестра любит устраивать приемы. Хлопочет, совсем как мама, и так же, как она, бесконечно выговаривает прислуге. Должна сказать, что такой невоспитанной прислуги, как здесь, мне нигде не доводилось видеть, а уж я повидала многое. На одно слово сестры ее приходящая служанка отвечает тремя, а уж «не нравится, так делайте сами!» вылетает из ее накрашенного рта каждые пять минут. И сестра еще заявляет, что эта ее «девушка» «настоящий клад», потому что не воровка и не сплетница. Как тут не вспомнить моего покойного мужа! Когда я жаловалась ему на марроканцев и говорила, что худших слуг нет на свете, он улыбался и отвечал: «И лучшее, и худшее есть всегда – так уж устроил Бог». Это откуда-то из Гемары, кажется.

Из пяти дам, пришедших вчера вечером, задавала тон вульгарная громогласная особа в платье ужасного оттенка фиолетового цвета. Представилась она Таней, так и сказала: «просто Таня, без церемоний». Она забросала меня вопросами о Париже, не столько интересуясь городом, сколько желая обнаружить свое с ним знакомство, а затем стала рассказывать про то, как она фотографировала какого-то писателя, Бабена или Баделя, я так толком и не расслышала. Рассказывала она для меня, потому что все остальные во время ее рассказа откровенно скучали. Должно быть, слышали его уже не раз.

– Бадэн? – переспросила я, вспомнив автора биографии знаменитого корсара Жана Бара. – Разве он еще жив?

На меня посмотрели как на сумасшедшую, а сестра повертела пальцем у виска. При желании она может быть удивительно

бесцеремонный. Оказалось, что это совсем другой писатель, который воевал на стороне красных, и красные его за это потом расстреляли. Уточнять обстоятельства я не стала, потому что сестра предупреждала меня не один раз, чтобы я не смела разговаривать о политике. «Ди фис золн дир динен нор аф рематес[1], Белла! – повторяла она. – Ты не заметишь, как скажешь что-то такое, за что нас обеих посадят в тюрьму, поэтому держи язык за зубами. Если захочешь сказать о политике, мишигине коп[2], то говори о погоде». Но то, как на меня смотрели гости, меня покоробило, если не сказать – оскорбило. Разве их Бабен – Мопассан или Пушкин, что так стыдно его не знать. А сами не читали *Pauline Réage*, даже сестра не имеет о ней понятия. Я попыталась ей рассказать, но она меня высмеяла.

Ладно, с этого Бабенбаделя и его замечательной фотографии разговор наконец-то перешел на другие темы, и я получила передышку. Но ненадолго, потому что Таня вспомнила о том, что когда-то заканчивала консерваторию, сестра сказала, что ей всегда нравилось слушать, как я играю Шопена, с Шопена разговор перешел на наш рояль *August Förster*, а с рояля на эмиграцию нашей семьи. Помня строгий наказ сестры, я молчала и осмелилась заговорить только тогда, когда сестра сказала, что только любовь к русскому театру, лучшему из всех, ее удержала ее в России.

– Помнится, что кроме театра был еще и некий Максимилиан, – сказала я без всякой задней мысли, просто желая оживить разговор.

В моих словах не было ничего обидного или язвительного. С тех пор прошло сорок с лишним лет – можно и приоткрыть завесу. Тем более что Максимилиан, если судить по тому, что о нем писала мне тогда сестра, был приличным, достойным человеком, сыном статского советника, члена окружного суда. Сестра даже упоминала, что наши отцы были знакомы, а уж второго такого разборчивого в знакомствах человека, как наш отец, надо было еще поискать. Я думала, что сестра сейчас вздохнет, затем улыбнется и погрозит мне пальцем – не выдавай, мол, моих сердечных тайн. Обычная светская беседа. Что поделать – если оба присутствующих за столом кавалера заняты только водкой и закуской, дамам приходится самим оживлять разговор. Но сестра грубо цыкнула на меня, точь-в-точь как наша кухарка Фейга-Лея цыкала на кошек, путавшихся у нее под ногами, и сказала снисходительно:

– Беллочка такая выдумщица! Выдумает – и сама же в свое вранье поверит.

Я закусила губу, чтобы не расплакаться, сослалась на

головную боль и ушла к себе. Попробовала читать Диккенса – утешителя оскорбленных, но буквы прыгали у меня перед глазами. Проводив гостей, сестра пришла ко мне мириться. При всех своих недостатках она отходчива, этого у нее не отнять. Мы помирились, прослезились, выпили мировую. Я пригубила отвратительной кислятины, которую здесь называют вином, а сестра осушила почти полный фужер водки. Я так и не поняла, в чем состояла моя оплошность, и рискнула задать вопрос.

– Максимилиан? – сестра нахмурилась и строго посмотрела на меня. – Где он, Максимилиан? Зачем вспоминать этого засранца? Чтобы все сказали – Раневская осталась не на родине, а на бобах? У меня есть только один любовник – театр! Я никогда не изменю ему, а он мне.

Потом мы долго сидели молча и смотрели, как крупными хлопьями падает за окном снег.

Теперь в обществе стану говорить только о погоде.

14.12.1960

Повсюду огромные очереди. Если в магазине нет очередей, то, значит, в нем нечего покупать. Очереди не только за едой, но и за вещами, даже за дорогими – за коврами, за радиолами, за телевизорами, за драгоценностями. Сестра сказала, что за мебелью и автомобилями тоже очереди. По тону ее я поняла, что она меня не разыгрывает, а говорит правду.

– Значит, люди действительно живут хорошо, если многие могут позволить себе дорогие покупки, – порадовалась я.

Мне крайне необходимо радоваться, поддерживать в себе бодрость духа, потому что мои ожидания отличаются от увиденного, как Фонтенбло[3] отличается от Бельвиля[4]. Но Рубикон перейден, и пути назад нет. Мои мосты сожжены, позади остались только воспоминания. Свой век мне придется доживать в Москве, так лучше я буду стараться видеть как можно больше хорошего и не обращать внимания на плохое. Вот, например, две немолодые женщины могут спокойно, не боясь быть ограбленными, гулять по Москве ночью. И не только по центральным улицам, но и по тихим уютным переулкам. Гулять ночью по Риволи в обществе сестры я бы не решилась ни за что на свете.

– Деньги есть – а купить на них нечего, – возразила мне сестра. – Да реформа вдобавок. Вот люди и сметают все, что только можно.

Про реформу мне уже говорили – будут новые деньги, один к

десяти. Так удобнее. Непонятно, зачем из-за этого скупать все подряд. Сестра смеется и говорит, что пока я не «хлебну дерьма», то не поумнею. Меня очень коробит ее манера выражаться, но я не обижаюсь, потому что все понимаю. Если очень долго носить маску «простого человека из народа», то рано или поздно маска прирастет к лицу. Сестра рассказывала, как умение виртуозно материться дважды спасло ей жизнь во время гражданской войны, когда какие-то революционные солдаты (или матросы – я так и не поняла, что матросы делали на железнодорожных вокзалах) заподозрили в ней «буржуйку» и хотели не то арестовать, не то расстрелять, не то арестовать и потом сразу же расстрелять. Но, услышав мат, от которого краснели не только люди, но и лошади, солдаты отстали от сестры, поскольку не могли предположить, что кто-то, кроме потомственного пролетария, мог так браниться. А ведь когда-то Фанечка была такой застенчивой… Вспоминаю – и как будто это не она.

Цены здесь странные. Я – дочь коммерсанта, и любовь к подсчетам у меня в крови, хоть я никогда и не вела собственного дела. Хлеб и коньяк дешевы. Коньяк довольно хорош, в отличие от вина, и стоит всего лишь в два раза дороже водки. Качество мяса оставляет желать лучшего, даже на рынке продавец таращит глаза в ответ на просьбу отрезать немного филе-миньон. Здесь различают два сорта мяса – с косточкой и без. Все, что без косточки, смело называется «вырезкой». В ответ на мое недоумение сестра рассказала мне о том, что ей пришлось есть во время войны, когда она уехала в Ташкент, подальше от театра военных действий. Бедная Фанечка, сколько же всего ей пришлось вынести! Ни один мужчина, ни один театр, никакая слава не заслуживает таких жертв.

Слава у сестры колоссальная. Ей нельзя и двух шагов ступить без того, чтобы ее не узнали. Здешние люди довольно бесцеремонны – не просто глазеют, а подходят и начинают разговор. Знакомятся, рассказывают о себе, приглашают в гости, порой весьма настойчиво. Один восторженный поклонник подарил нам огромную копченую рыбину и оказался настолько любезен, что донес ее до квартиры. Сестра пригласила его зайти, но он смутился и отказался наотрез. Попросил только фотографию с дарственной надписью на память. За неимением свободной фотографии сестра расписалась на афишке.

– Один росчерк за полпуда рыбы – это хороший гешефт! – смеялась потом сестра. – Напрасно папа называл меня бестолковой!

Я позволила себе заметить, что Ава Гарднер или Рита Хейворт никогда бы не приняли от незнакомца столь

прозаический подарок и не стали бы приглашать его к себе домой. Сестра обиделась, обругала меня, и весь вечер мы провели порознь, в своих «кельях». Если говорить о размерах, то мы живем в настоящих кельях – тесных и неудобных. Но это еще не худший вариант. «Две комнаты в одни руки у нас давать не положено», – говорит сестра. Ее прислуга живет вместе с мужем, свекровью и двумя довольно взрослыми детьми в такой комнате, как моя. А в других комнатах их квартиры живут совершенно посторонние люди. На мой вопрос: «Где же вы все спите?» – несчастная женщина ответила как ни в чем не бывало:

– Бабка на своей кровати, мы с мужем на диване, а сыновья – на столе.

А вот подруга сестры, известная балерина, живет одна в пяти комнатах. Как говорит сестра: «По орденам и метры». Квартиры и дома здесь принято измерять не в комнатах, а в метрах. Это называется чудовищным словом «метраж». Пытаюсь подсчитать, пусть даже и примерно, какой метраж был у нашего таганрогского дома, и все время сбиваюсь. Одно помню уверенно – комната, в которой жили кухарка Фейге-Лея со своим мужем Моше-Хаимом, была больше моей комнаты. Или так мне тогда казалось? Сестра говорила, что наш дом уцелел. Вот бы съездить, посмотреть. Хочу и боюсь.

15.12.1960

Во время разговора сестра может вдруг выдержать долгую паузу, а затем заговорить совсем о другом. Вот сегодня, оборвав на середине рассказ о своей первой съемке в кино, она сказала:

– Художественный театр вырождается! Актеры плесневеют и зарастают мхом. Это уже не театр, а консерватория.

Я не всегда могу уловить ход мыслей сестры. Недоговаривать или пропускать объяснения, эта привычка у нее с детства. Но если не спросить, то она не объяснит.

– Почему – консерватория?

Кто знает, может, здесь решили превратить все театры в консерватории? Нехватка музыкантов?

– Это – театральные консервы, – говорит сестра. – Они сидят в своем театре, как в консервной банке, и не замечают того, во что превратились. Видел бы это Станиславский!

16.12.1960

Говорили с сестрой о том, как тяжело подчас бывает принимать решения, как велик страх сделать ошибку, «повернуть свою жизнь совсем не в ту сторону», как говорил наш отец. Но иногда жизнь сама поворачивается так, что только диву даешься. Наш отец всегда знал, как надо поступать, он всегда поступал правильно и славился своим умом и здравым смыслом не только в Таганроге, но и в Киеве, и в Ростове, и в Варшаве… И что? Он мог как-то повлиять на революцию? Никак. Сестра утверждает, что поступать надо так, как велит сердце, а не разум. Сердце лучше чувствует, как надо поступить, оно видит то, что неподвластно уму.

– Чем больше прикидываешь, тем скорее просчитаешься, – говорит сестра. – Я обычно не рассуждаю, а прислушаюсь к себе и решаю. Главное, чтобы никто не мешал прислушиваться. Жизнь не коммерция, чтобы строить ее по расчету. Вот одна моя подруга очень хотела стать знаменитой, но уже в молодости поняла, что особых талантов у нее нет. Это ее огорчило, но не сильно. У женщины всегда есть возможность возвыситься через мужа. Недаром же говорится, что половина святости, заработанной мужем, достается его жене. Она начала строить свою жизнь на голом расчете. Первого жениха, молодого поручика, у которого не было ни состояния, ни перспектив, она уступила старшей сестре. Себе, уже после революции, нашла другого офицера – красного (она уже тогда понимала, кто победит), более перспективного, да еще и со связями в богемных кругах. Как только представилась возможность, сменила его на генерала. Тогда он был чем-то вроде полковника и назывался комбригом или как-то еще, но как только вернули генералов, он стал генералом. Но она этого не дождалась – скучно ей стало. Красная Армия была куда больше царской, высоких чинов там было пруд пруди, и в положении жены комбрига никакого удовольствия не было. Тот цимес был совсем несладким. Но всегда же можно все исправить, было бы желание. А желание было, и она сделала ставку на довольно известного писателя, который был еще и драматургом. Ольга Книппер в свое время поступила точно так же и не прогадала. Но что вышло у Якова, не выйдет у всякого. Она просчиталась – писатель, за которого она вышла замуж, попал в опалу и до самой смерти так и не выбрался из нее. Гениального романа не опубликовал, гениальную пьесу его в Художественном не поставили… Крах, фиаско. Он хорошо понимал, что был лошадью, не оправдавшей ставки, сильно переживал это, а незадолго до смерти передал свою жену другому писателю, поудачливее…

– Как это – передал? – ужасаюсь я.

– Ну, «передалась» она сама, – сестра усмехнулась, выказывая

неодобрение. – А он, понимая, что дни его сочтены, одобрил и благословил. Но там все закончилось не браком, а романом, который кипел так же бурно, как должен кипеть хороший бульон. Потом и его не стало, и она теперь у разбитого корыта. Один раз сказала мне: «Зря я ушла от второго мужа, он так любил меня, долго не отпускал, и я его, кажется, любила. Но жизнь с ним казалась такой ску-у-учной».

Сестра некоторое время молчит, а потом вздыхает и говорит мне с улыбкой:

– Как же я люблю скучную жизнь, когда все размеренно, тихо, чинно! Никогда не жила так, наверно, поэтому и люблю.

18.12.1960

Ходили в кино, смотреть комедию «Подкидыш». Сестру узнали, едва мы вошли в фойе. Сеанс начали с опозданием – зрители не спешили идти в зал, окружили нас и восторгались: Раневская! Раневская! Когда мы попытались подойти к кассе, откуда-то выскочил очень галантный мужчина и провел нас в зал без билетов. После сеанса зрители аплодировали так громко, что я всерьез испугалась, как бы не рухнула крыша. Нет, все-таки в этой народной любви что-то есть. Даже мне было очень приятно, а уж как расцвела сестра – не передать. Потом смущенно ворчала, что вот пора бы и привыкнуть, а она все никак не привыкнет.

21.12.1960

Одной сидеть дома скучно. Не всегда читается, а радио я не люблю, тем более здешнее – вроде бы и по-русски говорят, а о чем, понять невозможно. Выхожу гулять. Сегодня решила потратить время с пользой и зашла в булочную, чтобы купить свежего хлеба. Соблазнилась «городскими», так было написано на ценнике, булками по семьдесят копеек за штуку. Купила четыре штуки. Уже дома поняла, что дала девушке за прилавком пять рублей, а сдачу получила, как с трех – двадцать копеек. Расстроилась. Неприятно, когда тебя обманывают. Я – человек, не привычный к советским купюрам, но ведь девушка видела, что я дала ей пять рублей. Она-то привычная. Ругаться не пошла, знала, что еще больше расстроюсь. Дело не в сумме, сумма-то небольшая, а в обиде. Сестра пришла поздно, сразу заметила, что я расстроена, и пристала с расспросами. Пришлось ей все рассказать, иначе бы она не отстала. Сестра смеялась так

заразительно, что мне тоже стало весело. Я вспомнила приказчика Ванечку из чайного магазина на Петровской в Таганроге, который считал: «Две осьмушки, да полфунта, да еще чайка на три золотника, вот и вышло с вашей милости два с половиной фунта». Сестра рассказала, что Ванечка стал писателем, пишет для детей и, кажется, неплохо. Поистине, наш Таганрог – колыбель талантов!

22.12.1960

Пока я спала, сестра успела спуститься в булочную и устроить скандал директору. Проснулась я от настойчивого звонка в дверь. Открываю, а на пороге стоят сестра и незнакомый мужчина лет сорока, лысый, толстощекий, в пальто, накинутом на белый халат. Оказалось, что это директор булочной, который пришел принести мне извинения, чтобы сестра не писала на него жалобу. Сестра намеренно не стала открывать дверь своим ключом, чтобы гость не застал меня в неглиже. Так я хотя бы халат накинула, прежде чем открыть дверь. Директор булочной не пошел дальше прихожей. Он пространно просил прощения, заверил меня, что ничего такого больше не повторится, и пообещал уволить обманщицу. Мне показалось, что увольнение – это чересчур, достаточно, если она пообещает впредь так не поступать. Директор стал убеждать меня в том, что только строгостью можно поддерживать порядок. Говорили мы громко, и шум голосов привлек внимание соседей. Раздался стук в дверь, что-то спросили. Сестра открыла дверь и сказала:

– Все нормально, мы в кои-то веки привели к себе мужчину и решаем, кто будет первой, а кто второй.

Я была готова провалиться со стыда сквозь землю. Директор покраснел еще больше, пробурчал что-то и ушел. Примечательно, что два рубля он нам так и не вернул. Сестра сказала, что ее обсчитывают постоянно (это у нас, наверное, фамильное), но она никогда не скандалит, потому что стесняется шуметь из-за каких-то копеек. Но, когда обидели меня, она рассердилась и решила, что так этого не оставит. Я теперь буду ходить в какую-нибудь другую булочную, в этой мне появляться неловко. Странно и неудобно, что здесь нельзя делать покупки по телефону или же договориться, чтобы из булочной ежедневно по утрам доставляли свежий хлеб так же, как приносят газеты.

25.12.1960

Здесь не принято праздновать Рождество, которое считается буржуазным праздником. Празднуют только наступление нового года. У нас дома всегда ставили елку на Рождество. Находились ревнители, упрекавшие в том нашего отца. Он улыбался и отвечал, что Бог заповедовал людям радоваться и от лишнего праздника никакого худа никому не будет. Отец был умным человеком, из тех, про кого говорят *er hat großzügige Ansichten*[5]. Он так переживал, что сестра не захотела уезжать с ними. Винил в том себя, однажды сказал, что надо было нанять троих молодцев, чтобы они схватили сестру и силой привели на пароход. Не уверена, что столь крайние меры оказались бы действенными. Сестра прыгнула бы с парохода в море или же вернулась бы обратно из Констанцы. Характер у нее отцовский, фельдмановский, это я пошла в мать, а братья – ни в мать, ни в отца, серединка на половинку. Возразить отцу они могли, а настоять на своем духу не хватало.

В четверг у нас событие – мы приглашены в Большой театр на балет. Танцует та самая балерина, наша соседка, которая дружит с сестрой. В Мариинском театре я была не раз, а вот в Большом побывать не пришлось. Если говорить начистоту, то в Москве до отъезда я толком ни разу и не бывала, все проездом – на день, самое большее – на два. Времени только и хватало на то, чтобы Петровский пассаж обойти да к Солодовникову заглянуть.

Ходила вчера по улице Горького, хотела купить подарок сестре. Ничего не нашла. Очередей я боюсь, а без них ничего купить невозможно. Хвалю себя за то, что предусмотрительно припрятала кое-что. Представляю, как обрадуется сестра шелковому шарфику. Любовь к ярким вещам у нее с детства.

У людей радостные лица. Предчувствие праздника витает в воздухе. Новый год мы будем встречать в гостях. Я была бы не прочь встретить его дома, с годами все больше и больше начинаю ценить тихие семейные праздники, но не все зависит от меня одной. Сестра хоть и ворчит постоянно про то, как ей все надоели, но на самом деле одиночества и тишины не выносит. Слишком живой характер. Или это уже издержки профессии – привыкаешь к публике, тянет постоянно быть на людях?

26.12.1960

Здесь совершенно не принято обедать в кафе, все едят дома. Рестораны обычно посещаются вечером, чаще по какому-то торжественному поводу. Сестра говорит, что кафе в Москве почти нет, есть столовые, которые похожи на трактир «Саратов». Думаю,

что она преувеличивает. Даже по прошествии стольких лет о «Саратове» невозможно вспоминать без содрогания. Дамы, проезжая мимо этой *cloaque*[6], спешили поднести к носам надушенные платочки, а мужчины закуривали или попросту зажимали носы. «Саратов»! Вспомнишь его, и ужинать уже не хочется.

27.12.1960

У сестры в театре очередные неприятности. Недавно она получила новую роль в какой-то пьесе из дореволюционной жизни. «Играю очередную блядь», – сказала она в ответ на мой вопрос, но это не столь важно. Важно, что эту роль у нее хотят отнять и передать другой актрисе, которая поступила в труппу совсем недавно. Имени ее я не запомнила. Кажется, сестра его и не называла, употребляла одни лишь нелестные эпитеты. Запомнила только, что она тоже из Таганрога. Интересное совпадение. Сестра очень возмущалась, что соперница, будучи чуть ли не вполовину моложе ее, уже получила звание народной артистки, здешнюю *la plus haute récompense*[7]. «Знаю я, каким местом она народную заработала!» – кричала сестра и хлопала себя по этим самым местам. В самом деле – непонятно. Сестра трижды получала премии от самого Сталина, ее знает вся страна, и при этом она до сих пор официально не считается народной актрисой. Странно. Разделяю ее негодование, оно кажется мне справедливым. Не знаю, какими достоинствами обладает ее соперница, раз смогла получить звание народной актрисы в тридцать лет, но в том, что сестра это звание давно заслужила, у меня нет сомнений.

Мир театра и актерства вообще, до недавних пор представлявшийся мне чем-то возвышенным, одухотворенным, после рассказов сестры потерял свой блеск и пр. Увы, везде одно и то же – интриги, происки, склоки. В театр сестры недавно пришел новый режиссер. «Наша новая метла хуже любого топора!» – жаловалась мне сестра. Не понимаю, почему при своей неимоверной славе и благоволении власть имущих, сестра занята всего в трех спектаклях, причем в далеко не главных ролях. Сестра объясняет это двумя причинами – интригами и антисемитизмом, который, не будучи официально провозглашенным, тем не менее присутствует, по ее выражению, «на всех уровнях». Не могу судить обо всех этих уровнях, но я, прожив здесь совсем немного, уже дважды успела услышать в свой адрес выпады подобного характера.

Сдается мне, что существует и третья причина, превосходящая две другие, – это характер моей сестры. Она, как роза, которой можно любоваться только на расстоянии. Стоит дотронуться – и сразу же уколешься. Не могу верно судить за глаза, но вряд ли следует называть режиссера «Прокрустом от искусства» и заявлять, что он не стоит даже плевка Станиславского и что у него творческий климакс. Надо вести себя дипломатичнее, особенно с теми, от кого зависишь. Дипломатичности сестре от отца совсем не досталось, а то бы она уже была трижды народной актрисой. Сестра жалеет о том, что ушла из прежнего своего театра. Хочет вернуться, говорит, что Ирина зовет ее туда, но очень сложно возвращаться обратно. Догадываюсь, что сестра перед уходом могла громко хлопнуть дверью, она это умеет.

29.12.1960

Были в Большом театре. Нынче принято говорить просто – «в Большом», опуская слово «театр». Сидели в партере, вся сцена как на ладони. Смотрели ту самую «Шопениану», которую я когда-то видела в Мариинском театре. Восторг! Музыка, танец – все восторг! Сестра под занавес прослезилась. Сказала, что чувствует, что это было прощание со сценой ее подруги. Я в шутку порадовалась за сестру (и не в шутку тоже), сказала, что театральным актрисам, в отличие от балерин, можно долго оставаться на сцене. Сестра почему-то почувствовала себя оскорбленной, и всю обратную дорогу мы ехали молча. А мне так хотелось поделиться с ней своими впечатлениями! Сейчас она рассказывает кому-то по телефону о том, как божественно танцевала ее подруга, а я сижу в своей комнате и жду, когда она закончит разговор, чтобы объясниться с ней и поблагодарить за доставленное мне удовольствие. Только сейчас, пока дописывала предыдущую фразу, поняла, что и в самом деле сказала бестактность. Вышло так, словно я намекаю на то, что сестре пора оставить сцену. Ни о чем таком я не думала, но слова мои могли быть поняты именно так. Увы, мы обе уже немолоды, а не мне ли знать, как болезненно воспринимаются даже намеки на возраст. Следом за бестактностью я совершила глупость. Следовало попросить прощения прямо там, в зале. Тогда бы и настроение у нас обеих сейчас было другим.

31.12.1960

Телефон звонит беспрерывно, сестра от него не отходит. В паузах между звонками звонит сама. Говорит одним и тем же приветливым голосом, но по выражению лица я сразу догадываюсь об отношении к человеку. С Норочкой, Леночкой и Ниночкой разговаривала с улыбкой, слушая поздравления Михаила Михайловича и Ларисы Ароновны, морщилась, а после незнакомого мне Бориса Ивановича плюнула на пол, растерла ногой и выругалась. Я хотела посоветоваться по поводу того, что мне лучше надеть, но в ответ услышала: «В нашем возрасте, милая Белла, не молодит ни одежда, ни ее отсутствие. Надевай что хочешь, кроме Нюркиного фартука, у нее привычка в него сморкаться». Нюра – это приходящая прислуга. Сестра хотела подарить ей духи (фиалковые, отдаленно напоминающие *Magie*), но Нюра сказала, что лучше дать ей денег, потому что духи все равно выпьет муж. Сестра рассмеялась и добавила к подарку какую-то сумму, судя по выражению Нюриного лица – весьма значительную. Отношение к деньгам у сестры разнится в зависимости от настроения – то она швыряется ими в полном смысле этого слова, то ворчит по поводу лишней потраченной копейки. С нетерпением жду, когда начну получать пенсию. Меня никто не попрекает, да и не за что меня попрекать, но, имея постоянный собственный доход, пусть даже и небольшой, чувствуешь себя увереннее…

Удивительно, что здесь принято поздравлять телеграммами даже тех, с кем живешь в одном городе. Можно же позвонить или явиться лично.

02.01.1961

На людях, в компании знакомых сестры, чувствую себя очень неловко. Знакомясь со мной, некоторые люди называют себя и делают паузу. Они ждут от меня какой-то реакции, ждут, что я их узнаю, скажу, что польщена знакомством и пр. А я не знаю, что им сказать. Даже восхищение выразить не могу, потому что восхищение должно быть адресным. Сестру забавляет не столько мое смущение, сколько смущение тех, кто не получил от меня положенной порции восторгов. «Так им и надо, – смеется она. – Пусть знают, что за границей они никто, нули без палочек и галочек». Очень гордится похвалой американского президента Рузвельта, но больше всего тем, что Сталин сказал какому-то известному актеру: «ты, в отличие от Раневской, все свои роли играешь одинаково».

Во время встречи Нового года запоздавшая гостья приняла

меня за сестру. С потрясающей, должна заметить, бесцеремонностью. Всплеснула руками и громко воскликнула: «Фаина, что вы с собой сделали?!» Когда я ответила, что я не Фаина, а ее сестра, то в ответ услышала: «Ну да, вы гораздо моложе». Сестра не стала уточнять, что на самом деле я старше ее. Она окинула мою собеседницу оценивающим взглядом, словно видела ее впервые, и сказала с показным сожалением: «Вы, Тамара, совсем уже ослепли, если меня с сестрой спутали. Ничего не поделать, годы берут свое». Тамара, выглядевшая лет на сорок – сорок пять, покраснела, но ничего не ответила. Чуть позже сестра отвела меня в сторону и начала рассказывать длинную историю своих отношений с Тамарой. Рассказывала она сбивчиво, к тому же ее то и дело кто-то перебивал, поэтому я ничего не поняла. Запомнила только, что от Тамары лучше держаться подальше, потому что она, как выразилась сестра, «такая змея, которая хуже любой ехидны».

Не перестаю удивляться тому, что здесь принято спрашивать не только, где была куплена та или иная вещь, но и за сколько. «Сугубый моветон», как говорила наша классная. Я не запоминаю цен, но, если меня расспрашивают настойчиво, называю какие-то цифры. Франки с фунтами тут же переводятся в рубли и неизменно следует сравнение с местными ценами. Здесь, как мне кажется, все что-то продают. Даже сестра этим занимается – то помогает кому-то из знакомых сбыть кофточки, то предлагает итальянские чулки, которые какая-то Галочка (по рекомендации сестры – актриса от Бога и золотой человек) посылает ей из Одессы. Но самое удивительное то, что здесь не стесняются или не слишком стесняются просить уступить ту или иную вещь, которую человек уже носит. Моя черная сумочка вызывает у местных женщин чувство, близкое к вожделению. Едва ли не каждая третья интересуется тем, не уступлю ли я ей сумочку за деньги или в обмен на что-то. Одна дама предложила мне живого попугая, которого ее отец обучил разговаривать.

– Он очень способный, – уверяла она, обдавая меня терпким спиртным духом. – Он и ваше имя выучит, Белладонна Григорьевна…

Сама бы выучила для начала. Я не стала обижаться на нее, потому что бедняжка была пьяна настолько, что то и дело норовила свалиться со стула…

Оказывается, что я была неправа, когда не верила рассказам сестры о ее дружбе с Анной Ахматовой, той самой, которая написала «Как соломинкой, пьёшь мою душу». Сначала я удивилась тому, что она еще жива. Мне в юности она представлялась взрослой, многое пережившей женщиной. На

самом деле, мы почти сверстницы – каких-то три года разницы. Затем я думала, что сестра преувеличивает, возводя простое знакомство в ранг близкой дружбы. Так часто бывает, когда речь заходит о выдающихся людях. Мой покойный муж в 1928 году был представлен Пуанкаре. Лет через пять это стало считаться «знакомством», а еще позже превратилось в «было время, когда сам Пуанкаре прислушивался к моим советам». Я в таких случаях старалась уйти подальше, чтобы не выдать себя взглядом или улыбкой. Надо уметь прощать людям их мелкие слабости. Что же касается дружбы сестры с Анной, то это правда, сестра нисколько не преувеличивала. Их действительно связывают дружеские отношения, причем (редчайший случай!) в отношениях этих сестра довольствуется подчиненной ролью. Такой она бывает только с Анной и Полиной Леонтьевной.

04.01.1961

Вспоминали Таганрог. Сестра напрочь забыла о том, как устраивала своим куклам чаепития и рауты. А я помню эти церемонии в деталях. Уверена, что режиссерский талант сестры не меньше актерского. Сказала ей об этом и услышала в ответ:

– Я – ударница-многостаночница. И актриса, и режиссер, и гример, и костюмер. Хорошо еще, что билетами торговать не приходится.

«Ударница-многостаночница» – жуткое слово. Русский язык, к сожалению, утрачивает свою красоту. Жировка, бронь, местком, трудодень… Но хуже всего слово «прохоря», услышанное мною недавно. К нам на улице подошел небритый краснолицый мужик в грязном драповом пальто и предложил купить у него «прохоря». Предлагаемый товар находился в мешке, поэтому я не поняла, о чем идет речь, но сестра, не раздумывая, ответила ему грубо, но почти в рифму:

– На хера нам твои прохоря?

И мы пошли дальше. Сестра объяснила, что прохоря – это сапоги. Обещает, что если я буду стараться, то через полгода научусь читать здешние газеты и понимать не только то, что в них написано, но и то, что не написано. Второе якобы важнее первого. Мне в газетах нравятся только фельетоны. Те, что хорошо написаны, напоминают мне Тэффи. Тэффи здесь не издают, считают чуждой. Странно, она ведь во многом сродни Чехову, а Чехова даже в школе изучают, насколько мне известно. Наверное, дело в том, что несчастная Тэффи умерла в эмиграции. Отношение к эмигрантам здесь предвзятое. Даже я это чувствую.

Словно я какой-то грех совершила, а не просто переехала из одной страны в другую. Тем более что я покинула Россию задолго до революции. В чем моя вина? В чем вина родителей и брата? В том, что благополучно пережив один арест, отец не стал дожидаться следующего?

06.01.1961

– Зритель меня любит, а на всех остальных плевать я хотела, – сказала за завтраком сестра. – Если я буду стараться нравиться всем, то скоро перестану нравиться самой себе.

Рано утром звонил телефон. Судя по времени звонка и по тону, которым разговаривала сестра, речь шла о чем-то неприятном. Сестра преимущественно слушала, время от времени вставляя короткие замечания, поэтому я не могла догадаться, о чем шел разговор, хоть мне и хотелось проникнуть в его смысл. Стыдно признаваться в таком, но самой себе, наверное, можно признаться – я люблю подслушивать. Схватить на лету немного не предназначавшихся тебе сведений – это так увлекательно! Я так любопытна! Обожаю знать все. В разговоре сестра дважды упомянула имя Марина, и, насколько я могу судить, замечание «она своей жопой сразу на трех стульях усидеть хочет», тоже относилось к Марине.

– Что-то случилось? – осторожно спросила я.

– Каждому возрасту – свое амплуа! – сказала сестра, игнорируя мой вопрос. – В Джульетты я, положим, не гожусь, но старух играть еще могу. А загримируюсь как следует, так и с балкона воздушные поцелуи слать буду! Я, положим, в молодости тоже играла старух! Всех старух у Островского переиграла – Анфису Тихоновну, Глафиру, Манефу… Но ролей никогда ни у кого не отбирала! Играла, потому что некому было играть! А эта фря хочет играть всех, от Джульетты до барыни с двумя лакеями! Мало ей, видите ли, ролей, надо у Раневской отобрать! А это видала?!

Увлекшись, сестра показала мне кукиш, словно я была ее обидчицей.

Как же хорошо, что я не стала актрисой! А ведь мечтала когда-то о сцене, даже леди Ровену в благотворительном спектакле играла…

08.01.1961

Над загадочным поведением одной из лифтерш я ломала голову с момента своего приезда. При встрече я с ней приветливо здоровалась и в ответ получала то неприязненный взгляд и едва заметный кивок, то щедрую улыбку и пожелания «доброго вам здоровьичка». Сначала я думала, что, сама того не замечая, веду себя как-то иначе, и стала строже следить за тоном и выражением лица, но поведение лифтерши продолжало удивлять меня. Ее напарницы вели себя иначе, здоровались хоть и без особого радушия (с чего бы ему взяться?), но неизменно вежливо. Загадку помогла разгадать сестра, точнее, она подсказала мне ответ.

– Трезвая она цербер, а как выпьет рюмку-другую, то сразу добреет.

Я присмотрелась и убедилась, что сестра права. Как я только сама не догадалась?

09.01.1961

За какие грехи мне такое наказание? Не успела привыкнуть к одним деньгам, как надо привыкать к новым. «Перешли с портянок на фантики», – говорит сестра, сравнивая большие старые купюры с маленькими новыми. Новые купюры красивее старых, хотя и не такие красивые, как франки в стиле *art déco*. Раскладываю их перед собой и изучаю, чтобы не путать. Купюры яркие, сразу же различаются по цвету, только надо к ним привыкнуть, а также привыкнуть к тому, что все стало стоить в десять раз дешевле. У меня голова идет кругом. Сестра сердится, говорит, что на рынке уже подорожало мясо, значит, подорожает и все остальное. Не понимаю, почему так случилось, ведь это всего лишь арифметика, все делим на десять, почему мясо должно дорожать? Наверное, оно подорожало из-за того, что сейчас зима. Зимой, кажется, и в прежние времена мясо стоило дороже. Что-то такое я слышала от нашей кухарки.

10.01.1961

Н.А. и В.Е. очень милые люди. «Последним островком» называет их дом сестра, имея в виду прошлую жизнь. Заметила одну особенность – если официально все старое ругают или, по крайней мере, относятся к нему снисходительно, то *tête à tête*[8] им принято восхищаться. Думаю, что люди не столько восхищаются прежним укладом и прежними порядками, сколько своей молодостью. Впрочем, торговля в прежние времена была

несравнимо богаче. На меня местные магазины производят угнетающее впечатление. В Марокко и то магазины лучше, а уж обслуживание и сравнивать нечего. Французский торговец сделает для клиента все возможное, араб или турок попытается сделать невозможное, лишь бы никто не ушел из его лавки с пустыми руками, здешние же продавцы надменны и недружелюбны. Они обычно не обращают внимания на покупателей до тех пор, пока те к ним не обратятся, но и тогда отвечают односложно, часто – сквозь зубы, словно покупатели мешают им заниматься каким-то важным делом. Если я что-то переспрашиваю, то в подавляющем большинстве случаев мне отвечают грубо. Высший смысл своей деятельности здешние продавцы видят в получении денег и выдаче товара, консультировать покупателей они не желают. Во всем мире продавцы заискивают перед покупателями, здесь же, наоборот, покупатели заискивают перед продавцами. Здесь нет скидок, но для того, чтобы заручиться расположением продавца, принято ему переплачивать. Кое-что из пользующегося большим спросом продается только с переплатой, как бы тайно, но все об этом знают. Сестра учит меня правилам общения со здешними продавцами, знакомит с некоторыми. Это обучение забавляет меня неимоверно. Надо подойти, дождаться, пока продавец обратит на тебя внимание, обменяться многозначительным взглядом, давая понять, что ты пришла по делу, тихо, чтобы не привлекать внимания окружающих, сказать, что тебе надо. Если требуемый товар есть в наличии, продавец кивнет и отойдет за ним. Вернется со свертком, который ни в коем случае нельзя разворачивать на месте, и негромко назовет цену, обычно круглую. Мне сразу же вспомнилось, как в гимназические годы мы покупали в магазине на Петровской не рекомендованные к прочтению романы. Точь-в-точь то же самое. Приходили, дожидались, пока освободится наш доверенный А., спрашивали шепотом «нет ли чего почитать», получали книги, завернутые в плотную бумагу, и платили столько, сколько называл А. Но то было пикантное чтение, а здесь печенье к чаю приходится покупать подобным образом. «Что ты удивляешься? – говорит мне сестра. – Привыкай к тому, что мир стоит на голове!» Я пытаюсь во всем найти рациональное зерно и объясняю это так – в государстве трудящихся продавец, как трудящийся, заведомо стоит выше покупателя. Хотя покупатели ведь тоже трудящиеся или пенсионеры. Нет, сестра права, незачем ломать голову, лучше я буду просто привыкать. И чем скорее, тем лучше.

12.01.1961

Сестра была у Екатерины Ал-ны, поздравила ее с Новым годом, подарила редкой красоты бриллиантовые серьги, которые ей привезла из Петербурга (никак не могу привыкнуть называть его Ленинградом) Дора. Я сначала решила, что сестра купила их для себя, и только после того, как они были подарены, узнала, кому они предназначались. Екатерине Ал-не подарок пришелся по душе, сестра рассказала, что она тотчас же открыла дверцу шкафа, на внутренней стороне которой у нее висит большое зеркало, поднесла серьги к ушам и начала восторгаться. Здесь, оказывается, нельзя открыто повесить зеркало в своем кабинете, считается, что это отвлекает от работы. Сестра довольна, что угодила Екатерине Ал-не, уже не жалеет, что переплатила за них Доре чуть ли не вдвое от первоначально оговоренной цены. Должна заметить, что поведение Доры заслуживает порицания. Обсуждая приобретение серег по телефону, она назвала одну цену и заручилась согласием сестры, а по приезде заявила, что в самый последний момент женщина, продававшая серьги, передумала и подняла цену.

– Фаина, я пыталась снова дозвониться до тебя, но не смогла, – причитала Дора, то и дело всплескивая руками, она мне напомнила машущую крыльями курицу. – А эта выжига уже собралась уходить. Я, говорит, знаю людей, которые не пожалеют денег. Я взяла все деньги, что были у меня, заняла недостающее у соседки и отдала ей. Билет до Москвы уже не на что было купить, спасибо, Раечка выручила…

Я подозревала, что Дора врет, уж очень ненатурально она себя вела. Сестра тоже ей не проверила, но серьги все же взяла. За ту цену, которую назвала Дора.

– Гей ин дрерд![9] – в сердцах сказала сестра, закрыв за Дорой дверь, и начала вспоминать, сколько хорошего сделала она Доре и сколько раз Дора обманывала ее.

Екатерина Ал-на намекнула, что к 8 марта, коммунистическому женскому празднику, сестра получит *surprise.* Теперь мы гадаем – это будет какой-нибудь орден или звание народной актрисы, которого так ждет сестра. Сестра больше хочет стать народной актрисой. Это почетнее, чем орден, и дает много различных выгод. Будем надеяться и ждать. «Главное, не помереть в день выхода указа», – шутит сестра. Екатерина Ал-на вспомнила и обо мне, спрашивала, нравится ли мне в Москве. Сестра заверила ее, что мне очень нравится, что я счастлива и что сама она тоже счастлива.

А счастлива ли я на самом деле? Не знаю. Чувствую внутри пустоту, какое уж тут счастье? Да и бывает ли оно в моем возрасте? В следующем году мне исполнится 70 лет! 70 лет!

Подумать только! А когда-то меня страшили цифры 40 и 50! А в будущем году – 70! Я уже предупредила сестру, что не отмечаю день своего рождения. Слишком уж грустно сознавать, что прошел еще один год. Печальная арифметика.

15.01.1961

Время, положенное для визитов, не соблюдается здесь совершенно. Гости могут заявиться в полдень, и это считается совершенно естественным, во всяком случае, сестра не выказывает никакого удивления. Привычка звонить из автомата у нашего дома и извещать: «А мы сейчас к вам поднимемся» тоже удивляет меня. «А если бы нас не было бы дома?» – спрашиваю я сестру. «Тогда бы Т. отправилась к кому-нибудь из соседей, ее же половина дома знает», – отвечает сестра. Мне это странно и непривычно, хотя должна признать, что во внезапном приходе какого-нибудь приятного человека есть своеобразная прелесть. Получается маленький *surprise*. Если же гости не очень-то мне по душе (приходят и такие), то, высидев немного для приличия, я могу сослаться на мигрень и уйти к себе. Это же не столько мои гости, сколько гости сестры, мое общество им не очень-то и нужно. Большей частью я не понимаю, о чем идет речь, и не могу поддерживать разговор должным образом. Отвечать же на однообразные вопросы о заграничной жизни мне уже надоело. Меня забавляет то, что сначала люди ахают, восхищаясь, а затем начинают убеждать меня в том, что при некоторых преимуществах, во всем остальном заграничная жизнь во многом уступает здешней. Как будто я с ними спорю! Или же они, делая вид, что убеждают меня, пытаются убедить самих себя? Но больше всего забавляет вопрос, который неизменно задается последним – привезла ли я что-нибудь на продажу? Здесь очень много вещей продается «на руках», то есть знакомые продают знакомым. С незнакомыми дело иметь опасно, потому что любая самочинная торговля считается незаконной и за нее могут посадить в тюрьму. Но, несмотря на это, какие-то *marchés aux puces*[10] здесь есть. Хочется увидеть. Обожаю рыться в старых вещах, среди них иногда попадаются довольно премилые.

17.01.1961

Вчера у соседей Сергея и Светланы был небольшой прием по случаю дня рождения Светланы. Собралось человек 15. Сестра

сначала не хотела идти, потому что очень устала днем (возила Полину Леонтьевну к докторам, она болеет, бедняжка), но потом все же пошла, потому что не пойти было неудобно, да и шумели наверху так, что не отдохнешь. Странный наш дом, вроде бы один из лучших в Москве, а звуки слышны, как в меблированных комнатах Знаменской. Но шум от соседей это полбеды, настоящая беда, когда утром во дворе начинают разгружать машины с хлебом. В булочную внизу я так больше и не хожу.

Один из гостей, Павел Александрович, весьма приятный в общении мужчина, рассказал ужасное. Он только что прилетел из Краснодара (так теперь называется Екатеринодар, где наш отец собирался открыть торговлю на паях с мануфактурщиком Хачадуровым, но так и не открыл). Оказывается, в Краснодаре днем раньше произошли беспорядки, настоящие народные волнения. Трудно поверить, но здесь, оказывается, тоже бывают беспорядки, только про них не пишут в газетах и вообще никак не объявляют. Полиция арестовала какого-то солдата из местных, его знакомые большой толпой напали на участок, была стрельба, какого-то молодого парня убили, люди рассвирепели и начали громить партийные комитеты и вообще все подряд. Краснодар оцеплен войсками, никого не впускают и не выпускают, Павел Александрович (он сам родом оттуда) сумел улететь только с помощью своего приятеля, начальника аэропорта, который подсадил его в попутный самолет. Все качали головами, ахали и повторяли, что при Сталине такого произойти не могло. Сестра вспомнила, как ее когда-то приглашали играть в Краснодаре, но она отказалась. Павлу Александровичу не понравился тон, которым сестра говорила о его родном городе, и он начал пространно рассказывать о том, насколько хорош Краснодар и чем он хорош. Кроме меня, его никто, кажется, не слушал, а я сидела прямо напротив и вынуждена была время от времени кивать и вставлять какие-то замечания. Спасла меня одна из гостей, Инночка, очень милая девушка. Она под каким-то предлогом увела меня на кухню и стала расспрашивать про Францию. Инночка просто бредит Францией, особенно Парижем, довольно бойко говорит по-французски. Я обещала дать ей журналы с выкройками, которые привезла с собой. Когда мы вернулись домой, я спросила у сестры, не разыграл ли нас и всех остальных Павел Александрович. Сестра ответила, что так шутить не принято, и добавила, что Павел Александрович, при всех его недостатках, не имеет привычки выдумывать или хотя бы преувеличивать. Я призналась, что очень боюсь, как бы подобные беспорядки не случились в Москве. Мне довелось видеть беснующиеся толпы, и я этого зрелища никогда не забуду. Сестра

заверила меня, что в Москве ничего подобного случиться не может. Хочется ей верить.

19.01.1961

Сестра плакала утром. Видела плохой сон про Полину Леонтьевну, а какой, рассказать не могла, давилась рыданиями. Я прыгала вокруг нее с водой, разбила стакан, а когда собирала осколки, поранила палец. Дурной день. Не хочется даже выходить из квартиры. Мне можно лентяйничать, а у сестры вечером не то спектакль, не то встреча со зрителями. Сестра как-то раз обмолвилась, что за одну встречу со зрителями ей платят больше, чем за целый месяц в театре. Вроде бы не шутила, но разве такое возможно? Уточнять и переспрашивать я не стала, постеснялась проявлять интерес к заработкам сестры. Но какой смысл тогда вообще играть роли в театре? Да еще в столь недружелюбной, нервозной обстановке?

Стану сегодня читать и раскладывать пасьянсы. За окном идет снег, все кругом такое белое, что невольно вспоминается подвенечное платье.

20.01.1961

«Замок» сошелся два раза подряд! Жду чего-то радостного. Не рассказала сестре, потому что боюсь сглазить. Нюра поскользнулась на улице, упала, повредила ногу, ей наложили *longuette*. Теперь у нас временно новая прислуга – Таисия, угрюмая неразговорчивая девушка откуда-то из Сибири. Сестра попросила приглядеть за ней. Я приглядываю, но все время стоять, что называется, «над душой» у Таисии невозможно и неловко. Занимаюсь своими делами и время от времени интересуюсь тем, что она делает. Полы она трет старательно, но неловкая – то и дело на что-то натыкается. Чай пьет с блюдца, шумно отдуваясь. Я целую вечность не видела, как пьют чай с блюдца, забыла даже, что такое бывает. Попыталась завести разговор, но неудачно. Таисия по три раза переспрашивает, а потом вздыхает вместо ответа. Мишигене копф[11].

22.01.1961

Сегодня утром сестра обнаружила пропажу денег и

облигаций. 200 рублей в новых деньгах и облигаций примерно на три с половиной тысячи в старых. Я удивилась тому, что у сестры есть капитал в ценных бумагах, но оказалось, что облигациями здесь периодически выдают зарплату, когда у правительства нет в наличии денег. Кроме Таисии в краже заподозрить некого. (Очень надеюсь, что сестра не подозревает меня.) Таисия обещала прийти завтра утром, но после того, что она натворила, она вряд ли еще появится у нас. Сестра ругала Таисию по-русски и проклинала на идиш. Досталось и Нине, которая привела к нам воровку. Оказывается, Нина познакомилась с ней случайно, на почте, пожалела и решила пристроить к хорошим людям.

– Она казалась такой несчастной! – сокрушалась Нина. – У нее были такие ясные глаза! Она меня так благодарила! Руки целовать пыталась!

На сестру Таисия тоже произвела благоприятное впечатление, иначе она не наняла бы ее. В конце концов, виноватой оказалась я, потому что плохо приглядывала за Таисией. Я очень оскорбилась, потому что не чувствовала за собой никакой вины, и попросила назвать мне точную сумму ущерба, чтобы я могла его возместить. Нина стала убеждать нас в том, что это ее вина, и обещала впредь быть разборчивее, сестра ругала нас обоих… Кончилось все примирением, не менее бурным, чем объяснения. В честь примирения мы выпили коньяку, а после того, как Нина ушла, предались воспоминаниям. Сестра успокоилась и больше уже на меня не сердилась. Я поинтересовалась, почему она не обратится в полицию.

– Если даже случится чудо и они найдут эту мерзавку, то денег своих я назад все равно не получу, – ответила сестра. – А вот Нину могут затаскать, еще чего доброго объявят соучастницей. Черт с ними, с деньгами, еще наживем. Кожу с жопы нам, к счастью, продавать не приходится…

«Кожу с жопы» – это любимое выражение Самойловича, приказчика из рыбного магазина Лазарева, лучшего в Таганроге. Ругаясь с извозчиками или грузчиками, он кричал на всю Соборную площадь: «Да чтоб тебе кожей с жопы торговать пришлось, паразит!»

26.01.1961

Навестили могилку актера Качалова, наставника и друга сестры. Мне довелось видеть его в роли Тузенбаха, когда они с сестрой еще не были знакомы. На кладбище сестра показала мне, где похоронена актриса Малого театра Массалитинова, и

рассказала, что именно она была виновата в том, что двадцать два года назад сестру не взяли в труппу Малого театра.

– А то была бы я сейчас мхатовкой, не хуже Маринки Ладыниной, – сказала сестра и, смешно расставив руки, прошлась передо мной вычурной походкой. – Да вот не довелось. С какими только театрами я не переспала, а вот Малый дал мне от ворот поворот…

Не понимаю, как она может так говорить об искусстве, о театре! Переспала! В театрах служат! Иногда сестра удивляет меня особенно. Или то простая бравада, результат перебродивших обид?

– Я уходила из Театра Армии с таким скандалом, – сестра зачем-то оглянулась по сторонам, несмотря на то что на аллее мы были одни, только в конце ее мужчина разгребал лопатой снег, но он был так далеко, что не мог нас слышать. – С та-а-аким скандалом! То, что я устраивала дома, когда папа не отпускал меня в актрисы, не шло ни в какое сравнение. Меня даже в газете пропечатали вместе с еще одним актером. Я тебе потом покажу эту газетку, если случайно ею не подтерлась. Меня обозвали дезорганизатором театрального производства, хорошо хоть, что не вредительницей…

Я повторила это выражение про себя несколько раз, чтобы запомнить – «дезорганизатор театрального производства». Слышали бы такое Островский или Чехов! Театральное производство!

– И вообрази себе такую картину – я громко хлопаю одной дверью, затем вежливо стучусь в другую, а мне не открывают. Режиссер Судаков, еще вчера соблазнявший меня столь рьяно, что у меня появились надежды на личную жизнь, разводит руками и трясет головой. Я возмущена! Как так, Илья Яковлевич! Вы же меня звали, золотые горы сулили! Ну, горы не горы, а роли он мне обещал…

Здесь я вынуждена сделать небольшую паузу, потому что сестра добавила несколько фраз, записывать которые у меня рука не поднимается. К тому же я ничего толком не запомнила, ибо сызмальства приучена пропускать подобное мимо ушей. Немного успокоившись, сестра перестала браниться и продолжила свой рассказ:

– Эйзенштейн еще до «Ивана Грозного» хотел снять меня в «Александре Невском», в роли честно́й вдовы, мамаши богатыря Васьки Буслая. Ролька так себе, дрянцо-заподлицо, но я бы из нее сделала что-то приличное, тем более что Эйзенштейн разрешал актерам отсебятину, при условии, что эта отсебятина ложилась в текст. Я согласилась, но потом Эйзенштейн передумал и снял

вместо меня Массалитинову. Небось, побоялся, что вместо мамаши русского богатыря получится у меня еврейская алте мойд[12]. Если бы я хотя бы по паспорту была бы молдаванкой, как Сима Берман, тогда бы еще куда ни шло… Ну передумал так передумал, если расстраиваться из-за каждого мужчины, который хотел, но передумал, то когда же жить? А Массалитиновой какая-то сволочь нашептала, что я, желая заполучить эту роль, отчаянно интриговала, была готова пойти на все, чуть в койку к Эйзенштейну не запрыгнула. И что бы мы с ним делали в той койке, хотела бы я знать? Читали бы вслух друг дружке Пушкина? Он же к женщинам был так же равнодушен, как я к глупым мужчинам! Но Варвара Осиповна поверила и ополчилась против меня, как советский народ против Гитлера, даже еще сильнее. Подговорила других мхатовских старух, они явились всем кагалом к Судакову и заявили хором: «Или мы, или Раневская! Не смейте, Илья Яковлевич, брать в труппу эту змею, которая у нас все роли поотнимает!» Змеей меня назвала Массалитинова, а рассказала мне об этом демарше Ольга Леонардовна, единственная, которая не ходила к Судакову. Ходить не ходила, но знала все подробности, потому что целую неделю у них не было другой темы для обсуждения, кроме моей персоны. Вот такое мое счастье. Вместе со мной уходила туда же одна, с позволения сказать, актриса погорелых театров, так ее и отпустили беспрепятственно и приняли так же. Спроси меня «почему?», я тебе отвечу: «сама догадайся». Мхатовка она теперь, небось, ночами до сих пор спать не может от радости. Как же! Ходить по одной и той же сцене с Книппер, которая так вовремя стала Чеховой!

Тут сестра всполошилась, что забыла навестить могилку Книппер-Чеховой («Никак не могу свыкнуться с тем, что ее нет, и думаю о ней, как о живой», – сказала она), и мы повернули обратно, а затем снова развернулись и пошли к входу за цветами. Новодевичье кладбище совершенно непохоже на *Père Lachaise*, но в то же время какое-то неуловимое сходство между ними есть. Быть похороненным здесь очень почетно. Сестра рассказала, что многие начинают бороться за место на Новодевичьем еще при жизни. Не понимаю их – как можно думать о смерти, подбирать себе место на кладбище, будучи живым? Это же все равно, что заживо похоронить себя.

Очень хочу посетить Ваганьковское кладбище, на котором похоронена моя гимназическая подруга Анечка Древицкая, умершая родами в 1913 году. Еще в гимназическую пору Анечке приснилось, как ей какая-то старуха говорит «родами умрёте, матушка», но мы тогда не придали этому значения, решили, что

во всем виновата «Анна Каренина», которую Анечка тайком читала по ночам. Подумать только – когда-то «Анна Каренина» считалась верхом неприличия! Что бы сказала наша классная, попади к ней в руки *Histoire d'O*? Бедняжка, наверное, умерла бы от разрыва сердца. Смущает меня то, что я не знаю фамилию Анечкиного супруга, потому что для меня она так и осталась Древицкой. Знаю только, что он был акцизным чиновником, кажется, старшим ревизором или кем-то в этом роде, впрочем, за давностью лет могу и ошибаться. Но думаю, что смогу найти могилку Анечки, ведь я знаю имя, отчество, год и месяц кончины. Да и сердце подскажет, непременно должно подсказать. Бедная Анечка, милая подруга моей юности…

27.01.1961

Приезжала в гости Любовь Орлова, которую сестра в глаза зовет Любочкой или Любовью Петровной, а за глаза – Любкой, да вдобавок кривится при этом. *Sa meilleure amie*[13]. Орлова хочет, чтобы ее мужу дали возможность поставить в театре Моссовета какую-то пьесу, которую специально для них переводят на русский язык. Для них, потому что главную роль собирается играть она («Не для Гришеньки старается, а для себя», – сказала после ее ухода сестра). Пьеса, судя по всему, хорошая, но надо получить разрешение на постановку у Завадского, который вершит всеми судьбами в театре. Там настоящая водевильная интрига. Орлова опасается, что Завадский может выдвинуть свое условие, захочет отдать главную роль Марецкой. Они давно расстались, но сохранили добрые отношения, и Марецкая ходит у него в примах. Орловой же непременно хочется *le beurre et l'argent du beurre*[14]. Она просила сестру переговорить с Ириной, чтобы та замолвила за нее словечко. Одна *ex-femme*[15] должна выступить против другой. Орлова считает, что Ирина имеет на Завадского большее влияние, нежели Марецкая. «Прима остается примой», – сказала она. Я не сразу поняла, оказывается, она имела в виду не театральную «приму» Марецкую, а Ирину – первую жену, первую любовь Завадского. Не совсем верное выражение, потому что *prima* означает «первая среди прочих», а не «первая в очереди». В очереди никто не спрашивает: «Кто здесь прима?» Говорят: «кто последний?» Иногда в ответ звучит грубое: «Последняя у попа жена». Сестра советует спрашивать так: «За кем я буду, товарищи?» Даже если вся очередь состоит из женщин, надо говорить «товарищи» и ни в коем случае не «сударыни». За «сударыню», как утверждает сестра, можно и в глаз получить.

Уверена, что она преувеличивает, нравы, конечно, изменились в худшую сторону, но не настолько.

Сестре не хочется участвовать в этой интриге с О., И. и З., тем более что Ирина сейчас сильно озабочена состоянием здоровья ее матери, но Орлова настойчива до бесцеремонности. («Пока своего не добьется, с живой меня не слезет», – язвит сестра.) Села на подлокотник кресла сестры, взяла ее руки в свои и сидела так молча до тех пор, пока сестра с видимой неохотой не пообещала поговорить с Ириной. Я сначала не поняла, кто переводит пьесу, а оказывается, это родная сестра той самой Лили Брик. О как же мне хочется расспросить Норочку о Маяковском, но это невозможно! Я же зачитывалась им когда-то. Не тогда, когда он начал писать разную галиматью, а раньше, когда он был Лириком. «По мостовой души моей изъезженной шаги помешанных вьют жестких фраз пяты» – как же это хорошо!

Орлова, как и я, не празднует день своего рождения. Сестра утверждает, что она его не помнит, поскольку часто меняла даты в паспорте, чтобы казаться моложе. Когда я удивилась, разве так можно, ведь документ есть документ, сестра подняла глаза к потолку и сказала: «Юпитерам дозволено все!» Очень негодует, что в прошлом году Гриша предложил ей роль бабушки главной героини, которую, разумеется, играла Орлова. Сестра отказалась, а без ее участия картина успеха не имела. Ее, кажется, вообще не выпустили в прокат. Выпустили в прокат – я, кажется, начинаю осваивать современный русский язык. Этому способствует регулярное чтение газет. Более прочих мне нравится «Вечерняя Москва». На днях вычитала там чудесное выражение «энтузиаст подледного лова».

29.01.1961

Кто-то из соседей вошел в наше бедственное положение и одолжил свою прислугу. Прислугу зовут Алевтина Митрофановна, она родом из Тверской губернии и невероятно говорлива. На всякий случай мы с сестрой сложили деньги и украшения в тахту, на которой я просидела все то время, пока Алевтина Митрофановна делала уборку. Убирается она споро, только вот чересчур размашиста в движениях – разбила банку с медом, которым нас угостила Нина. Меда жаль. Примечательно, что, убрав осколки и вытерев пол, Алевтина Митрофановна не подумала даже извиниться, не говоря уже о компенсации ущерба. Напротив, громко ворчала «понаставили тут банок». Сестра говорит, что Алевтина Митрофановна – «типаж». Ей должно быть

виднее.

02.02.1961

Мне выдали пенсию! За все время, начиная со дня моего приезда! Снова помогла Екатерина Ал-на, сестра утверждает, что если бы не ее помощь, то я получила бы пенсию лишь «посмертно». Я сказала, что от шуток на тему смерти меня бросает в дрожь, и попросила впредь так не шутить. Я богата! Хотела пригласить сестру в ресторан, но она отказалась «предаваться транжирству» и посоветовала мне положить деньги на книжку. Я так и сделала, положила крупные купюры на книжную полку, а мелкие убрала в кошелек. Мои действия вызвали у сестры громкий, поистине гомерический смех. Оказывается, «книжкой» здесь называют банковский счет, потому что ведомости прихода и расхода имеют форму маленькой книжечки. Здешний банк (один на всю страну!), как и следовало ожидать при отсутствии конкуренции, платит мизерные проценты, но зато деньги, «положенные на книжку», никто не сможет украсть. Поэтому я завтра же последую совету сестры. Счета здесь открываются так же просто, как и во Франции. Надо прийти с паспортом и заявить о своем желании. Это не Турция с десятками бланков, которые нужно заполнять и подтверждать в консульстве. В нашем доме есть банк, здесь это называется «Сберегательная касса». Завтра же пойду туда.

Душа моя настойчиво требовала праздника, поэтому, когда сестра уехала проведать Полину Леонтьевну, я спустилась в булочную, где меня обсчитали еще на старые деньги. *C'est tres charmant!*[16] Я совсем недавно приехала в Советский Союз и вот уже говорю «на старые деньги», подобно заправским *vieux de la vieille*[17]. На сей раз я подошла к совершению покупки крайне серьезно. Посмотрела цены, пока стояла в очереди, отсчитала требуемую сумму, проверила, правильно ли я ее отсчитала, но зато совершила другую оплошность – опрометчиво решила перемолвиться словечком с продавщицей, которая мило улыбалась, обслуживая меня.

– Вам нравится здесь работать? – спросила я без всякой задней мысли.

– Кому это может нравиться?! – сердито ответила мне продавщица, мгновенно перестав улыбаться. – В конце смены коленки подкашиваются и руки отваливаются!

– Зачем же тогда вы здесь работаете? – удивилась я, решив, что у бедняжки плохое здоровье.

– Вам-то какое дело?! – уже не сердито, а откровенно грубо сказала продавщица, а те, кто стоял позади меня, начали возмущаться тем, что я их задерживаю.

Настроение мое было безнадежно испорчено. Даже то обстоятельство, что торт оказался замечательно вкусным, не смогло его улучшить. Сестре я ничего не сказала, чтобы она снова не отправилась в булочную устраивать скандал. Старательно притворялась весь вечер веселой, и, кажется, мне это удалось. Впрочем, сестре явно было не до моего настроения, она сильно расстроена болезнью Полины Леонтьевны. Хочет устроить так, чтобы та смогла пролечиться в «кремлевской» клинике, которая считается лучшей больницей страны. Мне непонятно, почему клиника называется «кремлевской», если она расположена не в Кремле, а совсем в другом месте. Сестра толком ничего не объяснила, сказала только, что лишь такие простодушные люди, как я, могут подумать, якобы в Кремле есть больница. «Это же – Кремль! – сказала она с наигранным пафосом. – Царь-колокол, царь-пушка, ГУМ напротив!» ГУМ – это бывшие Верхние торговые ряды, где в 95 году у отца украли золотые часы и бумажник. Я усмехнулась и поинтересовалась, почему там, где устроено кладбище, не может быть места больнице. Сестра покачала головой, вздохнула и сказала:

– Бедная моя Белочка, – говорила она ласково и с примесью горечи, – ты думаешь, что вернулась на родину? Ты даже не представляешь, куда ты вернулась! Кладбище на Красной площади – это всего лишь мелкая деталь. Характерная, но незначительная…

Я почувствовала, что надо срочно сменить тему, и перевела разговор на погоду. Здесь быстро учишься переводить все разговоры на погоду. Остался всего один зимний месяц, и наступит весна. Я всегда с огромным нетерпением жду весны. В Марокко и в Турции нет весны, потому что там зимы толком нет, и от этого скучно.

03.02.1961

Полтора часа стараний были вознаграждены открытием счета, который называется «вклад». Теперь я советский *rentier,* и пусть на проценты с моего капитала пока что жить нельзя, но это только начало. На радостях я купила на полтора рубля лотерейных билетов. Сестра посоветовала мне использовать их в качестве *pipifax.* Она убеждена, что выиграть что-либо ценное в здешние лотереи невозможно, так как все розыгрыши

планируются заранее и крупные выигрыши достаются определенным людям. Не уверена, что она говорит правду. Она и сама признает, что в иные дни вместо нее говорит ее желчный пузырь или суставы. Суставы – это наша фамильная болезнь. Сестра мучилась суставами, я мучаюсь суставами, маме они изрядно досаждали, а бабушка Эстер без растираний вообще жить не могла. В каждый приезд первое, что ударяло в нос, так это скипидарный запах ее снадобий.

05.02.1961

Здесь невозможно купить квартиру, но можно купить частный дом. Квартиры не покупаются и не продаются, они обмениваются с доплатой или без. Доплата нигде не фиксируется, поскольку считается незаконной. Я узнала об этом, когда спросила у сестры, сколько стоит ее квартира. Так и не узнала, потому что сестра сама не знает. Ей ни квартира, ни сам дом особо не нравится, она говорила, что хотела бы жить где-нибудь рядом с Ниночкой, там самый центр города и, вообще, более приятное место. Но там старые дома, а старый дом это много разных житейских проблем, комнаты там хуже, большинство квартир общие, и соседи могут быть самыми разными.

– В нашем доме тоже хватает дерьма, – говорит сестра, – но это дерьмо, по крайней мере, завернуто в красивые фантики и поэтому не так воняет. К тому же любого можно приструнить. Должностями и партбилетами все дорожат. А тех, кому кроме своих цепей терять нечего, и приструнить невозможно.

Это так. Ниночка жаловалась на одного из своих соседей. Одна паршивая овца не дает покоя всему дому и сладить с ним нет никакой возможности.

08.02.1961

Спросила у сестры, почему она не обзаводится телевизором. Наверное, не очень удобно постоянно ходить смотреть передачи к Лиде, особенно, если есть возможность сделать такое приобретение. Сестра сказала, что телевизор ей совершенно не нужен, а к Лиде она ходит посплетничать, телевизор это только предлог. Так оно и есть на самом деле, потому что они сразу же начинают оживленно болтать и только я одна смотрю на экран (краем уха слушая их болтовню). Лида на двадцать лет моложе сестры, но разница в возрасте между ними совершенно не

чувствуется. Я изъявила желание купить телевизор на собственные деньги и попросила сестру помочь мне сделать эту покупку. Сестра сначала возмутилась, с чего это я начала хозяйничать, но я сказала, что поставлю телевизор в свою комнату и стану смотреть его тихонечко (слух у меня замечательный, такой же, как и в молодости, зато зрение уже никуда не годится, без очков не то чтобы писать, читать заголовки в газетах уже не могу). Сестра оборвала меня на полуслове и сказала, что мы поговорим потом. Мы действительно поговорили во время прогулки. Оказывается, сестра не хочет иметь телевизор, потому что с его помощью можно подсматривать и подслушивать все, что происходит в квартире. Я никогда еще не слышала ни о чем подобном, но сестра убеждала меня в том, что это так, во всяком случае для здешних телевизоров. Они так устроены, что выполняют роль соглядатаев, даже не будучи включенными, поэтому здесь не принято говорить лишнее в комнате, где стоит телевизор, и накрывать выключенные телевизоры накидками. А я-то удивлялась этой странной моде, к кому ни придешь, у всех на телевизоре красивая накидка или вышитая салфетка! И ведь никто не признался, когда я спрашивала, даже не намекнул, все говорили, что коврик – защита от пыли. А на самом деле, оказывается, вот в чем причина!

10.02.1961

В сберкассе, когда я там была, один мужчина чихал на весь зал и часто шмыгал носом. Должно быть, это от него я заразилась инфлюэнцей. Четыре дня пролежала с высокой температурой, по выражению сестры, у меня «текло изо всех дыр», хотя на самом деле был только насморк, но сильный, и немного слезились глаза. Приходила доктор из районной клиники, осмотрела меня, долго слушала и сказала, что ничего страшного нет. Прописала мне постельный режим и какие-то противные порошки – одни были скорее горькими, нежели вяжущими, а другие наоборот. Лечение здесь бесплатное, но докторов все равно положено благодарить. Сестра подарила Лидии Валерьевне (так зовут доктора) два билета в театр (у нее всегда есть несколько билетов на хорошие места) и духи. Доктор мне понравилась, участливая и держится уверенно. Выслушав мое сердце, сказала, что я имею все шансы дожить до ста двадцати лет. Оказывается, Лидия Валерьевна – еврейка, профессорская дочь. А по внешнему виду не скажешь. Русая, курносая, немного похожа на Любовь Орлову. Вчера Лидия

Валерьевна приходила снова, разрешила мне вставать, но порошки оставила еще на четыре дня. За время болезни я осунулась, и теперь мы с сестрой совершенно не похожи. Сестра варила мне бульон из курицы и переживала, что у меня нет аппетита. Рассказывала, как в Ташкенте выхаживала бульонами Ахматову. У нее был тиф, а какая-то бестолковая приятельница кормила больную жирным бараньим супом. За время болезни я ощутила такую любовь со стороны сестры, которую никогда еще не ощущала. Пока держалась высокая температура, меня ни на минуту не оставляли одну. Когда сестре надо было отлучаться, она просила Ниночку или Норочку посидеть со мной. Как же славно не чувствовать себя одинокой! Ближе к лету сестра собирается отправить меня в санаторий. Если позволят дела, то и сама поедет со мной. Это очень хороший санаторий, неподалеку от Москвы, а где именно, я забыла, а вернее, не стала запоминать, потому что ни саму Москву, ни ее окрестности толком еще изучить не успела.

Пока болела, дважды во сне видела маму. Она сидела за секретером у себя в спальне и что-то писала, не поднимая головы. Сестра видит во сне родителей очень редко. Говорит: «вижу, кого ненавижу», то есть чаще ей снятся неприятные люди. В театре интрига следует за интригой. Кому-то из московского партийного начальства не понравилась веселенькая комедия «Доброй ночи, Патриция!» (Сестра водила меня на этот спектакль, не столько для того, чтобы поразить, сколько для того, чтобы показать мне своих недоброжелателей, большинство которых занято в нем – такое совпадение). Что могло не понравиться, кроме игры актрисы, исполнявшей главную роль, я понять не могу, но в театре ждут неприятностей, а это ожидание еще сильнее обостряет противоречия между актерами. «Была бы я помоложе, так уехала в Баку!» – говорит сестра. В Баку, где наш отец вел дела, она жила некоторое время, играла в тамошнем театре и очень полюбила как сам город, так и бакинскую публику. Утверждает, что редко где можно еще встретить таких доброжелательных людей. «Там в театр приходят не для того, чтобы спать, а для того, чтобы восхищаться и аплодировать!» – несколько раз повторила сестра. Насчет «спать» она не преувеличивает, потому что время от времени кто-то начинает пускать рулады в зрительном зале. Вообще среди зрителей очень много случайных людей, совершенно далеких от театра. В ответ на мое удивление – зачем же тогда приходить? – сестра объяснила, что здесь существует традиция выкупа большого количества билетов с последующим распространением их в трудовых коллективах. Распространение это осуществляется

бесплатно, проще говоря – государство выкупает билеты и раздает их гражданам. Это прекрасно, поскольку приобщает людей к искусству и, вообще, показывает заботу о духовном росте народа со стороны государства, но в то же время это и ужасно, потому что в театр приходят люди, которых, по выражению сестры, «надо гнать в шею уже от гардероба». Иначе говоря, те, у кого не сформирована культура посещения спетаклей. Кто-то спит, кто-то грызет семечки (наш отец говорил: «Замечу, что вы курите – отшлепаю по губам, увижу, что грызете семечки – оторву губы и брошу собакам!» – семечки в нашем кругу считались вопиющим моветоном, грехопадение так не пятнало репутацию, как эта простонародная забава), кто-то во всеуслышание отпускает реплики. Недавно во время спектакля какой-то болван начал кричать, что актер, исполняющий роль почтальона, делает все неправильно. «Таких почтальонов не бывает! Фальшивый у вас почтальон!» – возмущался он, пока его не вывели из зала. А сестре однажды крикнули: «Ишь ты, раскорячилась, кочерыжка!» Вроде бы похвалили, но в какой форме и посреди спектакля! Сестра намерена вставить эту фразу про кочерыжку в очередную свою роль. Если бы она не стояла в тот момент на сцене, а сцена для нее свята по определению, то этот Товарищ Кочерыжкин, как она его прозвала, услышал бы в ответ много интересного. Как про себя самого, так и про своих родителей, явно манкировавших его воспитанием. «Время размывает границы, – шутит сестра. – Все превращается в цирк – и театр, и жизнь». Рассказывает, что московский цирк неимоверно хорош, просто великолепен. Я заинтригована, хотя даже в детстве к цирку относилась довольно прохладно, если не сказать равнодушно. Моей страстью всегда был театр (и решительные[18] мужчины).

12.02.1961

Сестра в ярости – ее постоянная парикмахерша ушла в отпуск, а та, что ее заменяла (самые лестные рекомендации!), испортила прическу. Не совсем, но значительно. «Эта косорукая парикмахерша не от слова «парик», а от слова «хер»!» – сердится сестра. Елочка прислала на дом свою знакомую мастерицу, которая взялась все исправить и, надо сказать, неплохо справилась со своей задачей. Исправлять ведь гораздо труднее, чем просто стричь. В середине стрижки пришла незнакомая мне соседка с письмом, которое надо было подписать. Письмо касается утреннего шума во дворе и адресовано какому-то Демьянову или Демичеву.

– Скажи, что я постригаюсь в монастырь и подпиши за меня! – громко крикнула сестра. – Если эти негодяи дадут нам спать на пару часов дольше, мы станем позже ходить за хлебом и все будут довольны!

Странно, но здесь никто не хранит хлеб в холодильнике. А ведь это так удобно. В холодильнике хлеб долго остается свежим. Я так соскучилась по простому черному хлебу, что до сих пор ем его на десерт – один-два ломтика, не больше, словно пирожное. Сестра смеется и ласково говорит мне: «оголодала ты, Белочка, на чужбине». Очень хочется халы, такой, что пекли у нас дома, с медом. По пятницам, как только ее начинали печь, запах распространялся по всему дому, и отцовские конторщики начинали поводить носами, словно борзые, и говорили: «ах, как вкусно пахнет!» Мама угощала всех, и евреев, и неевреев. Ах, что это была за хала! Сейчас вспоминаю и сквозь годы ощущаю волшебный запах! В выпечке есть какое-то волшебство. Одна хозяйка делает все так же, как и другая, но результат получается совершенно иной. У Шамковичей, например, пекли такую халу, что ею можно было только подавиться. А самая вкусная выпечка была у мясника Когана. За его гоменташен можно было из самого Киева пешком прийти – так, кажется, у нас говорили, чтобы подчеркнуть свое восхищение. Или не из Киева, а из Кракова? Нет, все-таки, наверное, из Киева. Краков очень далеко от Таганрога.

15.02.1961

Сестра рассказала, что у одного известного писателя вчера был обыск. Самого его пока оставили на свободе, но конфисковали рукописи. Сестра опасается, что могут вернуться «старые времена». Мне иногда бывает страшно от мысли о том, как опрометчиво я поступила, приехав сюда. Но этот страх быстро проходит, потому что страх одиночества сильнее других страхов, а там я была совершенно одна, несчастная и никому не нужная. Нет ничего страшнее одиночества. Я – ужасная, неисправимая эгоистка. Молю Бога, чтобы он позволил мне умереть раньше сестры. Одна, без нее, я пропаду. Знаю, что поступаю нехорошо, но ничего не могу с собой поделать.

Сегодня – день солнечного затмения. Затмения меня пугают. Понимаю, что страхи мои беспочвенны и наука все объясняет, но не могу отделаться от каких-то дурных предчувствий. Впрочем, это, наверное, возрастное. Потихоньку становлюсь мнительной старухой. Годы берут свое… Не хочу!!!

Так и не поняла, к чему у меня дважды подряд сошелся пасьянс. Не к получению пенсии же, слишком уж прозаично.

17.02.1961

Обсуждали Брюссельскую катастрофу. У Ниночки есть знакомый летчик, полковник, который говорит, что самолеты падают часто, только далеко не каждый случай доводится до всеобщего сведения. Например, только в декабре прошлого года разбилось три самолета – в Казахстане, в Ульяновске, который бывший Симбирск, и где-то еще, Ниночка не запомнила где. Я ужасно, до смерти, боюсь самолетов, а сестра их совсем не боится, говорит, что предпочитает поезда только из-за комфорта. Но когда Ф.И. высылал за ней персональный самолет, летала с удовольствием. «В авиации главное точность расчетов, – шутит сестра, – перед самым взлетом нужно напиться так, чтобы проспать до посадки». Сестра очень любит Ниночку, хотя иногда может сказать ей какую-нибудь резкость. Она часто повторяет, что крестной матерью в искусстве для нее стала Полина Леонтьевна, которую она ласково зовет Лилей, а добрым ангелом – Ниночка, которая когда-то очень давно посоветовала режиссеру Таирову обратить внимание на актрису Раневскую. Таиров – красавец. Не могу оторвать глаз от его фотографии. Ниночка обещала сходить со мной на Ваганьковское кладбище. Меня не покидает желание найти могилку Анечки Древицкой. Хочется протянуть как можно больше ниточек к той, прежней, жизни. Наверное, это поможет мне поскорее привыкнуть к жизни нынешней. Я то и дело совершаю досадные оплошности. Вчера назвала таксиста «голубчиком», а он в ответ назвал меня «гражданкой мамашей». Сестра перевела его ответ так – таксист решил, что я с ним заигрываю, и вежливо (по его мнению – вежливо) напомнил мне о моем возрасте. Именно что вежливо, иначе бы не стал добавлять к «мамаше» гражданку. Оказывается, слово «голубчик» давно уже вышло из употребления. Этот идиот решил, что я с ним заигрываю! Как бы низко я ни пала и каким бы ни был мой возраст, но, даже стоя одной ногой в гробу, я ни за что не стану заигрывать с небритым мужчиной, от которого пахнет луком, у которого немытая шея и грязь под ногтями! Ни-ког-да!

20.02.1961

Никак не могу разобраться в нюансах гостеприимства, которое проявляет сестра. Иногда она проявляет невероятное

хлебосольство в отношении людей, которых не очень-то любит. «Не очень-то любит» – это мягко сказано. Вчера к нам приходила Татьяна-фотограф. На самом деле она не фотограф, а журналист, просто я ее так про себя называю, чтобы не запутаться в именах и людях. Татьяна-фотограф, Татьяна-с-попугаем, Татьяна-режиссер, Татьяна-соседка, Татьяна-медсестра… Татьяну-фотографа сестра явно недолюбливает, но к ее приходу накрывает такой стол, за который не зазорно было бы усадить и десять человек, а было нас всего четверо – мы с сестрой, да Татьяна с Ниночкой, которая принесла мне «Записки институтки» Чарской. У нее сохранилась старая книжка, такая же, что была и у меня. Переплет потертый, сразу видно, что читали записки часто, но все странички на своих местах. Чудо! Чудо! Вечером легла, раскрыла и с головой окунулась в детство. Ниночка – прелесть. Добрый ангел!

О нюансах гостеприимства – та же Ниночка может просидеть у нас весь вечер, а сестра ей даже чаю не догадается предложить, пока я не поставлю чайник. К Татьяниному же приходу она готовилась все утро. Пригласила Алевтину Митрофановну, суетилась – ах, буженину забыли нарезать! ах, лимончик! ах, балычок! А потом вслед: «Аройскрихн золн дир ди ойген фун коп!»[19] Насколько я понимаю, дружба с Татьяной не приносит сестре никаких выгод. Нельзя же считать выгодой торт, принесенный Татьяной, или же ее новую книгу, которая должна выйти в следующем году и которую она обещала подарить сестре. Мне она тоже обещала экземпляр, но сестра сразу же вмешалась: «Мы с Белочкой сестры, а не супруги, хватит нам и одной». На удивленное «Почему?» ответила: «Супругам надо каждому дарить по книжке, чтобы не рвали напополам при разводе, а мы с Белочкой разводиться не собираемся». Когда ушла Нина, я задала вопрос относительно Татьяны. Момент был удобный, сестра оглядывала то, что стояла на столе, и сокрушалась, что все не уместится в холодильнике. Ответила сестра так: «не забивай себе голову моей дипломатией. Так надо. Танька – не самый худший вариант». «Вариант чего?» – переспросила я. «Того-этого!» – ответила сестра, и на этом наш разговор закончился. Видимо, Татьяна обладает определенным влиянием в здешнем обществе, но открыто это по каким-то причинам не выказывается. Как, например, это было с Марией Ивановной, внебрачной дочерью Ивана Амвросиевича, отцовского компаньона. Все знали, насколько далеко простираются ее возможности, но в то же время притворялись, что ничего такого не замечают. Мир стоит на трех китах – притворстве, коварстве и тщеславии.

Как собеседница Татьяна хороша – она наблюдательна, остроумна и многое повидала. Но атмосфера за столом все равно

была наэлектризованной.

21.02.1961

Сестра заметила, что я пишу. Усмехнулась и сказала: «А холере дир ин ди бейнер[20], когда тебя успели завербовать?» Я оскорбилась, ответила, что никто меня не вербовал, что я просто пишу для себя. Сестра, вне всякого сомнения, пошутила, но я обиделась всерьез и дулась до тех пор, пока она не попросила прощения. Зачитала ей кое-что по собственному выбору. Сестра восхищалась моим слогом (явно желала меня задобрить, потому что восхищаться нечем) и назначила меня семейным историографом, как она выразилась, «на общественных началах». Это означает – без жалованья. Здесь многое делается «на общественных началах», но начала эти могут быть разными. Можно не получать за свою работу ничего, а можно иметь какие-то преимущества. Например, секретарь партийной организации театра и председатель местного комитета непременно выезжают на хорошие гастроли, быстрее прочих получают квартиры, могут позволить себе кое-какие покупки, недоступные другим актерам, могут приглашать на любой спектакль гостей по своему выбору. Это так и называется – «парткомовские места», «месткомовская бронь», а раньше называлось контрамарками. В театре у сестры партийный секретарь – крайне неприятная личность, а вот Людочка, с которой я познакомилась в Большом театре накануне Нового года, очень милая, с приветливым взглядом и очаровательной улыбкой. А ведь она тоже партийный секретарь в своем театре. Сестре тоже предлагали вступать в партию, но она находила предлоги для вежливого отказа. Говорит: «Мало мне головной боли, так еще придется слушать, как они поливают друг дружку дерьмом на партсобраниях, и хором петь «Интернационал».

22.02.1961

Сегодня был прекрасный пушкинский день – мороз и солнце. Я решила прогуляться и получше познакомиться с окрестностями. А то только и слышу: «туда одна не ходи, тебя там ограбят, и туда не ходи, там грязь непролазная». Никто меня не ограбил, только один резвый бутуз запустил в меня снежком, благодаря чему я познакомилась с его бабушкой, сразу же подбежавшей с извинениями. Бабушка спросила меня: «Вы, наверное, из

Ленинграда?» Я ответила утвердительно (не рассказывать же ей, откуда я на самом деле – чего доброго, за шпионку примут) и поспешила уйти, сославшись на дела. Не перестаю удивляться контрасту. Стоит только немного отойти от нашего «замка», как попадаешь в другой мир, другое время. Настоящая Касперовка! Как хорошо, что моя сестра – знаменитая актриса! Это не только очень приятно, но и очень удобно. Вечером сплетничали с сестрой о знакомых. У нас уже много общих знакомых, есть о ком посплетничать, не все время же детство вспоминать. Сестра рассказала, что лет семь-восемь тому назад их «киношный фюрер» (так она называет главного кинематографического начальника, которого не любит) издал приказ, запрещающий режиссерам снимать своих жен.

– Мы с Нинкой воспрянули духом, – смеялась сестра, – теперь-то и нам главные роли начнут перепадать, а Любка с Маринкой пускай в эпизодах снимаются! Но не тут-то было! Режиссеры, которые до того враждовали друг с другом, творческие люди, ничего не поделать – каждый считает себя гением, а всех остальных бездарями, так вот, режиссеры сплотились перед лицом великой опасности, явились к фюреру и упросили его отменить свое распоряжение. Не знаю, какие доводы они приводили, но про приказ этот никто больше не вспоминал. И бабы от мужиков не отстают – та же Надька своего Коленьку то в оформители, то в подельники пристраивала, пока он от нее к Леночке не ушел. Можешь представить себе роман, который возник на съемочной площадке, под бдительным оком жены-режиссера? Это не подвиг разведчика, это нечто большее. Никто не догадывался, потому что конспирировались они сильнее, чем мы с Яшей, когда лазили в папин кабинет за коньяком и папиросами…

Я помню последствия этих эскапад. Телесные наказания в нашей семье практиковались редко, мне, к слову будь сказано, ни разу не перепало, разве что один-два легких подзатыльника за все детство, а вот сестре и братьям время от времени доставалось. Больше всего отца возмущал факт кражи. «Шлимазл![21] – кричал он, отвешивая Яше оплеухи. – Шрайбт Нойех мит зибн грайзн[22], а воровать уже научился! *Schurke!*»[23] В гневе отец часто переходил с идиш на русский, с русского на французский, с французского на немецкий, но в обычном состоянии языков не смешивал, никогда не вставлял французское или немецкое словцо в русскую речь или русское в немецкую.

– Он платье на ней оправляет, а сам незаметно руку опустит пониже и задержит на мгновение. Или же посмотрит так… особенно. Я сразу заметила, ты же знаешь, какой у меня острый

глаз, хоть я и вижу плоховато, но виду подавать не стала. У людей любовь, счастье, зачем я стану мешать чужому счастью? Съемки были в Ленинграде, и вот однажды мы с Анной Андреевной встретили двух этих голубков на Литейном, возле общества «Знание», бывший дом Юсуповой. Они шли под ручку, тесно прижимаясь друг к другу, и ворковали так, что у меня не только сердце затрепетало от зависти, но и мочевой пузырь. Увидели нас и застыли. Анну Андреевну они, по-моему, даже не узнали, им достаточно было узнать меня. Это же все – крах, провал, разоблачение! У Надьки характер суровый, с ней только я да Василь Васильич могли сладить. Он, бывало, только взглянет – она сразу же хвост поджимает. А этим голубкам перышки повыщипывать, да выгнать со съемок – плевое дело. Что поделаешь – такова жизнь. Чем страшнее расплата, тем приятнее удовольствие. Застыли они, значит, как два статýя. А я, не глядя на них, прохожу мимо и громко говорю Анне Андреевне: «Как хорошо, что кроме нас с вами здесь больше никого нет. Люблю гулять в пустынных местах». Анна Андреевна удивленно на меня посмотрела, потому что народу вокруг было много, но я ей подмигнула, и мы пошли дальше. Я никому ничего не рассказала. Никому! Ни словечком не обмолвилась, ни намеком. Леночка все вздыхала – ах, Фаина, вы наш ангел-хранитель, ах-ах-ах! А на свадьбу меня пригласить забыли…

23.02.1961

Сестра моя не перестает меня удивлять. Сегодня утром разбудила меня громким звуком трубы (должна отметить, что талант имитатора у нее превосходный). Когда же я, испугавшись от неожиданности, вскочила, сестра скомандовала басом:

– Равняйсь! Смирно!

И, отсалютовав шваброй, отдала мне какой-то сумбурный рапорт, называя меня «товарищ генерал».

Сестра моей парижской подруги Виктории сошла с ума в одночасье. Легла спать нормальной, а проснулась безумной. Врачи сказали, что причиной стало кровоизлияние в мозг. Я очень испугалась, накинула халат и хотела уже бежать за помощью к соседям, как вдруг сестра успокоилась, вернула швабру на место и сказала мне, что сегодня здешний военный праздник, день армии и флота. Чтобы успокоиться, я пила кофе с коньяком натощак, и потом у меня полдня шумело в голове. Как тут не вспомнить историю купца Иорданова, который на Рождество решил напугать свою жену и переоделся для этого

чертом – надел наизнанку кучерский тулуп и вымазал лицо сажей. Впечатление на свою несчастную супругу он произвел настолько сильное, что оно, это впечатление, стало последним в ее жизни.

Что за напасть – посреди зимы истинное нашествие тараканов. Заполонили всю кухню. Сестра уверяет меня, что их нарочно разводят в булочной.

– Это секретные опыты, – утверждает она. – Ввиду нехватки изюма для булочек выводят особый вид сладких на вкус тараканов. Их кормят сахарной пудрой и крошками от *meringue*.

Не знаю, чему можно верить, а чему нельзя. Сестра наслаждается моей растерянностью. Ей нравится меня разыгрывать. Рассказывает, например, что знакома с внебрачным сыном Сталина, который работает каким-то начальником на радио.

24.02.1961

Сестра привозила к Полине Леонтьевне какого-то очень известного врача, был консилиум. Вернулась расстроенная. На мой вопрос ответила: «Дос лебн из ви а шминесре – ме штейт ун ме штейт биз ме гейт ойс!»[24] – и расплакалась. Я тоже плакала.

01.03.1961

Сегодня – первый день весны, но весны совсем не чувствуется. Я уже освоилась настолько, что самостоятельно сделала закупки к Пуриму – купила вина и муки с маргарином для гоменташен. Все остальное, включая варенье, у нас есть. Ни мне, ни сестре не следует есть сладкое, но тем не менее мы постоянно это делаем.

02.03.1961

– Пурим из ништ кейн йонтев ун куш ин тухес из ништ кейн клоле[25], – это первое, что сказала сестра, когда мы сели за стол.

Мои никудышные навыки кулинара стали виной тому, что гоменташи прохудились в процессе готовки и варенье вытекло из них. Чтобы скрыть свой позор (дело было в отсутствие сестры), я собственноручно перемыла всю посуду и отскребла противень. «Не пела лягушка соловьем, так и не стоило начинать», – говорила в таких случаях мама. Закончив заметать следы (еще

одно газетное выражение, все преступники заметают следы, но тем не менее оказываются за решеткой), я отправилась в магазин и купила там очень вкусное печенье треугольной формы, украшенное цукатами. Пусть и без начинки, но все же треугольное – чем не гоменташен? Жаль, что здесь нельзя купить настоящие гоменташен. Не забыть бы спросить, где сестра покупает мацу. Уверена, что в обычных магазинах она не продается. Все, что связано с религией, здесь не то чтобы запрещено, но и не афишируется.

Праздник у нас получился тихим, без трещоток, но нашу детскую песенку мы все же спели и выпили все вино, целую бутылку. Вино оказалось забористым, вроде портвейна, а я-то думала, что купила легонькое *vin de table*. Жаль, что потанцевать было не с кем. А я так люблю танцевать. Вернее, любила когда-то.

05.03.1961

Творится такое, что не только про дневник, про свой возраст забыть можно. Теперь я знаю, к чему у меня дважды сходился пасьянс! Сестра стала народной актрисой! Газета с указом лежит передо мной. Ее я купила для себя, чтобы сохранить на память. Вестником радости стал Михаил Михайлович. Он разбудил нас звонком и сообщил новость. Сестра сразу же взялась за свежие газеты и, когда увидела там свою фамилию, воскликнула:

– Надо же – правду сказал, а я думала, что разыгрывает!

Поздравления сыпались одно за другим, когда сестра ушла, на звонки отвечала я. Благодарила, сообщала, что это не сестра, а я, и записывала, кто позвонил. Было много незнакомых имен. Почтальонша приходила несколько раз и каждый раз с целой кипой телеграмм. А дня через три-четыре начнут приходить письма с открытками, у сестры огромная переписка. Незнакомые люди пишут ей, она им отвечает, те пишут снова… Некоторые письма – как маленькие повести, в которых люди рассказывают о своей жизни. Кое-что сестра мне зачитывает. Мне очень интересно. Завидую. Тоже хочу получать много писем. Письма – моя слабость. Ах, какие письма писала я сестре сорок лет назад… И хоть бы одно дошло! Про Россию рассказывали страшное, я верила и не верила, давилась слезами и писала: «Милая моя Фанечка, давай забудем все наши смешные размолвки и больше никогда-никогда не будем ссориться. Напиши, куда я могу выслать тебе деньги и какая сумма нужна тебе на дорогу…» А потом настали черные дни, когда все мы почти поверили, что сестры нет в живых. А кто бы не поверил? Там творилось такое…

«Я вышел из пекла», – сказал мне один капитан, и по глазам его было видно, что он нисколько не преувеличивает. От сестры не было весточек, в империи все воевали против всех, как могла слабая женщина уцелеть в этой войне? А буржуазное происхождение? Сашу Кульчицкого расстреляли только за то, что он был сыном действительного статского советника и внуком адмирала. Наш отец, несмотря на всю его доброту к своим работникам, с точки зрения новой власти был эксплуататором, а стало быть, контрреволюционером. Это сейчас, к счастью, страсти улеглись, я сама была свидетельницей тому, как люди совершенно спокойно говорили о своем дворянском происхождении. Но тогда… Газеты писали такое… Страшно вспомнить, что мы все пережили. Недаром же считается, что неизвестность хуже плохих известий. Начинаешь придумывать, изводишь себя… Но довольно о грустном в такой радостный день, а то получается по пословице – начала за здравие, а кончила за упокой. Я подумала, что столь радостное событие надо отметить, и позвонила Ниночке, чтобы посоветоваться. Она сказала, чтобы я не забивала себе голову ерундой, потому что отмечать будем не дома, а в ресторане. Так оно впоследствии и вышло. Я напомнила Ниночке про Ваганьковское кладбище. Договорились, что пойдем туда в понедельник, если будет хорошая погода. Я так счастлива, так рада за сестру! Теперь она может спать спокойно, потому что заслужила высшее признание. Я уже спрашивала и знаю, что выше народной актрисы звания нет. «Есть еще «корифей советского театра», но его присваивают только посмертно», – сказала сестра. Пусть она его получит через сто двадцать лет, но чтобы получила! Жаль только, что квартиру побольше сестре вряд ли дадут. Ну и пусть! В сравнении с двумя крошечными комнатками Ниночки, эта квартира – дворцовые покои. Я уже привыкла к ней, к дому привыкла, к соседям, к магазинам, к месту… Не хочу ничего менять, но отчего бы не помечтать, как мы живем на улице Горького в большой пятикомнатной квартире, у каждой своя гардеробная, у сестры отдельный кабинет, где она может репетировать, у нас огромная ванная, а не нынешнее корыто, и кухня будет просторной. Впрочем, при отдельной гостиной кухня может быть и небольшой… Мечты мои мечты. Я неисправимая мечтательница. Плохо мне – я мечтаю, хорошо мне – я мечтаю. Вся моя жизнь – мечта, ожидание чего-то радостного. Жду, жду…

06.03.1961

Чувства не переполняют меня, они готовы меня разорвать!!! Вот к чему, на самом деле, сходился пасьянс! Вот почему меня так тянуло на поиски Анечкиной могилки, которую мне так и не удалось найти! Не могу сегодня ничего писать, слова путаются, чувства путаются, хожу, как пьяная. Сестра не верит мне, думает, что я, следуя ее примеру, решила ее разыграть.

Не-ве-ро-я-тно! Но это случилось! То и дело щиплю себя за ногу, желая убедиться в том, что я не сплю.

07.03.1961

Как принято писать в сентиментальных романах: «Ничто не предвещало в то утро роковой встречи…» Мою встречу с *Nicolas* (как привыкла называть его на французский манер, так и продолжаю) нельзя назвать роковой, но это же жизнь, а не сентиментальный роман. Хотя жизнь такой романтичной женщины, как я, мало чем отличается от сентиментального романа. Какова я? Кокетничаю сама с собой! Признаюсь честно – этот дневник я пишу не только для себя, но и для кого-то еще. Для кого – не знаю и не хочу знать, потому что при жизни не намерена показывать его никому. А потом… А потом мне хочется оставить после себя какой-то след. Детей у меня нет, ничего замечательного я за свою жизнь не сделала и вряд ли уже сделаю, но не хочется уходить, не оставив после себя ничего. Уходить мне вообще не хочется, хочется жить. Хандра, к счастью, давно меня не посещает (вот что значит не чувствовать себя одинокой!), жизнь моя устроена не самым плохим образом, здоровье позволяет наслаждаться жизнью, так почему бы и не пожить в свое небольшое удовольствие? И почему бы не оставить после себя хотя бы такие куцые мемуары? Может быть, кто-то когда-то где-то прочтет их и узнает, что жила на белом свете смешная и глупая девочка Белла Фельдман, которая выросла, прожила жизнь, состарилась, но в глубине души осталась все той же девочкой, больше всего на свете любившей сидеть на коленях у отца и чтобы он гладил ее по голове и ласково говорил: «А книп дир ин бекеле!»[26]

Серьезные люди пишут мемуары обстоятельно, начинают со дня своего рождения, описывают жизнь шаг за шагом, делают глубокомысленные выводы, но у меня для этого недостает усердия. И ума для глубокомысленных выводов, наверное, тоже недостаточно. Отрывочные нерегулярные заметки – вот предел моих возможностей. «Что есть, то есть», – говорил отец в пятницу, когда подводил недельный итог. Не исключаю, что когда-нибудь

сожгу свои записки. Что можно Гоголю, то можно и Моголю.

Опять отвлеклась… И впрямь, как будто роман пишу, слов много, а смысла мало. Итак, это случилось вчера, когда мы с Ниночкой отправились на Ваганьковское кладбище. Анечкину могилку мы так и не нашли, несмотря на то, что обошли почти все кладбище. Пишу «почти все», потому что ходили мы по местам дореволюционных захоронений. Часа через три, когда в глазах у меня рябило от букв и цифр, Ниночка вспомнила о срочном деле, какой-то просьбе Алисы Георгиевны, которая совершенно вылетела из ее головы. Я сказала, что хочу побродить здесь еще (атмосфэра кладбища умиротворяла), и заверила добрую Ниночку, что прекрасно доберусь домой сама. Что тут сложного? Села в такси да назвала адрес. Я уже ученая, не позволю везти себя кружным путем. Ниночка убежала, а я решила вернуться к могиле Саврасова. Мне всегда нравились его пейзажи, такие простые, едва ли не бесхитростные, но в то же время такие живые, искренние. «В искусстве нельзя преувеличивать», – говорит сестра, и она права. У Саврасова нет буйства красок и каких-то изысков, но его картины настолько хороши, что даже репродукции их можно рассматривать долго-долго. Все никак не получается посетить с сестрой Третьяковскую галерею, то одно мешает, то другое. Идти туда одной мне не резон, потому что картины хочется не просто смотреть, но и обсуждать, делиться впечатлениями, сравнивать, иногда даже поспорить… Но я непременно соберусь туда в самом ближайшем времени, если не с сестрой, то с *Nicolas*.

Итак (снова это «итак»!), я подошла к могиле Саврасова, постояла перед ней немного, размышляя о горькой судьбе этого великого художника, а когда уже собралась идти к выходу, услышала неуверенное:

– Изабелла?

Мужской голос, «драматический баритон», как сказала бы сестра, назвал мое имя. Мое, потому что имя у меня для Москвы достаточно редкое.

Я обернулась на голос, но сразу не узнала *Nicolas,* потому что он был в шапке и еще потому, что не могла даже предположить, что встречу его здесь.

– Изабелла! – повторил он, уже не вопрошающе, а утвердительно.

Только один голос на свете произносил два «л» в моем имени так, словно раскатывал их языком во рту, отчего согласные звуки превращались в некое подобие гласных. Только один голос… И принадлежал он человеку, в которого я когда-то была влюблена до беспамятства. «До беспамятства», это когда не можешь думать

ни о чем, кроме него и своей любви к нему, когда живешь, словно во сне, когда живешь лишь в те минуты, что проводишь с ним, а все остальное время как будто спишь. Я на мгновение перенеслась в прошлое, вернулась обратно и перестала отдавать себе отчет в том, где я нахожусь.

– Николай Николаевич! – ахнула я, впервые в жизни называя его по имени-отчеству. – Это вы?! Неужели?!

– Я! – коротко и просто ответил он, снимая шапку.

Голова его была седой, лицо покрывали морщины, редкие, но глубокие, голос изменился, словно подсох, да и сам он весь как будто подсох, но взгляд, которым он смотрел на меня, остался прежним. Глаза ничуть не изменились, остались такими же живыми, что и были. И искорки в них мелькали точно так же.

Nicolas. Николай Николаевич. Мой князь. Впрочем, никакой он не князь, просто однофамилец, дворянин. Я помню его юнкером, ему так шла форма… Та, прежняя, форма шла всем мужчинам, она была не в пример красивее и представительнее нынешней. А как он пел романсы… Его бархатный голос заглушал все погрешности моего неуклюжего аккомпанемента. «Не пробуждай воспоминаний минувших дней, минувших дней…» Я вдруг подумала, что он так же, как и я, вернулся из-за границы…

Все оказалось иначе. Прозаичнее. Мой красавец юнкер давно не носит форму, у него были другие женщины, он давно уже живет в Москве и зарабатывает на жизнь, реставрируя старинные вещи. Любовь к старине у них в роду передавалась по наследству, отец *Nicolas* был страстным нумизматом, собрал большую коллекцию монет допетровского времени.

Мы долго гуляли по аллеям, оживленно беседуя и то и дело перебивая друг друга вопросами, а потом устыдились своих счастливых лиц, совершенно неуместных на месте вечного упокоения, и ушли с кладбища. Погуляли еще немного, посидели в каком-то заведении, совершенно незаслуженно называющемся рестораном (несвежие скатерти, сальные приборы, угрюмые официантки – фу!), а потом *Nicolas* проводил меня до дому. У него дома нет телефона (или он намерен скрывать от кого-то наше возобновившееся знакомство?), но он записал наш номер и обещал позвонить послезавтра (уже – завтра), чтобы поздравить с праздником. Я совсем забыла про этот международный женский праздник, который не отмечают нигде, кроме Советского Союза.

08.03.1961

Какая же бездушная и завистливая дрянь моя сестра! Закончу писать и положу дневник раскрытым на кухонный стол – читай на здоровье! Раз уж не дала мне сказать ни слова, перебивала, перекрикивала, то – читай!!! Я останусь в тех рамках, которые для себя установила, и буду к тебе снисходительна, но я не стану ничего приукрашивать.

Будь он проклят, этот международный женский праздник, и те, кто его выдумал, какие-то немецкие шиксы![27]

Единственной ошибкой *Nicolas* были его слова по поводу нашего этажа. Наверное, не стоило заявлять вслух, что второй этаж неудобен для жизни, потому что сюда доносится много уличного шума. Шума действительно много, и для нас это в самом деле *point douloureux*[28], но не стоило отвечать на неловкость прямой грубостью, разворачиваться и хлопать дверью. Невежливо говорить грубости, еще более невежливо говорить грубости на непонятном языке, и уж совсем гадко говорить грубости на непонятном языке, если заведомо знаешь, что смысл сказанного тобою поймут. Разве можно вырасти в городе, где много евреев, и не знать, что обозначает слово «тухес»?[29] А тон! Тон! Если таким тоном сказать что-то хорошее, то оно прозвучит как проклятие! А хлопок дверью?! И не надо сваливать все на ложное понимание этикета! Если приходишь поздравлять двух дам, которые живут вместе, то вполне допустимо принести один букет, а не два. Наш общий праздник, наш общий гость… Ну а если гость пришел ко мне одной, то зачем ему в таком случае приносить с собой два букета? Я не коза, мне и одного хватит!

Это же просто ревность, самая обычная ревность! Как же! У Беллы, которая старше и вообще приехала издалека, вдруг объявился кавалер, да еще какой! Разве это можно вынести? Это невозможно вынести! Это было невозможно вынести пятьдесят лет назад, это невозможно вынести и сегодня! Пишу, а слезы из глаз так и льются. В ответ на свои всхлипы слышу за дверью громкое: «цибеле трерн!»[30] Хорошо хоть, что не «дер малех гамовес зол зих ин дир фарлибн!»[31]. И на том спасибо, дорогая моя сестра.

Теперь я наконец-то поняла, зачем вдруг начала вести дневник после столь долгого, полувекового, можно сказать, перерыва. Для того чтобы высказать через него тебе, Фая, все, что я о тебе думаю!!! Лев Николаевич Толстой вел дневник с той же целью, чтобы его бездушная эгоистичная супруга, с которой совершенно невозможно было разговаривать на сложные темы (да какое там на сложные – на мало-мальски возвышенные), хотя бы из дневника его могла бы узнать о том, что он думает о ней или о ком-то еще. Написанное нельзя оборвать, перебить, перекричать.

Можно сжечь тетрадку или порвать ее в клочья, но я заведу новую. И отдам кому-нибудь на хранение. Хотя бы и *Nicolas*! Он станет приносить ее на наши свидания, я буду наскоро делать записи, я все равно пишу быстро и понемногу, а через сто двадцать лет его дочь опубликует мой дневник в каком-нибудь журнале, вроде *Annales Russes*. Да, опубликует! А почему бы его дочери не опубликовать мои записки. Озаглавить как-нибудь броско, например «За кулисами великой актрисы», и опубликовать! Нет, «за кулисами» звучит нескладно и пошло…

Итог таков (буду писать по пунктам, как официальный документ, как договор, как ультиматум):

1. Я здесь живу (чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в мой паспорт, где есть соответствующий штамп, в тех же французских паспортах подобных штампов не ставят, и это досадное упущение!), и я вправе приглашать к себе гостей при условии, что это приличные люди, которых я хорошо знаю и за которых могу поручиться.

2. Мне столько лет, что я вправе поступать так, как считаю нужным. И по праву человеческому и по праву старшинства. Если уж на то пошло, то на сегодняшний день я – старшая в семье Фельдманов.

3. Я не расположена к противостоянию и какой-либо войне со своей родной сестрой. Но я не хочу, чтобы мною помыкали. Я требую уважения, и, кажется, я его заслуживаю. Детство давно кануло в Лету со всеми своими достоинствами и недостатками. Будем же вести себя как взрослые.

Сестра – человек атмосфэрный. Она чувствует атмосфэру, умеет создать ее. Молчанием она может выразить стократ больше, нежели другой человек словами. Мне очень бы не хотелось, чтобы, приходя ко мне, *Nicolas* натыкался бы на это ледяное молчание. Я не хочу для него такой атмосфэры, и для себя самой тоже ее не хочу!

Мы сидели в моей комнате, сестра сидела в своей. Всем было неловко. Потом к сестре пришли гости – Михаил Неюрьевич (это он сам так себя называет, утверждая, что Михаил Михайлович звучит очень скучно) с супругой. Михаила Неюрьевича я про себя зову *Saint-Exupéry*, потому что он тоже летчик. Офицер, фронтовик, так здесь принято называть ветеранов, в театр пришел, когда ему было уже около тридцати, но сразу же в Малый, туда, куда сестру не взяли. Подозреваю, что причиной всему не чьи-то происки, а характер. Михаил Неюрьевич – крайне обаятельный человек, расположенный к людям. Он ни о ком не отзывается резко, никого не хает за глаза, да и в глаза, я думаю, тоже. Михаил Неюрьевич входит в комнату, и словно яркая

лампочка зажигается, так от него светло. И супруга у него такая же светлая. Милые, хорошие люди. Неужели им приятно общаться с сестрой? Она же даже про обожаемую свою Анну Андреевну, которую «в знак высшего уважения» называет «раббинькой» (слышал бы это отец! где это видано, чтобы женщину называли «ребе»? тогда курицу надо звать «ваша светлость», а кошку «ваше высочество»!), даже про А.А. сестра может сказать: «идол бездушный». Представляю, что она говорит обо мне. Брокн лигнс ви а йидене локшн[32]. Не иначе как нашептывала гостям, что ее сестра не только сама сидит у нее на шее, но и нахлебников приводит. Хорошо, если вместо «нахлебников» не скажет «кобелей», с нее станется. Кто при родителях обозвал Арика Шолумовича «Белкиным хахалем»? Брат Яша? Или кухарка? Вот славно бы было где-нибудь встретить Арика. Наведу, пожалуй, справки о нем у Нины. Она знает все про всех, а Арик, если он жив, непременно чем-нибудь прославился и не прозябает. Это был такой умница, настоящий «идише копф»[33]. Но он мог сменить фамилию. Многие меняли фамилии, особенно десять лет назад, когда еврею не то чтобы называть себя евреем, на улицу было страшно выйти. Но я все же спрошу у Ниночки.

А как поет Михаил Неюрьевич! Заслушаться можно. Обожаю романсы!

10.03.1961

Не разговариваем, а если и надо что-то сказать, говорим не друг дружке, а в никуда. Едим порознь, сидим порознь, я демонстративно не замечаю ее, а она меня. Когда приходят гости, устанавливается перемирие, незачем выворачивать свое белье напоказ перед окружающими. Но все равно напряженность между нами ощущается. Ниночка в курсе случившегося, я ей сама об этом рассказала, а вот соседка Светлана сразу же почувствовала неладное и, когда сестра вышла, тихонечко поинтересовалась у меня, что случилось. Я молча пожала плечами. Светлана все поняла. Хочется куда-то уехать. *Nicolas* звонил, нарвался на сестру, но все обошлось без комментариев с ее стороны. Она просто положила трубку рядом с аппаратом и удалилась на кухню, забыв закрыть за собой дверь. Я разговаривала с бедным *Nicolas* крайне приветливо, изображала голосом таяние арктических снегов, как выражался мой покойный муж, чтобы сгладить впечатление от очередной эскапады моей невоспитанной сестры. И это – народная актриса! Народная хабалда!

Ниночка шепнула мне по секрету, что на днях состоялась премьера нового фильма с участием сестры и, по словам режиссера, публика приняла картину весьма холодно. Сестра не сказала мне об этом ни слова, хотя премьера случилась до нашей ссоры. Это лишний раз характеризует ее отношение ко мне. С близкими людьми делятся всем – и радостью, и горем. Ниночка просит меня смягчиться и «войти в положение». А кто войдет в мое положение? Какая может быть связь между картиной и визитом *Nicolas*? Недостойно приличного человека срывать зло на ни в чем не повинных людях.

Злобствую, но понимаю, какая это драма для актрисы – провал фильма или спектакля, тем более что роль была не эпизодической *comme toujours*[34], а главной. Ох, кто-то из нас должен сделать первый шаг к примирению, и сделает это та, кто умнее.

12.03.1961

Возобновить отношения как ни в чем не бывало, словно не случилось между нами ссоры, и вести дальше себя совершенно без смущения – что это? Величайшая деликатность, выражающаяся в полном и окончательном забвении всего досадного, или же величайшая бестактность, выражающая презрение ко мне? Мол, настолько я ничтожна, что не заслуживаю объяснений? Не хочу думать об этом, но думается как-то само собой. *Nicolas* советует потерпеть. Годы сделали его очень терпеливым. Здешняя жизнь вообще располагает к терпению. Еще один довод в пользу сестры – если постоянно терпеть, терпеть и терпеть, то рано или поздно чаша терпения переполнится и негодование изольется на того, кто рядом. Обменялись подарками в честь примирения. Какая ни есть, а сестра у меня одна, другой нет и не будет.

16.03.1961

Елочка рассказала страшное – два или три дня назад в Киеве прорвало какую-то дамбу и половину города затопило дерьмом и грязью в буквальном смысле этого слова. Это случилось рано утром, когда люди шли на работу. Кто-то из Елочкиных подруг (имя она называть не стала) была в то время в Киеве (в той части, которая не пострадала) и видела последствия своими глазами. Газеты и радио молчат. Разрушены дома, счет погибших идет на

тысячи, подозревают диверсию. Сестра считает, что все дело в обычном здешнем разгильдяйстве. Странно – о начавшемся матче на первенство мира по шахматам пишут во всех газетах и сто раз, если не больше, сказали по радио, а о такой трагедии – ни словечка. Неуважение к памяти погибших.

Сестра дружит с Елочкой, между ними приязнь, но тем не менее за глаза злословит. Например, проезжается по тому обстоятельству, что экономная Елочка может подать суп на первое, а курицу из супа – на второе. Что в этом зазорного? После смерти мужа бедная Елочка вынуждена экономить. Как будто сестра сама не испытывала нужды. В какие-то моменты в ней поднимает голову дочь богатого промышленника Фельдмана. Азохунвей![35] Где сейчас наш отец? Где его богатство? Кто живет в нашем доме? Сама же рассказывала мне, как голодала в Ташкенте, даже индюшек с горя выращивать пыталась! Это моя-то сестра – и выращивать птицу? У нее канарейка в детстве сдохла на второй день.

26.03.1961

Ощущение весны витает в воздухе. Я почти счастлива. Хотела зачеркнуть слово «почти», но передумала. Пусть остается. Скоро Песах. Назначили генеральную уборку. Нюра поправилась, нога ее совершенно не беспокоит. Маца здесь есть, но ее приобретение окружено некоей таинственностью.

Спрашивала у Ниночки про Арика Шолумовича. Она такого не знает. Есть среди ее знакомых часовщик Шолумович, но он Моисей и из города Дербента.

05.04.1961

Сегодняшний разговор с сестрой:

– Каждая плять тоже метит в народные (сует мне газету и тычет пальцем в нужное место). Нет, я удивляюсь не решительно, а отчаянно!

Читаю. Нашему другу Славе (а у меня нет причин не считать этого приятного во всех отношениях мужчину своим другом) дали звание народного артиста. Мне радостно. Сестра злится. Я могла бы понять ее злость раньше, когда сама она еще не имела этого звания, но почему она так ведет себя сейчас? Совсем недавно она разговаривала со Славой по телефону, называла его Славочкой и Ростиславушкой.

– Вы поссорились? – на всякий случай уточняю я, зная, насколько обидчива и насколько скора на обиду сестра.

– Еще чего! – фыркает она и снова повторяет: – Нет, надо же! Каждая плять! Каждая плять!

Не люблю, когда коверкают фамилии. Любую фамилию можно представить в пошло-скабрезном виде. Однажды приказчик, уволенный за воровство, назвал отца Фотцманом[36] и тут же получил по физиономии. То был единственный случай, когда наш отец позволил себе рукоприкладство по отношению к кому-то (оплеухи и подзатыльники детям не в счет).

Спустя пять минут звонит Славе.

– Ростиславушка, дружочек, я так рада, так рада! Только вчера говорила Беллочке – ну что же это такое, кому попало дают народного, даже мне дали, а Славочка до сих пор ходит в заслуженных! Как в воду смотрела! Как сердцем чуяла! Поздравляю тысячекратно!

Почему сестре ни разу не довелось играть в знаменитой комедии Шеридана «Школа злословия»? Она просто создана для этой пьесы, рождена для нее, точно так же, как я для «Ромео и Джульетты»! Нескромно? Возможно, что и нескромно, но я пишу это для себя и могу позволить себе быть нескромной.

07.04.1961

Полина Леонтьевна больна очень серьезно. Надежды никакой. Жалею ее безумно. Только что осознала, что никогда не слышала от сестры ничего плохого в адрес Полины Леонтьевны. Только хорошее и в превосходных степенях. Отрадно.

12.04.1961

Первый полет человека в космос – это замечательно, но почему из-за этого надо устраивать мероприятия в театрах? *Nicolas* горячо убеждал меня, что никакого космоса не существует и летать туда невозможно.

– Нам бессовестно лгут уже сорок с лишним лет, а мы делаем вид, что верим!

Странно, что с такими радикальными взглядами он никогда не подвергался преследованиям. К счастью. *Nicolas* очень религиозен. Водил меня в церковь, сказал, что ничего, что я некрещеная, главное, чтобы душа была открыта Богу. «Открыта ли Богу моя душа?» – задумалась я и решила изживать в себе все

плохое. Прежде всего я должна перестать обижаться на сестру по пустякам и вообще должна перестать обижаться. Говорят же мудрецы: ««Не делай другому то, что не хочешь, чтобы сделали тебе». Я перестану обижаться, и сестра перестанет. Сколько нам обеим осталось жить, чтобы тратить время на ссоры и обиды?

Сестра говорит, что если бы не возраст, то она бы с удовольствием улетела бы на другую планету, туда, где совсем нет людей. Так ей якобы надоели люди. Для кого она там играла, хотела бы я знать.

14.04.1961

В прошлом году театр сестры летом выезжал на гастроли в Прибалтику. В этом году с местом гастролей пока окончательно не определились. Оказывается, что труппа не может выехать на гастроли по своему желанию, необходимо получить разрешение свыше. Существует какой-то план, согласно которому гастроли в хороших городах, таких как, например, Рига, должны чередоваться с поездками в захолустье. «В этом году всех отправят в Сибирь и половину там оставят», – пророчествует сестра. Сама она не намерена уезжать на гастроли, так как не может оставить Полину Леонтьевну.

– Я так и сказала нашему эсперантисту: тасуйте свою колоду как хотите, но я этим летом никуда не поеду! Хоть озолотите меня, хоть в жопу целуйте – не поеду!

«Эсперантист» – это директор театра. Не понимаю, кому понадобилось выдумывать эсперанто. В мире столько языков, зачем нужен еще один? Говорят, что он очень прост и легок, но почему бы тогда не взять итальянский? Более простого для изучения языка, мне кажется, не существует, и в то же время он очень красив и мелодичен. Правильно, наверное, говорил наш отец про варшавских евреев, что они на любые выдумки горазды, лишь бы от дела отлынивать. У него было стойкое предубеждение именно против варшавян. С виленскими евреями он вел дела, с бердичевскими, с одесскими, с персами, греками и турками тоже вел, не говоря уже о русских, но вот с варшавскими никогда не связывался.

16.04.1961

Ходили с *Nicolas* смотреть картины. Поразило недружелюбное отношение служителей. Покрикивают на посетителей, словно те у

них в подчинении, и вообще ведут себя грубо. Но позволяют себе лишнее только с советскими гражданами. Стоило нам с *Nicolas* перейти на французский, как служители тотчас же подобрели и начали общаться с нами гораздо приветливее. «Эту страну создавали для народа», – горько заметил *Nicolas,* когда мы вышли на улицу. Он тоже согласен с тем, что простым людям сейчас живется тяжелее, чем до революции. Я замечаю многое, но все в один голос говорят, что жизнь в Москве неимоверно лучше, легче, приятнее жизни в провинции. Зачем же тогда нужна была революция? У *Nicolas* есть очень простое объяснение. Александр Третий казнил родного брата Ленина, а Ленин в отместку казнил его сына и всю семью Николая Второго. «То была простая месть, а все остальное – всего лишь приложение к ней», – сказал *Nicolas.* Ничего себе «приложение»! Но должна признать, что определенная логика в словах *Nicolas* есть и самое простое объяснение очень часто оказывается самым верным. Сестра из окна видела нас с *Nicolas.* Сказала, что мы выглядим как «два впавших в детство придурка». Я улыбнулась в ответ и сказала, что была бы не прочь вернуться в детство, ибо оно в самом деле – лучшая пора жизни. Сестра удивилась моей кротости (бóльшая часть которой шла от ума, а не от сердца) и сказала, что она не имеет ничего против *Nicolas.* Правда, заявила она об этом не в самой благозвучной форме, но я все равно рада. В следующий раз попрошу Нюру испечь пирог (она мастерица) и приглашу *Nicolas* к нам. Нарочно подгадаю так, чтобы сестра была в это время дома. Если она узнает *Nicolas* ближе, то он ей непременно понравится.

21.04.1961

По случаю дня рождения Ленина завтра по всей стране проводится субботник. Все работают – что-то производят или занимаются благоустройством территории.

– Субботник – квинтэссенция коммунизма! – говорит сестра. – Работаешь бесплатно и с песнями.

Сестре предстоит выступление на каком-то заводе. Это днем, а вечером у нее спектакль.

– Прочту им с выражением «Каштанку» и хватит, – смеется сестра.

Я так люблю, когда она в хорошем настроении.

– Почему именно «Каштанку»? – спрашиваю.

Сестра делает серьезное лицо.

– Понимаешь, – доверительно говорит она, – тут такое дело. Завод, пролетариат, субботник… Нужно что-то

жизнеутверждающее и в то же время несложное. «Муму» – слишком мрачно, монолог Сатина – слишком сложно, а про Левшу я читала на прошлогоднем субботнике. Вот и остается «Каштанка». Ума не приложу, что стану читать на следующем субботнике. А читать надо, иначе придется ползать на карачках по сцене с тряпкой в руках…

Мы смеемся. Сегодня нам хорошо вместе. Всесоюзный ленинский коммунистический субботник – здесь умеют придумывать пафосные названия.

23.04.1961

Была Норочка. В ее театре тоже все непросто и весьма. Интриги повсюду. В отличие от сестры, Норочка более ранима и тяжелее переживает обиды. Рассказывала, как познакомилась с Маяковским. Это было весной, в мае, на ипподроме. Я очень удивилась, узнав, что новая власть оставила ипподромы и разрешает делать там ставки. Странно, ведь коммунисты противники азартных игр. Казино здесь нет, а ипподромы есть. Сестра сказала:

– Ипподром – жизнь в миниатюре. Одни бегают по кругу, другие надеются на удачу, а заканчивается все для всех одинаково неинтересно.

Сразу же захотелось записать, пока не забылось. Память в последнее время начала меня подводить. *Nicolas* успокаивает меня, говорит, что это от избытка впечатлений. Милый добрый верный *Nicolas*!

Сестра тоже была знакома с Маяковским, правда, шапочно.

24.04.1961

Уметь довольствоваться тем, что у тебя есть – это ли не счастье? У меня есть сестра, есть друг, есть дом, есть рента (от слова «пенсия» меня коробит), есть возможность радоваться всему, чем я обладаю. Что толку сокрушаться о том, что нам с *Nicolas* до конца наших дней не суждено соединиться? Да и надо ли? Лучший вид отношений – это те, что существуют сейчас между нами. Легкость, романтичность, постоянное ощущение некоей новизны, грусть расставаний, предвкушение следующей встречи… Да, мы никогда не будем жить вместе, но от этого прелесть наших отношений не становится меньше. Чрезмерная близость пресыщает, притупляет остроту чувств, открывает в

человеке то, чего лучше бы и не замечать вовсе. Разве с началом семейной жизни образы любимых не тускнеют? Нет, я не уговариваю себя, а в самом деле считаю, что теперешняя моя жизнь сложилась наилучшим образом, наиболее уместным в моем положении. Я могла бы жить одинокой среди совершенно чужих мне людей, и пусть климат там был бы мягче, а общий уклад жизни, несмотря на всю его восточную приторность, понятнее, но там бы я никогда не смогла бы почувствовать себя счастливой.

Осторожно прощупала почву касательно здешних мест отдыха. Увы, сразу три причины мешают мне устроить себе небольшой праздник, романтические каникулы. Сестра сказала, что никуда меня одну не отпустит, разве что потом, когда я окончательно освоюсь.

– Но ведь ты же оставляла меня на несколько дней дома, и ничего не случилось, – напомнила я.

– Дома – другое дело, здесь есть кому за тобой присмотреть! – тоном, который исключал любые возражения, ответила мне сестра.

Кроме того, она объяснила мне, что обычные здешние пансионаты и санатории сильно отличаются от тех, в которые ездит она. Верю, потому что уже хорошо поняла, что всеобщее равенство здесь только на словах. «Как заводская столовка от хорошего ресторана», – сказала сестра. В заводских «столовках» я не была, но в обычное здешнее *bistrot*, где столы и пол вытираются одной и той же тряпкой (в присутствии клиентов!!!), из любопытства однажды заглянула. Меня, как родную сестру народной актрисы Раневской, могут пустить в хороший санаторий, но вот *Nicolas* никто туда не пустит. И сам отдых в подобном месте может оказаться ему не по карману.

– За хорошее обслуживание надо платить! – сказала сестра. – Я, та самая Муля, и то всякий раз везу с собой чемодан с конфетами, духами и прочими презентами. И денежку для раздачи тоже не забываю взять. Я же не Фурцева, чтобы мне забесплатно жопу лизали! Тебе, Белла, пора бы уже понимать, что к чему. Изменились только названия, а люди и отношения между ними остались прежними. Не подмажешь, как говорится, не поедешь.

Жаль. А я уже строила такие планы, выбирала между Крымом и Юрмалой.

02.05.1961

Здешние демонстрации поражают обилием людей.

Празднества по случаю трехсотлетия дома Романовых не идут ни в какое сравнение с ними. Уговаривала сестру на прогулку, но она отказалась. Сестра сильно переживает болезнь Полины Леонтьевны. Когда я слышу от сестры «она мне заменила мать», то думаю о том, что сестра сделала свой выбор самостоятельно, никто не принуждал ее расстаться с семьей, напротив, родители настойчиво звали ее с собой. Если же послушать сестру, то выходит, что осталась она одна не по своей воле, а по воле рока. Таким трагическим тоном произносит свое вечное «она спасла меня от панели»… не могу понять, а на что вообще рассчитывала сестра, оставаясь одна среди всего этого безумства? На своего Максимилиана? На то, что ее пригласят в Малый театр? На что тогда вообще можно было рассчитывать? Не знаю, но зато знаю другое: если человеку приходится выбирать, то он выбирает то, что ему больше по душе. Родители для сестры были худшим злом, нежели революция. Она настолько ценила свободу, возможность всегда поступать по своему усмотрению, что предпочла этой свободе все – дом, благополучие, спокойную жизнь. Увы, от состояния отца остались жалкие крохи, но эти крохи позволяли жить, а не нищенствовать. Сестра сама оборвала нити, связывавшие ее со всеми нами. Зачем говорить о том, что Полина Леонтьевна заменила ей мать, если она в матери совершенно не нуждалась. В подруге – нуждалась, в наставнице – нуждалась, но не в матери. Чтобы я так нуждалась в болячках, как сестра нуждалась в матери!

05.05.1961

Ходят слухи (принесла их всезнайка Ниночка), что готовится постановка «Войны и мира». Снимать будет один из наших знакомых режиссеров (незнакомых режиссеров у меня уже, кажется, и не осталось, если кого-то не знаю лично, то знакома с ним по рассказам сестры). Сергей Федорович, который, по выражению сестры, «покушается» на Толстого, провел свою юность в Таганроге и там же начал актерскую карьеру. Мы с ним обменялись впечатлениями, я рассказывала о том, что было, а он мне о том, что стало. С.Ф. производит впечатление человека не просто умного, но глубокого. Такому под силу ставить лучшее произведение русской классической литературы. Сестра уже трижды заговаривала о том, что ей близок образ Жюли Курагиной.

– Светская пустышка – это мое амплуа, – говорила она мне и соседке с третьего этажа Светлане.

Светлане явно было сказано с тем расчетом, чтобы эти слова поскорее дошли до С.Ф. Сомневаюсь, что сестре достанется эта роль. На мой взгляд, с Жюли у нее нет ничего общего. Разве что лицо пудрой обильно обсыпать. Ей скорее бы подошла роль Анны Павловны Шерер. Я осторожно поделилась с сестрой своим мнением. Она ответила: «Могу и ее» – и тут же позвонила Светлане.

– Захотелось перечитать роман, – так начала разговор сестра. – Весь, от первой до последней страницы. Раскрыла первый том, прочла несколько строк и задумалась об Анне Шерер. Ее принято считать коварной, насквозь искусственной интриганкой, но это не совсем верно. Она же эн-ту-зи-а-стка! Вы со мной согласны?..

Мне нет дела до того, что говорит сестра другим людям. Но почему бы не сказать просто, как оно было? «Белла считает, что я могла бы сыграть Шерер». Зачем устраивать театр даже по мелочам? Зачем постоянно врать, даже если это не приносит никакой пользы? Я не обижаюсь, я удивляюсь. Неужели актерство так въедается в душу, что вся жизнь превращается в спектакль без антрактов?

12.05.1961

Михаил Неюрьевич приходил на домашнюю репетицию. Они с сестрой готовятся к записи на радио. Рассказывал про какого-то молодого и очень талантливого режиссера (у доброго Михаила Неюрьевича все талантливые), которого сам Ромм (это любимый режиссер сестры, тот самый, что снял ее в «Мечте») благословил на комедийную стезю. Насколько я поняла, молодому режиссеру очень хочется снимать в своих фильмах актрису Раневскую. Одно ее имя уже обеспечит картине внимание зрителей. Но и для сестры, вечно жалующейся на отсутствие ролей (их у нее и в самом деле немного), подобное предложение могло бы показаться привлекательным. Но так считаю я, а сестра думает иначе.

– Не искушайте, демон вы мой, – сказала сестра Михаилу Неюрьевичу. – Я недавно уступила домогательствам Нади и снялась у нее в бесподобном, прямо-таки блистательном говне! Худшей из моих картин был только «Инженер Кочин», где я сыграла еврейку, от одного воспоминания о которой мне хочется вступить в Союз Михаила-Архангела. Что с того, что его благословил сам Ромм? Эйзенштейна благословил сам Чаплин, а кто был Эйзенштейн? Порнограф-импрессионист!

Когда Михаил Неюрьевич ушел, я спросила, о том ли

Эйзенштейне, который снял «Броненосец «Потемкин», шла речь или о его однофамильце. Я видела эту картину, превосходно передающую весь ужас революции, и мы с моим покойным мужем, помнится, очень удивлялись тому, что создателей фильма не арестовали. Эта картина только на первый взгляд кажется революционной, а на самом деле она выступает против революции. Так, во всяком случае, нам тогда показалось.

– О том самом, – ответила сестра, – не хватало нам еще одного Эйзенштейна!

Она его не любит. Да и какая актриса станет любить режиссера, сначала предлагающего роль, а затем отказывающегося от своего предложения. Это же все равно что сделать девушке предложение и передумать накануне свадьбы. После такого принято отказывать от дома. Но «порнограф-импрессионист» – это слишком сильно даже для нелюбимого режиссера, тем более для покойного. Правило «de mortuis aut bene aut nihil»[37] заслуживает того, чтобы его соблюдали, хотя бы потому, что покойник не способен ответить, оправдаться.

– Несмотря на все обиды, я к Сергею Михайловичу отношусь хорошо, – ответила мне сестра. – Гораздо лучше того, чем он на самом деле заслуживает. А про порнографа я сказала не ради красного словца. Это истинная правда. Он обожал рисовать похабные картинки. Меня тоже рисовал.

– Не может быть! – усомнилась я. – И ты так спокойно говоришь об этом?

– Но ведь он же делал это талантливо, – как ни в чем не бывало ответила сестра и показала мне несколько сохранившихся у нее рисунков.

Ничего талантливого я в них не нашла, непристойность не может быть талантливой. Другое дело чувственная откровенность, как, например, у *Pauline Réage*. Но то, что показала мне сестра (без тени смущения, а, скорее, с какой-то гордостью!!!), не имело ничего общего с чувственностью и чувствами вообще. То были рисунки, подобные тем, которые рисуют углем на заборах.

– Зачем ты хранишь эту мерзость?! – ужаснулась я, отшвыривая от себя рисунки.

– Мне нравится ощущать себя Венерой Милосской! – со снисходительной усмешкой ответила сестра. – А ты, как я вижу, осталась такой же ханжой, что и была.

Ханжой? Считайте меня ханжой, но мне такое, с позволения сказать, творчество не нравится. Более того, оно мне отвратительно.

Сестру потянуло на воспоминания. В частности, она

рассказала, как подшутил Эйзенштейн над одним из первых руководителей советского кинематографа, человеком ограниченным и невежественным.

– Пришел к нему и сказал, что хочет поставить фильм по книге, которая была запрещена царской цензурой. Для того это была наилучшая рекомендация. Все же перевернулось с ног на голову, что раньше было плохо, теперь стало хорошо. Конечно, говорит, ставьте, Сергей Михайлович, а что за произведение? А Эйзенштейн ему, не моргнув глазом, отвечает, поэма Баркова «Лука». Фамилию Луки он благоразумно не сказал. Получил согласие и ушел. А этот болван собрал совещание и объявил, что режиссер Эйзенштейн приступает к съемкам революционной драмы «Лука» по одноименной поэме Баркова. Там было несколько образованных людей, так они сначала сильно удивились, а потом сообщили товарищу начальнику полное название поэмы и объяснили, почему ее запрещала царская цензура. За этот розыгрыш Эйзенштейн поплатился своей новой картиной, которую признали идеологически неверной и уничтожили.

Обожаю сидеть наедине с сестрой и слушать ее рассказы. Она превосходная рассказчица, хотя порой и бывает чересчур язвительной. Но зато ее рассказы не пресны, как рассказы кое-кого из наших знакомых.

14.05.1961

Один доктор в Антарктиде якобы вырезал сам себе аппендикс, потому что больше некому было его вырезать, и выжил. Видела в газете его фотографию. Верится в подобное с трудом. Сестра рассказала, что во время войны в Ташкенте познакомилась с фельдшером, который сам себе ампутировал ногу. Ей тоже не верю. Я сегодня вообще никому не верю, потому что вчера у меня украли кошелек. Денег там было немного, всего-то двадцать рублей и немного мелочи, но жаль кошелька и разрезанной вором сумочки. Очень жаль, потому что здесь я ничего подобного купить не смогу, здесь таких сумочек нет и кошельков тоже. Я, конечно, сама виновата – упросила *Nicolas* сводить меня на Тишинский рынок. Хотелось посмотреть на местный *marché aux puces*[38]. Посмотрела, совершенно не понравилось – очень убого, совершенно не ощущается приятная атмосфэра, сопутствующая подобным местам во Франции или где-то еще, атмосфэра, располагающая к покупкам, даже к самым ненужным. Покупатели угрюмы, продавцы еще более угрюмы,

покрикивают: «Купи, потом трогай». Но больше всего не понравилось то, что все толкаются и даже не думают извиняться. Если бы не *Nicolas,* то меня бы там совсем задавили бы. Когда же я обнаружила пропажу кошелька, настроение испортилось окончательно. *Nicolas* благородно пытался компенсировать мне мою потерю, предлагал четвертную, но я отказалась. Сестре ничего рассказывать не хотела, но она, едва войдя в прихожую, обнаружила отсутствие сумочки (убедившись, что починка невозможна, я ее выбросила) и спросила, где она. Пришлось все рассказать. Сестра сначала смеялась (это меня обидело), затем назвала меня дурой (я обиделась еще сильнее), а затем посоветовала мне «не соваться в злачные места» (я и без нее решила, что больше не буду). Обидно. Я предвкушала наслаждение от общения с продавцами, представляла, как найду какую-нибудь прелестную безделицу, похожую на одну из безделиц моей молодости, я рассчитывала на приятную прогулку в обществе моего *Nicolas*, а что я получила в итоге? Ох, уж эта моя проклятая наивность! Вечно она впутывает меня в неприятности. Наивность и упрямство. *Nicolas* пытался отговорить меня от этой затеи, предлагал прогуляться по нашему обычному маршруту, но я отказалась. Мне же непременно хочется увидеть все своими глазами, и я все время забываю о том, что есть многое, чего лучше не видеть и не замечать.

17.05.1961

Чаепитие у верхних соседей. Сестра с Сергеем Арсеньевичем вспоминали Баку, вспоминали рабочий театр, в котором их свела судьба. Этот театр стал для обоих вехой – Сергей Арсеньевич, вырвавшись из-под крыла (точнее – тиранства) Мейерхольда, начал работать самостоятельно, а сестра проявила там свой талант во всей его красе.

– В роли Музы я выходила на сцену в таком платье, – несколько взмахов обеими руками призваны обозначать нечто невероятно роскошное, – и еще у меня был веер, которым я томно обмахивалась. Короче говоря, я была неотразима. И в меня влюбился один видный энкавэдэшник по имени Жозеф. А может, это был псевдоним, выдуманный специально для меня. У него были такие роскошные усы, которым позавидовал бы и сам Буденный. Он приходил ко мне за кулисы, вручал огромные охапки цветов, дико вращал глазами и настойчиво звал замуж. А я его страшно боялась… Потом он вдруг перестал приходить. Тогда еще не начались массовые аресты, и я думала, что его

срочно отправили куда-нибудь с секретным поручением.

Светлана расспрашивала меня о Париже. Мечтает там побывать, но вряд ли эта мечта может сбыться в ближайшем будущем. Дела ее мужа обстоят сейчас не самым лучшим образом. Из хорошего театра из-за чьих-то происков ему пришлось уйти в театр более низкого разряда, работа в котором не приносит ему должного удовлетворения. Сочувствую и надеюсь, что на этом его карьера не закончится. Спрашивала у сестры, в чем там было дело. Сестра ответила: «Чтобы с волками жить, надо по-волчьи выть, а Сережа этого не умеет, он слишком человечный. Вот его и сожрали».

19.05.1961

Доктора не питают никаких надежд относительно Полины Леонтьевны. Это было ясно и раньше, но вчера об этом было сказано прямо. «Готовьтесь к худшему», – сказал заведующий, и его слова подтвердили профессора. На сестру не просто больно, а прямо-таки страшно смотреть. Хожу на цыпочках, стараюсь угождать ей во всем, понимаю, как ей тяжело. Ирочке тоже тяжело. Как последнего дара прошу себе легкой и быстрой смерти.

22.05.1961

Nicolas подарил мне сумочку, кошелек и перчатки. Все очень милое, заграничное. Где он смог купить все это, осталось для меня тайной. Пыталась узнать у сестры. Сестра сказала, что при большом желании можно достать все, что угодно. «Достать» – это здешний синоним «купить». Мой добрый *Nicolas*! Благодарность моя не имеет границ! Дело не в сумочке и не в перчатках, а в том, что кому-то дорого мое хорошее настроение, в том, что кому-то очень хотелось меня порадовать. Это так чудесно! Я так дорожу этим.

25.05.1961

Я решительно заинтригована. Сегодня мне (именно мне, а не сестре) звонил режиссер Московского драматического театра. Приятный голос, правильная речь, сразу чувствуется, что говоришь с интеллигентным человеком. Никогда не забуду

одного известного актера, который разговаривал со мной так: «Фаина?.. Передайте ей трубку!» Ни «здравствуйте», ни «извините», ни «пожалуйста». Сестра сказала, что трезвый он всегда такой грубиян и добреет только после того, как выпьет. А режиссер был изысканно вежлив. Кто-то рассказал ему обо мне, и он хочет со мной познакомиться. Причем втайне от сестры, сказал, что разговор деликатный, совсем не телефонный и что он объяснит мне все при встрече. Встреча назначена на субботу. В четыре часа, в ресторане «Прага». Один из лучших ресторанов Москвы! Он определенно хочет произвести впечатление! У меня так давно не было таинственных встреч! Как это романтично! Немного опасаюсь, что вся эта затея может оказаться розыгрышем, на которые так горазда актерская братия, но я, кажется, ни с кем из мужчин, кроме *Nicolas,* не знакома настолько близко, чтобы меня можно было разыгрывать. Но это точно не *Nicolas*, не его стиль.

26.05.1961

Очередной театральный скандал! Прима застала главного режиссера в гримерной у одной «юной, да ушлой», как выражается сестра, актрисы.

– Подкараулила и ворвалась в самый интересный момент, – смеется сестра. – Разве так можно? Эта шикса еще не успела доиграть на их общей флейте. Она же могла с перепугу укусить или подавилась бы! Произошел безобразный скандал! И где? За кулисами! В святая святых искусства! И что же они кричали друг другу? Ты думаешь что-то вроде: «прости, любимая!» или «будьте вы все прокляты, пойду и наложу на себя руки!». Нет. Они кричали: «я напишу в цэка!» – «я напишу Фурцевой!», «я вас на всю Москву ославлю!». Ты можешь представить, чтобы Пушкин вместо дуэли писал бы кляузу на Дантеса Бенкендорфу? У тебя есть соперница?! Ты ревнуешь?! Так отравись сама или отрави ее, но изволь быть выше всей этой площадности! Ты же Ак-три-са! Служительница муз! Или хотя бы так ублажай своего старого козла, чтобы у него не оставалось бы ни сил, ни желания на других баб! O tempora! O mores![39]

28.05.1961

Могла бы догадаться сразу и не питать никаких надежд! Уже на первой минуте разговора оказалось, что моему собеседнику

нужна не я, а моя сестра. Он хочет заполучить ее в свой театр, сестра уже дважды отказывалась, теперь он хочет пойти обходным путем. Я в его представлении являюсь человеком, имеющим влияние на сестру. «Как же, вы же родные сестры!» Плохо же он знает мою сестру! Повлиять на нее? Склонить к переходу? Уговорить? Их дарф дос ви а лох ин коп![40] Ведь это я потом окажусь виноватой. В новом театре будет то же самое, что и в старом (уж кому-кому, а мне положено разбираться в характере моей сестры), и на мою голову будут постоянно сыпаться упреки и обвинения. Вдобавок у меня сложилось впечатление, что меня сочли дурочкой, расположение которой можно купить за порцию комплиментов и невкусный обед. «Прага» мне не понравилась совершенно. Кормят плохо, обслуживают еще хуже, а сам зал, в котором мы сидели, навевал мысли о *Gare de L'Est*[41] – так же помпезно, суетливо и неуютно. В знак компенсации за впустую потраченное время я позволила ему расплатиться по счету. Сестре все рассказала. Несмотря на ее подавленное состояние, мой рассказ ее позабавил. Она напомнила мне одну из любимых фраз нашего отца: «Люди улыбаются не вам, а моему капиталу». Немного обидно сознавать, что люди улыбаются не мне, но в то же время радостно, что у меня есть знаменитая сестра. Разве это не повод для гордости и за нее и за всех Фельдманов.

29.05.1961

В этот день, только число тогда было другое – 19 мая, мы с *Nicolas* познакомились. В честь этого радостного для нас обоих события *Nicolas* подарил мне чудесную резную шкатулочку в стиле *barocco*. Нашел ее где-то и собственноручно отреставрировал. И как угадал! Орех – мое любимое дерево! Шкатулка настолько хороша, что ее не хочется выпускать из рук. Стану хранить там самые ценные украшения. Милый, милый *Nicolas*! Он каждую неделю балует меня дорогими подарками. Я стесняюсь, мне в самом деле неловко. Подарю ему портсигар, оставшийся от моего покойного мужа, утаив его историю. Да и разве в истории дело? Портсигар старинный, ему почти сто лет, ясно же, что у него уже были владельцы. *Nicolas* должен остаться доволен.

04.06.1961

Nicolas понравился мой подарок, но он сказал, что носить с

собой такую дорогую вещь не станет. Этот портсигар будет у него «домашним». Так даже лучше. Было бы очень неприятно узнать, что мой подарок вытащили у него из кармана.

06.06.1961

Сестра в больнице у Полины Леонтьевны. Попросила меня поздравить с днем рождения Норочку и какую-то Татьяну Ивановну, которую я, по ее мнению, знаю, но сама не припоминаю. Сестра крайне внимательна во всем, что касается поздравлений и соболезнований. Она хорошо понимает, насколько важны все эти знаки внимания. Поздравила обеих. Татьяну Ивановну так и не вспомнила, хотя мы действительно знакомы. Она сказала мне: «Ах, Белла Георгиевна, помню, помню». Норочка, судя по ее тону, была чем-то сильно расстроена, голос ее дрожал, и дрожал совсем не от радости. Приставать с расспросами я постеснялась.

09.06.1961

Полина Леонтьевна скончалась. Я подавлена ее смертью, а сестра буквально раздавлена ею. Когда мы остаемся одни, то сидим, обнявшись, и плачем. «Лиля моя, Лиля…» – причитает сестра. И те, кто приходит выразить соболезнование, тоже плачут.

18.06.1961

Nicolas – мой спаситель. Если бы не он, то не знаю, что бы со мной было. Его общество, встречи, прогулки помогают прийти в себя. Дома очень грустно. На людях сестра держится молодцом, а наедине со мной сразу же сникает и дает волю чувствам, то есть – слезам. Дважды из-за сердечных приступов пришлось вызывать «Скорую помощь». Ехать в больницу сестра категорически отказывается. Ниночка достала какое-то новейшее снотворное, но оно не помогает.

20.06.1961

– Хорошо, что сейчас лето и в театре затишье, – сказала сестра. – Не могу играть, не то чтобы выходить на сцену, даже смотреть на нее не могу! Как только вспомню, благодаря кому… Да разве ж я хоть на мгновение забываю? Разве можно забыть Лилю…

Сестра очень часто утешается рюмочкой. Переживаю за нее. Бывало так, что люди спивались и в нашем с ней возрасте.

22.06.1961

Приятно, когда люди входят в положение, привозят на дом зарплату и пытаются развлечь рассказами о каких-то событиях. Но нельзя же забывать о такте! Надо отдавать себе отчет в том, кому и что ты говоришь! Глупенькая восторженная девочка рассказала сестре о том, что главный режиссер (он у них сторонник новизны, как здесь говорят – «новатор») мечтает поставить «Ромео и Джульетту» на новый лад, и поставить оригинально. Пьес о двух влюбленных друг в друга комсомольцах, которые гибнут, предотвращая какую-нибудь катастрофу, здесь хватает, и они уже приелись публике. Однако совсем отказываться от политики нельзя, потому что пьеса без политического подтекста («без идеи», как здесь говорят) не будет иметь шумного успеха и не принесет наград. А режиссер честолюбив, он недавно пришел в театр и хочет показать себя, выделиться. Идут активные поиски подходящей пьесы, подходящей идеи. Сестра, узнав об этом, расстроилась:

– Я все понимаю, – утирая слезы, говорила она. – Ромео, Джульетта, молодежь… Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет. Ох, недаром эти слова впервые прозвучали в Гришином цирке. Это все цирк, иллюзия, обман… Нет никакого почета. Зачем мне звание народной актрисы, если у меня не будет ролей? Народная актриса без ролей, это все равно что жопа без дырки! Одна видимость и никакой пользы. Главный режиссер в первую очередь должен думать о том, чтобы все амплуа в его труппе были задействованы, иначе он не режиссер… Если он останется с одними девчонками, то это уже будет не труппа, а что-то другое. Что он тогда сможет ставить? «Ромео и Джульетту» да «Студента третьего курса», где сам сыграет и профессора, и председателя колхоза? Ноги моей больше не будет в этом театре, даже после смерти! Белла, слушай мою последнюю волю – после моей смерти никаких панихид в театре!

Я поспешила выпроводить гостью, которая так расстроила сестру. Мне показалось, что, уходя, она улыбнулась, едва заметно, но улыбнулась. Впрочем, состояние мое было таково, что я могла и ошибиться. Страшусь предположить, что то была не оплошность, а намеренное стремление досадить сестре, человеку заслуженному, уважаемому да вдобавок переживающему в настоящее время огромное личное горе. «Вос эс тут ништ а йид

цулиб парносе!»[42] – говорил отец, оправдывая кого-то из знакомых. Перефразируя его слова, скажу так: чего только не сделает человек, чтобы досадить ближнему своему. И никого оправдывать не стану, потому что подлости нет оправдания! Чтобы к нему на эту «Джульетту» ходили только по контрамаркам!

25.06.1961

Гуляли с сестрой по бульварам. Сколько же всего она знает! Рассказывала мне едва ли не про каждый дом, мимо которого мы проходили – кто его построил, что здесь было раньше, кто здесь живет сейчас. Все время выходило, что те, прежние люди, лучше нынешних. Это не старческое брюзжание, а горькая правда. «Раньше все было лучше – и люди, и масло, – сказала сестра. – Эх, почему мы с тобой не родились лет на пятьдесят раньше? Тогда бы к семнадцатому году мы впали в глубокий маразм и нам все было бы нипочем. Мы могли бы даже поучаствовать в революции». Я выразила сомнение в том, что смогла бы участвовать в революции.

– Ты не забудь, что мы были бы тогда «ку-ку»! – сестра повертела пальцем у виска. – Революционеры все такие, нормальный человек делает жизнь, а не революцию. Мне довелось видеть в Крыму эту суку Землячку. Глаза у нее были такие бешеные, что я цепенела. Не женщина, а Медуза Горгона! Когда я прохожу по улице, названной ее именем, я всегда плюю на асфальт. Хорошо, что я хожу там очень редко, а то все бы говорили: «Какая невоспитанная баба, эта артистка Раневская!», не станешь же объяснять кому попало, что я плюю по идейным соображениям! Ты помнишь галантерейный магазин Залкинда в Киеве на Институтской? Так этот Залкинд и был отцом Землячки! Она, как и я, взяла себе псевдоним! Я еще понимаю, когда голодранцы делают революцию, им все равно, кроме своих оков терять нечего. Но когда революцию делают дети купцов первой гильдии – я сильно удивляюсь!

Самые откровенные разговоры здесь принято вести на улице, вдали от толпы. Считается, что квартиры, особенно те, в которых живут знаменитости, прослушиваются.

29.06.1961

После сороковин П.Л. мы уедем в санаторий. Мы нуждаемся в

отдыхе и смене обстановки. Я сразу же стала составлять список книг, которые хотела бы взять с собой, но сестра сказала, что в здешних санаториях (во всяком случае, в тех, где бывает она) шикарные библиотеки. Кроме того, там ежевечерне показывают кино, проводятся творческие вечера и пр. «Хоть бы там не было никого знакомых», – вслух мечтает сестра. Сомневаюсь, что такое возможно. Вся московская *bohème* и весь *beau monde* – в знакомых у сестры и, частично, уже и у меня. Чтобы не встретить знакомых, нам надо ехать в какой-нибудь санаторий для шахтеров. Удивительно, но шахтеры и нефтяники считаются здесь элитой рабочего класса и очень хорошо зарабатывают. А раньше эти работы считались наихудшими из-за тяжести и низкой оплаты. Что же касается зарплат, то парадоксом всех парадоксов является то, что дипломированный инженер получает гораздо меньше рабочего. Сестра говорит, что таким образом государство наглядно демонстрирует «гегемонство» пролетариата. Только в армии сохраняется логика, там чем выше звание, тем выше жалование.

05.07.1961

Много говорят о воздушном параде, который должен состояться 9-го. Ходят слухи, что один или два самолета разбились в ходе репетиций. Ниночка советует уехать на выходные «подальше от Москвы». Сестра ответила на это, что с ее счастьем от беды уехать не получится. Долго вспоминали, есть ли в русском языке выражение, похожее на «Эр зол гандлен мит тахрихим, волт мен ойфгегерт штарбн»[43], но кроме «у него все из рук валится» ничего не вспомнили. Ниночкины опасения кажутся мне преувеличенными. Парад будет далеко от нас, где-то на северо-западе, да и к тому же самолеты в наше время летают повсюду. Наш век – век железных птиц. *Nicolas* ворчит, что лучше бы «они» вместо самолетов научились бы делать хорошие швейные машинки и радиолы. *Nicolas* любит классическую музыку, у него неплохая коллекция пластинок.

07.07.1961

Глядя на фотографии Хрущева или видя его на экране (что за манера предварять показ любого фильма скучнейшей хроникой?!), неизменно поражаюсь тому, насколько его образ не соответствует общераспространенному представлению о

руководителе государства. Невзрачность его идет изнутри и очень гармонично накладывается на внешний облик. Отношение в народе к нему соответствующее. Сравнивать генерала де Голля и Хрущева – это все равно что сравнивать сокола с курицей.

09.07.1961

Воздушный парад закончился благополучно. Во всяком случае – для нас. Мы провели весь день дома. Соседи звали в гости, но сестра отказалась – ей нездоровится. Она раскладывала пасьянс, а потом захотела показать мне карточные фокусы, которым ее научили на заре актерства. Руки дрожали, карты то и дело падали на пол, но я все равно восхищалась. Ниночка обещала привести к нам какую-то Сусанну, которая виртуозно гадает на картах и кофейной гуще. Я было загорелась, но сестра ехидно поинтересовалась, не украдет ли у нас чего эта Сусанна, и Ниночка обиделась. К счастью, обижалась она недолго (Ниночка вообще отходчива, иначе бы не смогла бы столько лет дружить с сестрой), но о гадалке больше речи не заходило. А я была бы не прочь узнать свое будущее. Чем меньше его остается, тем больше хочется о нем знать. В Таганроге все гадали у мадам Зорбалы, считалось, что все остальные гадалки – шарлатанки и обманщицы, а мадам Зорбала действительно видит будущее. Я дважды ходила к ней до замужества, но оба раза от дверей поворачивала назад, потому что страх вдруг охватывал меня и не пускал дальше.

12.07.1961

«Будь сильной!» – говорил мне отец. Он и сестре это говорил. И братьям, и матери. Я чувствую себя сильной до тех пор, пока рядом со мной есть кто-то, на кого можно опереться. Если сказать точнее, то я слаба. Речь идет не о физической слабости, а о духовной. Мне всегда было трудно настоять на своем, я скорее предпочту уступить, меня снедает желание поладить со всеми. Спокойствие я ставлю выше всего.

16.07.1961

– Журналисты – прирожденные сплетники, у них это в крови, но надо же держать себя в рамках! – сердится сестра, вставляя

через два слова на третье что-либо непечатное.

Причина – подруга Татьяна (по выражению сестры – «заклятая» подруга) передала лично или через кого-то Любочке Орловой слова сестры, которые передавать не стоило. Любочка обиделась и сделала сестре выговор по телефону. Сестра, разумеется, не осталась в долгу. Татьяне тоже досталась, но она из тех людей, про которых у нас дома говорили: «Ме зол им афиле бренен ун бротн»[44].

18.07.1961

День рождения у Сергея. Не поздравить нельзя, мы же соседи и дружим. Сходили, поздравили, посидели немного и тихо ушли.

23.07.1961

Сороковины П.Л. отмечали у Елочки. Ощущалась некая напряженность, о причинах которой мне бы не хотелось распространяться. Все вспоминали, а я слушала. Вечером сестра сказала, что раны, может, и заживают, а пустоту в душе не восполнить ничем. Искренне желаю стать для сестры другом. Пусть и не таким, как П.Л., с ней никто не сравнится, но другом. Душевная приязнь важнее голоса крови. Да и есть ли у крови голос? Достаточно вспомнить про отношения нашей матери с дядей Самуилом, чтобы понять, что голос крови есть не что иное, как условность. Голос крови не помешал российскому и германскому императорам воевать друг с другом, голос крови не помешал Константину Макронаки пустить по миру родного брата… Ништ верт кейн цибеле[45].

Завтра мы уезжаем в санаторий. Я уже собрала вещи. Любое путешествие, пусть даже и самое небольшое, волнует меня и настраивает на сентиментальный лад. Поняла, что мне будет жаль расставаться с *Nicolas*, с моей комнатой, с Москвой. Я уже обжилась, и теперь здесь мой дом, который мне жаль покидать. Partir, c'est mourir un peu[46]. По возвращении надо будет заняться обновлением гардероба. Здесь это не так-то уж просто сделать. Приличное готовое платье купить невозможно, приходится шить «штучное» (так говорили когда-то, а сейчас уже не говорят). Хороших же портних мало, «одни швеи», как выражается сестра. Видела я результат труда этих «швей» – сплошные морщины. В былые времена с портнихами было не в пример легче. Во всяком случае, я не помню, чтобы среди них были неумехи. Были

мастерицы высочайшего разряда, способные сшить любое платье из любой материи, и были просто портнихи, но шили они как следует. Стежок у них был как стежок, шов как шов. Чтобы у ровно стоящего человека морщила спина? Чтобы *décolleté* съезжало набок? Вообразить невозможно, а здесь это чуть ли не в порядке вещей.

24.07.1961

Ожидания мои были скромны до предела, но все же мне рисовались совершенно иные картины. Дешевые меблированные комнаты Парижа – роскошные залы, в сравнении с убожеством, в котором мы живем. Половики пыльные, кровати нещадно скрипят, из окон дует, тараканов я уже видела, всерьез опасаюсь встречи с клопами. К завтраку мы не успели, обед и ужин были сносными, но *un éventail de plats* оставлял желать лучшего. Два супа, три гарнира… А про то, что здесь называется кофе, и писать не хочется.

Что хорошего. Природа умиротворяет. Не слышно шума городского, и полночная луна видна в окружении звезд, большинство из которых в городе и не разглядеть. От реки веет прохладой, слышно пение птиц. Публика приличная, знакомые, конечно же, есть.

26.07.1961

Нервы – струны актерства. Не принимая образа близко к сердцу, невозможно его воплотить. Не может быть актерской игры без переживаний. Снобическая манера не может заменить таланта. Смотрели сегодня «Вассу Железнову». Не понравилось. Трагическая история незаурядной женщины, окруженной низкими людьми, превратилась в какую-то… даже слова подходящего подобрать не могу. Сестра, первой сыгравшая Вассу на сцене, не пошла со мной смотреть картину, поскольку уже видела ее. Это должно было послужить для меня сигналом, потому что хорошие картины сестра может смотреть по нескольку раз, но не послужило. Сожалею о напрасно потраченном времени. Надеюсь, что завтрашняя картина будет лучше. Я видела очень мало здешних фильмов. Понемногу восполняю этот пробел.

28.07.1961

Прекрасный день, тихий, солнечный, теплый. С огромным удовольствием гуляли и до обеда, и после. Солнце ласковое, едва заметный ветерок. Сколько же радости! Я очень люблю природу, настоящую, а не ту жалкую пародию, что пытаются устроить в городах. И чем старше я становлюсь, тем сильнее я люблю природу, а может, и саму жизнь. Только вот отчего-то совсем перестала думать о смысле жизни. Живу так, как живется, радуюсь сегодняшнему дню, а о завтрашнем не тревожусь. Беспечность овладела мною, и я ей с удовольствием поддаюсь. К сестре понемногу возвращаются силы, она выглядит гораздо лучше. В субботу ждет гостей, незнакомую мне супружескую чету, которые снимают на лето дачу неподалеку от санатория. Они не актеры и, насколько я поняла, вообще далеки от искусства.

30.07.1961

Приезжали гости, Аркадий и Соня. Он – зубной техник, а она работает товароведом в Сороковом гастрономе. Судя по апломбу, с которым она произносит название своего места работы, магазин этот не из последних. Ужасные люди – глупые, чванные, хвастливые. Аркадий долго и с подробностями жаловался на то, как ему трудно работать, затем сказал, что если бы не транжира-жена, то он давно стал бы миллионером (Соня при этом кокетливо сложила губы бантиком и потупила взор), и начал нахваливать себя.

– Ко мне из Средней Азии приезжают зубы делать, с Дальнего Востока приезжают, ну а в Одессе, кроме меня, никого больше не признают…

Стоило только ему замолчать, как заговорила Соня. Голос у нее неприятный, с подвизгом. Соня рассказала нам о том, что ее весьма ценят на работе и сам директор не предпринимает ничего, прежде чем не посоветуется с ней. Потом они долго спорили с Аркадием о том, какой город лучше – Вильно или Рига (Аркадий из Риги, а Соня из Вильно).

– Что у тебя может быть общего с такими людьми? – спросила я, когда гости уехали на своем автомобиле (Аркадий не преминул рассказать нам о том, чем его автомобиль лучше других моделей и что бежевый цвет самый практичный).

Вместо ответа сестра показала мне свои зубы, давая понять, что знакомство с Аркадием имеет деловую подоплеку.

– Я бы предпочла заплатить деньгами, а не общением! – сказала я, думая, что по знакомству услуги Аркадия ничего не стоят сестре.

– Заплатить – это само собой, – ответила сестра. – Но к этому засранцу клиенты действительно выстраиваются в длинную очередь, тут он нисколько не преувеличивает, потому что руки у него золотые. Сделанные им зубы сидят во рту как свои. Ну и от Соньки тоже есть своя польза. Ей можно позвонить и сказать: «Соня, надо!» – и пока ты будешь до нее ехать, она соберет все, что тебе надо.

То и дело забываю, где я живу.

01.08.1961

Скоро у сестры день рождения. Хочется порадовать ее подарком, который придется ей по душе. Пытаюсь осторожно выведать, чего бы ей хотелось.

– Чтобы на Луне открыли театр и отправили бы туда Верку, Маринку, Тамарку, обеих Танек… – сестра загибает пальцы. – А режиссерами – Борьку с Юркой, пусть они там вечно соперничают друг с другом…

Сестра умолкает, вскидывает голову и хитро подмигивает мне, давая понять, что она еще не закончила. Пауза.

– И чтобы у них там не было ни одного зрителя! – завершает сестра.

Мы оба смеемся. Я уже освоилась в театральном мире Москвы. Верка, Маринка, Тамарка, обе Таньки, Борька, Юрка – для меня это не просто имена, а конкретные, знакомые мне люди. Я даже начала перенимать у сестры раздражавшую меня когда-то манеру уничижительно сокращать имена людей – назвала Нюру Нюркой (хорошо, что за глаза). На самом деле в этом нет никакого уничижения, для сестры это просто показатель близости знакомства. Если она захочет отозваться о ком-то уничижительно, то непременно добавит что-то к имени – шиксу, суку, козла, мерзавца. В выражениях она стесняться не привыкла.

02.08.1961

Почти все виденные мною здесь (и не только в санатории) уборщицы постоянно ворчат, выражая недовольство тем, что они вынуждены убирать за теми, кто сорит и пачкает. Это ворчание имеет характер национального стихийного бедствия. Почти невозможно пройти мимо уборщицы, не услышав в свой адрес какой-нибудь колкости или грубости. Не могу понять, в чем тут дело. Переживают ли уборщицы из-за того, что находятся на

нижней ступени иерархии, или же просто сама работа располагает к ворчанию? Но почему тогда не ворчат дворники? Почему не ворчат уборщицы в других странах? Почему они не ворчали до революции? В чем причина? Сегодня неопрятная женщина, мывшая пол, злобно сказала нам вслед:

– Хорошо устроилась телихенция! Вы срете, а мы за вами убираем!

Сестра остановилась, обернулась и веско поправила:

– Вы ошибаетесь, милочка. Интеллигенция не «срет», интеллигенция «какает». «Срете» вы, и не только попой, но и ртом!

Уборщица ничего не ответила. Отвернулась и начала драить шваброй пол.

04.08.1961

А здесь скучно. Новизна ощущений быстро притупилась, собеседники однообразны, меню однообразно, процедуры однообразны, только вечерние киносеансы вносят хоть какую-то свежесть. Приходил местный главный врач, интересовался, как нам здесь нравится. Сестра была с ним крайне любезна. Соседи за столом досаждают ужасно. Поначалу все было хорошо, но когда одни и те же темы для обсуждения пошли по третьему разу, я откровенно заскучала. Стараюсь побыстрее съесть свою порцию и уйти. Поистине *il vaut mieux être seul que mal accompagné*[47].

07.08.1961

Раскаиваюсь в том, что не понимала, как же хорошо было здесь раньше. Сегодня в санаторий приехала актриса Ольга Ж., которую я узнала по виденным мою картинам с ее участием. Ольга – жена режиссера, поэтому обилие ролей в кино для нее в порядке вещей (*noblesse oblige*)[48]. Сестра ее не любит, ревнует к ее известности, с момента появления Ольги она постоянно находится в раздраженном состоянии. Больше всего достается мне, но перепадает и персоналу санатория, и даже другим отдыхающим. Начала рассказывать мне историю Ольгиной карьеры (в своей, конечно же, редакции). Я, не дослушав, перебила, сказав, что мне это неинтересно. Когда сестра в хорошем или хотя бы в ехидном расположении духа, ее рассказы интересны. Когда же она сердится, слушать ее становится невозможно как из-за обилия яда в речах, так и из-за однообразия

рассказываемого. Все успехи конкуренток приписываются их семейным или любовным связям. Не спорю, ибо прекрасно знаю, насколько важны связи. Но, переходя «от Абрашки к Яшке, от Яшки к Сашке, от Сашки к другому Яшке» (цитирую сестру), без наличия способностей актерской карьеры не сделаешь. Взять хотя бы нашу Нюру. Да выдай ее замуж за самого Михаила Ромма, которого сестра почти что боготворит, поскольку он дал ей, как она говорит, «лучшую роль ее жизни», все равно актрисы из Нюры не выйдет. Режиссер может снимать ее сколько угодно, но зритель на нее не пойдет. Chacun à son péché mignon[49]– сестра тоже повсюду и при любой возможности использует свои связи. Сама рассказывала мне, что роль в картине, ту самую, за которую Сталин дал ей третью премию, она получила путем сложной интриги. Через Раечку сестра достала Любови Орловой старинный чайный сервиз по недорогой цене (Говорит, что доплатила свои деньги, поскольку Раечка вечно пребывает в своем амплуа). Орлова упросила своего мужа составить протекцию сестре у режиссера Файнциммера. Тот хоть и не очень охотно (взаимные ревность и неприязнь между режиссерами еще сильнее, чем между актерами), но согласился, и сестра получила вожделенную роль. Это то, что было рассказано мне *tête à tête*[50]. Для публики, в том числе и для близких подруг, у сестры существует другая версия, о том, как она поддалась настойчивым уговорам бездарного режиссера и снялась в его картине, поставленной по никуда не годному сценарию. Благодаря участию сестры картина была «замечена и отмечена». («Я вытянула эту жалкую поделку!» – сколько пафоса!)

10.08.1961

Скука такая, что и написать нечего. Даже к воспоминаниям не располагает. «Сонное царство», – говорит сестра. Ей здесь тоже надоело, но пребывание в санатории явно пошло ей на пользу. В воскресенье после обеда мы уезжаем. Сегодня сестра давала по телефону инструкции Нюре. Говорила громко, так, что было слышно на весь санаторий: «Нюра, ты, конечно, дура, но голова у тебя соображает лучше, чем у министра!» Я так и не поняла, что это – порицание или комплимент?

Еще один человек полетел в космос. «Скоро туда будут ходить воздушные трамваи», – говорит сестра.

14.08.1961

Nicolas советует подарить сестре что-нибудь из украшений. Бедный наивный *Nicolas!* Он составил себе превратное впечатление о моих возможностях. *Nicolas* ведет себя безупречно, никогда не позволяя мне вытаскивать кошелек, но явно считает меня богачкой. О, где мое богатство! В санатории, чтобы хоть немного развлечься, мы принялись прикидывать, каким могло бы быть состояние нашего отца в пересчете на нынешние деньги. За основу взяли курс английского фунта, который регулярно печатается в газетах, и начали подсчеты. Подсчеты были весьма приблизительными и крайне неточными, поскольку обе мы не были в курсе всех дел отца, особенно заграничных, и смутно помнили курс рубля к фунту последнего мирного года. Вроде бы был он один к десяти, то есть за фунт платили десять рублей. Усевшись на одной из дальних парковых скамеек (дело требовало уединения), мы начали умножать и складывать. Округляли в меньшую сторону, отбрасывали то, в чем не были уверены, явно учли не все, не подсчитали, насколько мог вырасти капитал за пятьдесят без малого лет, но все равно получили умопомрачительную сумму в 170 миллионов «новыми» деньгами. С учетом того, что местные курсы не отражают истинного положения дел (существует подпольный валютный рынок, на котором фунты, франки, марки и доллары стоят втрое дороже), умножили 170 на три, отбросили 10 миллионов (как же легко швыряться деньгами, существующими только в воображении), разделили оставшиеся 500 на троих (1 часть – Яше), вернули отброшенные было 10, чтобы итог получился ровным, и получили по 170 миллионов, но уже на каждого из нас. Потом долго смеялись над тем, что напрасно утруждались последними подсчетами, ведь если капитал умножается на три и нас трое, то итог ясен и без подсчетов. Сначала было забавно, даже весело, а потом стало очень грустно.

– Эх! – вздохнула сестра. – Мне бы вместо этого журавля – синичку. Тысяч двести на спокойную старость. Купила бы себе небольшой домик в Феодосии, и жили бы мы там с тобой…

Я знаю, почему именно в Феодосии, даже знаю, где именно купила бы сестра дом – в Коктебеле. 200 тысяч… Это так же недостижимо, как и 500 миллионов. Quand on n'a pas ce que l'on aime, il faut aimer ce que l'on a[51] – вот единственное наше утешение.

15.08.1961

Снилась Таганрогская водолечебница, которой, наверное, уже

нет и в помине. Она почему-то находилась напротив Коммерческого училища, а прямо между ними стоял памятник императору Александру. Такое вот странное смешение, и никого из людей, ни единой души. Глупость, конечно, но я почему-то расстроилась. *Nostalgie*[52].

17.08.1961

Йорцайт[53] отца. Зажигали свечу, сидели, плакали, почти не разговаривали. Бывают моменты, когда слова не нужны. Так жаль, что нельзя в этот день посетить могилу отца. Судьба раскидала нас по свету, оторвала от дома, от родных могил. Разве не прекрасно, что мы с сестрой снова вместе? Я почему-то была уверена, что отец навестит меня во сне, но этого не случилось. Спрашивать, приходил ли он к сестре, я не стала. Она ничего не сказала, значит или не приходил, или не стоит говорить об этом. Кто проклял наш род? За что? Почему все мы такие несчастные? Мы живем вдали от дома, вдали от родных, вдали от могилы отца, живем там, где даже нельзя найти свечу, которая бы горела сутки. Если говорить начистоту, то дело не в расстояниях, не в доме и, конечно же, не в свече. Дело в том, что от нашей семьи почти ничего не осталось. Дерево с засохшими ветвями, иначе и не скажешь. Такое впечатление, будто все наше счастье досталось отцу и выпало на первую половину его жизни. На вторую и детям ничего не осталось. Отец был необыкновенно удачлив в делах. Да, он и умен был необыкновенно, но для того, чтобы шли дела, одного ума мало, нужно и мазал[54] иметь. У отца все спорилось, он наклонялся для того, чтобы поднять рубль, а поднимал червонец, вот как ему везло. Другим везло не во всем, например, торговля одним товаром приносила прибыль, а другим – убытки. У отца прибыль приносили все дела. Если бы не революция, то он бы стал *magnat du pétrole*[55]. Если бы… В молодости это «если бы» смешит, а в старости больно ранит. А что не ранит?

20.08.1961

Друг за другом скончались знаменитая певица Обухова и театральный режиссер Алексей Дмитриевич. Обоих сестра знала, но Алексея Дмитриевича гораздо ближе. Они когда-то работали вместе и были в хороших отношениях, несмотря на то что Алексей Дмитриевич поставил сестре «диагноз» – ненависть к режиссерам. «Уходят лучшие, – вздыхает сестра. – Исполины

уходят. А кто остается? Лилипуты! Пигмеи!»

23.08.1961

Сестра не хочет шумного многолюдного праздника. Несмотря на то что она оправилась от утраты, душевная боль еще не покинула ее. Знаю по себе, что боль долго не уходит. Она то утихает, то усиливается, но нужно много времени на то, чтобы боль сменилась печалью. Печаль – это уже не больно, а просто грустно. Сестра хочет ограничиться приглашением самых близких ей людей, но в то же время опасается, что многие нагрянут без приглашения и тихое празднество превратится в шумное. Такая опасность действительно есть, но я склонна подозревать, что если день рождения и впрямь получится тихим, то будет хуже. Сестра решит, что все о ней забыли и впадет в хандру. И так нехорошо, и так плохо. Сцилла и Харибда. От меня ничего не зависит, но все шишки достанутся мне.

28.08.1961

Можно сказать, что день рождения прошел хорошо. Т. и Л.О. в своих поздравлениях слишком часто произнесли слово «возраст» и были немедленно наказаны. Сестра с неподражаемым ехидством (отцовская черта) поинтересовалась у каждой, не забыла ли она, что они на самом деле ровесницы. И Т. и Л.О. «скинули» себе лет по 10 или даже 12, когда в тридцатые годы получали паспорта. Оказывается, долгое время здесь обходились без паспортов, которые тоже считались пережитком прошлого. Должна отметить, что большинство этих «пережитков» постепенно возвращается, вот даже погоны и звания в армии ввели. Отец, когда узнал, что Борух Каплун стал «комбригом», просил объяснить ему, чему соответствует это звание, а мать ответила, что все «их» звания соответствуют одному и тому же апикойрес[56]. Я подарила сестре бусы из жемчуга, которые она несколько раз просила у меня напрокат, и шерстяную кофточку, которую мне помогла купить Ниночка. Кажется, угодила.

30.08.1961

– Как же я мечтала сыграть Аврору! – сказала сестра.
– Аврору? – удивилась я. – Какую?

– Ну не крейсер же! – ответила сестра. – Аврору Дюдеван, которая Жорж Санд! Почему никто не написал о ней пьесы? Пишут о ком попало, выдумывают истории, а такую трагедию обходят стороной! Во Франции все еще читают ее?

– Мало, – честно ответила я. – Французы предпочитают современную литературу классической.

– Рассказывала ты мне про эту современную литературу! – хмыкнула сестра. – Жорж Санд! Какие мужчины были в ее жизни! Альфред де Мюссе! Ференц Лист! Фредерик Шопен!

– Что, и Лист тоже? – Про этот роман мне ничего не было известно.

– Совсем недолго, – сестра махнула рукой, давая понять, что роман был мимолетным. – Почему никто не переложит в пьесу «Лукрецию Флориани»? Все ищут тему, драму, сюжет, а тут такой сюжет пропадает! Несправедливо! Такая женщина! Такие мужчины! Такая судьба! А наш Годунов собирается заказать Гренадеру перелицовку какой-то итальянской тягомотины!

Годунов, Гренадер, итальянская тягомотина… очередная интрига. Не хочу подробностей, поэтому пропускаю мимо ушей и перевожу разговор на *Les beaux messieurs de Bois-Doré*[57].

01.09.1961

Сегодня было очень приятно гулять по Москве. Нарядные школьники создают атмосфэру. Город помолодел, и я тоже чувствовала себя молодой. Увы, le temps perdu ne se rattrape jamais[58].

05.09.1961

В газете «Труд» прочла интересную статью про ленинградского артиста Кадочникова (красавец!). Его чуть было не посадили на скамью подсудимых за незаконные концертные программы, доход от которых шел в карман артисту и администратору, который эти программы организовывал. Государство не получало ни копейки, здесь это большое преступление, больше, чем неуплата налогов во Франции. Называется смешно – частнопредпринимательская деятельность с целью личной наживы. А что, разве бывает деятельность без наживы? Тогда это называется «благотворительность». Администратору дали три года условно (сестра объяснила, что «условно» означает отсрочку приговора), а артиста простили за

былые заслуги. «Откупился, не иначе», – сказала сестра. Я просила ее не заниматься такими делами, чтобы ее не посадили в тюрьму. Сестра заверила меня, что она «налево мордой не торгует», то есть не занимается подобными делами.

À propos[59] – Кадочников не только артист, но и режиссер! Узнав, что про него собираются напечатать фельетон, он привел в редакцию своего приятеля, представив его директором киностудии. Лжедиректор просил газетчиков не печатать фельетон, но они разоблачили обман (эти газетчики такие *finaude*[60], их невозможно обмануть), и фельетон напечатали. Но какова задумка! Я восхищена.

10.09.1961

Вчера вечером сестра рассказала, что было покушение на Ленина, якобы в него бросили гранату. Я удивилась, кому надо покушаться на мертвеца? Но сегодня Ниночка и Светлана подтвердили, что покушение действительно имело место. Какая-то женщина!!! бросила в саркофаг камень, а не гранату и вдобавок плюнула. Разбилось стекло, женщину арестовали. Что это – ненависть или же нарушения психики? *Nicolas* сказал, что стекло у саркофага было очень прочным, и для того, чтобы разбить его, камень надо было бросить с большой силой. Выходит, что она тренировалась заранее? Думаю, что правильнее всего было бы похоронить Ленина и Сталина. Мавзолей с *empaillé*[61] – это дикость. *Nicolas* утверждает, что настоящий Ленин давно похоронен, как и Сталин, а в саркофагах лежат манекены. Предлагал мне пойти и убедиться в этом самой, но я не разбираюсь в манекенах и не намерена посещать столь страшные, зловещие места.

Вечером начинается праздник Рош Ашана[62]. Кажется, его никто здесь не празднует. Стерлась грань между праздниками, все они, личные, еврейские, христианские, советские, празднуются одинаково – устраивается застолье, на котором первый тост провозглашается за повод к празднику, а дальше все идет своим чередом. Ничего, хлеб, мед и яблоки у нас есть, когда вернется сестра, мы встретим праздник как положено. Традиции сплачивают людей, семьи, народы. Недаром же, отринув все старые традиции, коммунисты начали активно насаждать новые. Без традиций жить нельзя.

13.09.1961

– Какие роли тебе никогда не хотелось играть? – спросила я сестру.

Спросила без всякой задней мысли, просто захотелось спросить.

– Лизу в «Дворянском гнезде», Нину в «Чайке», Софью в «Горе от ума»… – начала перечислять сестра.

Я не успела удивиться такому подбору, как сестра разрыдалась. Оказывается, она считает себя не вправе играть те роли, в которых когда-то блистала П.Л. Для нее это равносильно святотатству.

– Такой актрисе пожалели дать «народную»! – сетовала между всхлипами сестра. – Всем бл. ям дают, а настоящую актрису обошли!

17.09.1961

Сестра получила странное письмо из Свердловска от какого-то Клима Евсикова. «Фаина, помнишь наши дни золотые и прогулки по набережной Невы», – пишет он. «Дни золотые» – явно из репертуара Петра Лещенко. Все письмо (четыре листа, исписанных с обеих сторон мелким почерком!) изобилует похожими паточно-приторными выражениями. Заканчивается оно словами «Жду ответа, как благодатного дождя в жаркий день». Кто такой Клим Евсиков, сестра не знает. Весь вечер перебирала в памяти знакомых, но такого среди них не нашла. Говорит, что по набережной Невы гуляла только с Анной Андреевной. Наверное, это какой-то розыгрыш или автор письма не в себе.

– Представь себе такую картину! – начинает фантазировать сестра. – В один прекрасный день раздается звонок. Я открываю, а на пороге стоит здоровенный бугай с фанерным чемоданом в руках. Он ставит чемодан, поднимает меня на руки, прижимает к себе и орет на весь подъезд: «Фаиночка! Солнце мое! Отрада души моей! Наконец-то мы встретились!» Я стону от счастья, все соседи ревнуют, а все соседки завидуют.

– Как он узнал твой адрес? – недоумеваю я.

– Адрес народной артистки – достояние народа! – смеется сестра.

Номер телефона тоже народное достояние. Позавчера сестре звонила какая-то Ванда, которую она и знать не знает, на прошлой неделе звонила Тинатин из Тбилиси. «Простите, милочка, но в Тбилиси я знаю только Верочку и Софочку», – ответила сестра и повесила трубку. Мне же имя Тинатин показалось смутно знакомым. Только на следующее утро я

вспомнила, что так звали одну из героинь «Барсовой кожи» Руставели, читанной мною еще в гимназическую пору.

22.09.1961

Сестра страдает от отсутствия приглашений сниматься в кино не только душевно, но и физически. Скачет давление, болит сердце.

– Не так уж и много мне осталось, – горько говорит она, – а столько всего хочется сыграть.

Что бы она ни говорила о театре (про глаза зрителей, контакт с залом и пр.), кинематограф для нее стоит на первом месте. Хочется оставить о себе память. От спектакля остаются только афиши, а картины сохраняются вечно. В этом вся суть. Но и в театре с ролями плохо. Ирина время от времени заводит речь о переходе. Сестра отвечает, что на такой шаг надо решиться, что она уже столько раз обжигалась, что стала очень осторожной и т. п. Мне кажется, что я понимаю ход ее мыслей. Она хочет расстаться со своим нынешним театром, но ей не очень хочется туда, куда ее зовут. Неужели она втайне продолжает мечтать о Малом театре? А почему бы и не помечтать? Сестра достойна этой сцены. Я видела несколько спектаклей с ее участием, кроме того, смотрела в Малом «Вассу» и «Власть тьмы». Я могу сравнивать и выносить суждения. Не хочу показаться пристрастной, но никого лучше моей сестры я в Малом не увидела. Если она продолжает лелеять эту мечту, то пускай у нее все получится. *Mieux vaut tard que jamais*[63].

25.09.1961

Одна из Ниночкиных знакомых (мы ее не знаем) стала жертвой брачного афериста. А я-то, по вечной своей наивности, думала, что охотники за старыми девами и богатыми вдовами остались в прошлом. Оказывается, они существуют и сейчас. Несчастная познакомилась с ним на отдыхе, в каком-то морском пансионате. Он представился вдовцом, отставным полковником, о себе рассказывал скупо, намекал на работу на секретном заводе (это не вызвало недоверия, потому что здесь много секретного). Красиво ухаживал, очаровал, сделал предложение, назначили дату свадьбы… Накануне она сняла с книжки все деньги и отдала ему на покупку автомобиля. Больше она его не видела. Сестра сразу же начала намекать на *Nicolas*. Я оскорбилась и сказала, что

сравнение совершенно неуместно. *Nicolas* никогда не просил у меня денег, и к тому же я знаю его очень хорошо. Разговор закончился ссорой, но после ухода Ниночки мы помирились. Инициатива на сей раз исходила от сестры. Она умеет признавать свои ошибки, когда хочет этого.

01.10.1961

Кажется, сестра не будет сниматься в «Войне и мире». Она ничего не говорит, я ничего не спрашиваю, но уже несколько раз она высказывается в том духе, что далеко не каждое литературное произведение можно экранизировать. И каждый раз приводит в качестве примера «Войну и мир» как слишком «широкое», по ее мнению, произведение. При здравом размышлении не могу с ней не согласиться. «Война и мир» – огромная глыба, но в то же время из нее ничего нельзя выбросить. Рассказывали, что когда-то к Льву Николаевичу обращались с просьбой переделать этот роман в пьесу. Он отказался, сказав, что если бы считал «Войну и мир» пьесой, так и написал бы пьесу. На мой взгляд, Толстой – не драматург, а писатель. Вот Чехову в равной степени удавалось и то и другое.

02.10.1961

Кто тянул меня за язык? Где был мой ум? Сержусь на себя, а что толку, ведь сказанного не воротить. Сегодня мне вздумалось дать сестре совет.

– Может быть, стоит обратить внимание на молодых режиссеров, снимающих свои первые картины? – сказала я за завтраком. – Они будут счастливы снимать у себя народную актрису Раневскую и поучиться у нее мастерству.

Ничего обидного в моих словах не было, простой расчет, мнение, высказанное наедине. Но сестра впала в ярость.

– Ты предлагаешь мне торговать мордой?! Мне – торговать мордой?! Никогда! – кричала она мне в лицо. – Это ты, моя сестра, говоришь такое?! Как ты могла?! О, как ты могла?! Приличные люди могут торговать другими местами, но мордой – никогда!

Больше не скажу ни слова об актерстве. Ни единого слова. Клянусь! Prenez mon ours![64]

05.10.1961

Аплодисменты ценнее всего. Рассказывая о встречах со зрителями, сестра в первую очередь упоминает о том, как ей аплодировали, и уже во вторую очередь о том, сколько ей заплатили.

09.10.1961

Печальные новости из Ленинграда. Анна Андреевна лежит в больнице, врачи подозревают инфаркт, сестра сказала, что это уже третий по счету. Лежит она, бедная, в какой-то ужасной больнице в очень плохих условиях. Сестра очень жалеет, что не может сейчас поехать к ней.

11.10.1961

Сегодня мне нездоровилось – кружилась голова, слегка подташнивало. Лежала и думала о любви (О чем же еще мне думать?). Любовь каждый понимает на свой лад, кто-то любит, чтобы быть любимым, кому-то взаимности не очень-то и надо, главное любить самому. Нет, наверное без взаимности любви не бывает, хотя самое сильное чувство в моей жизни так и осталось безответным, но это не притупило его остроту. До сих пор тлеет в душе искорка.

Какие только глупости не лезут в голову от праздности!

12.10.1961

Новости из Ленинграда не радуют. Состояние А.А. внушает опасения. «Что за год! – вздыхает сестра. – Хуже семнадцатого!»

Год и впрямь не самый лучший. Прошлый для нас обеих был более радостным. Хотя бы потому, что мы стали жить вместе. Спасибо Е.А., принявшей столь деятельное участие в моей судьбе!

17.10.1961

Годовщина смерти Ф.И. Сестра вспоминала то его, то П.Л. Я спросила, почему она не пишет мемуары. Она такая знаменитая, столько всего видела, знакома с множеством интересных людей. «Как-нибудь соберусь», – сказала сестра. Прозвучало это как «отстань от меня». Чуть позже сестра сама заговорила о мемуарах.

– Вот ты говоришь – мемуары, – сказала она, хотя я перед этим говорила о том, что у нас заканчивается масло. – А известно ли тебе, сколько неприятностей имел Антон Павлович от своей «Попрыгуньи».

– Говорят, что она ему изменяла, – сказала я, думая, что «попрыгуньей» сестра назвала Ольгу Книппер, известный рассказ совершенно вылетел из моей головы.

– Изменяла, конечно, – сестра осуждающе усмехнулась, давая понять, что уж кто-кто, а А.П. не заслуживал того, чтобы ему изменяли. – Она его не любила, замуж вышла по расчету, в надежде на имя, славу, пьесы, написанные под нее. Тогда еще не понимали, что союз с драматургом, пусть даже и таким, как Чехов, не дает никаких весомых преимуществ. Балом правят режиссеры, они и только они вершат роли, а с ними и судьбы! Но я говорю не о Книппер, а о рассказе…

– Ах, да! – спохватилась я. – Всегда считала этот рассказ автобиографическим или хотя бы полу…

– Для землячки Антона Павловича ты на удивление несведуща, – мягко упрекнула сестра. – «Попрыгунья» написана об одном московском семействе. Все истинная правда – и доктор, и его ветреная жена, и роман с художником, и сети вместо портьер. Художником, кстати говоря, был Левитан, он даже портрет Попрыгуньи написал, а он не так уж и часто писал портреты. Чехова принимали в том доме, там было нечто вроде богемного салона. Все были в курсе, сплетничали, конечно, не без этого, но Антона Павловича потянуло пойти дальше. Говорили, что он переживал за коллегу, хозяина дома, и таким образом хотел ему намекнуть. Не верю, потому что так не намекают, на весь белый свет, а вот обиду, за которую могло захотеться отплатить, не исключаю. После публикации романа был большой шум, Антону Павловичу отказали от дома, Левитан собирался с ним стреляться, знакомые осуждали его. Но Чехов был Чеховым, он даже оправдывался остроумно, говорил, что жена доктора не слишком-то молода и красива, а его Попрыгунья хорошенькая. Я портрета не видела, судить не берусь, да и разве может портрет передать настоящую красоту?

18.10.1961

Радио говорит только о партийном съезде. В газетах тоже пишут подробные отчеты. Спросила сестру, не была ли она делегатом какого-нибудь съезда. Сестра долго смеялась, а потом объяснила мне, что это невозможно, так как она не состоит в

партии.

20.10.1961

– Ты не собираешься замуж? – спросила за завтраком сестра.

От неожиданности я чуть было не подавилась булочкой. Ответила что нет, не собираюсь.

– Имей в виду, что, если ты выйдешь замуж, тебе придется отсюда съехать, – добавила она.

– Что такое?! – вызывающим тоном спросила я. – Или к тебе уже засылали сватов? Непорядок – если родителей нет в живых, то сватов посылают к старшему в семье. Отправляй их ко мне, будь так добра.

– Какие сваты?! – всплеснула руками сестра. – Это осталось в прошлом. Сейчас сначала прыгают в койку, потом знакомятся, а потом, если повезет, женятся. Все сваты переквалифицировались в квартирные маклеры. Просто я видела сон. Какой-то мужчина в цилиндре и фраке увел тебя от меня. Ты ушла и даже не оглянулась.

– Я все поняла, – ответила я, чувствуя, что назревает ссора. – Если я соберусь замуж, то непременно съеду. Но я пока не собираюсь. «Нет ни кавалера, ни охоты», – как говорила тетя Двойра.

– У тети Двойры была такая охота, что все кавалеры разбегались! – рассмеялась сестра.

Это так. Тетя Двойра не могла думать и говорить о чем-то другом, кроме замужества. Так и умерла старой девой в 15-м году. Хоронить ее отцу пришлось за свой счет, потому что все свои деньги тетя спустила на сватов. Она обращалась к самым лучшим, таким, про которых говорили «дер шадхн фирт цунойф а вант мит а вант»[65]. Увы, никакие деньги, никакие сваты не в силах изменить судьбу.

Замуж? Что она выдумала? Вспомнился клуб *Dernière chance*[66] на *rue Bertin-Poirée.* Любви все возрасты покорны, но все ли возрасты хороши для брака?

23.10.1961

Сестра поссорилась с Ириной. Обвиняет ее во всех возможных грехах, но я подозреваю, что Ирина ни в чем не виновата. Уж очень сильно горячится сестра. Не иначе как завтра станет извиняться.

29.10.1961

Были в гостях у Л. и ее мужа (чуть было не написала «у Орловых», но вспомнила, что фамилии у Л. с мужем разные). Слишком у них чопорно. Мне мягко выговорили за то, что я до сих пор не видела ибсеновскую «Нору» с Л. в главной роли. Этот спектакль, кстати, поставила Ирина (они с сестрой уже помирились). Обещала посмотреть. Когда ехали домой, сестра сказала:

– Нора у Любки получилась занудливой истеричкой без капли драматизма. Сочувствовать ей не хочется, хочется ее придушить уже в первом действии. Поверхностная трактовка, тяп-ляп…

Дома она вспомнила скандал, который произошел с Л. еще до войны.

– Они с Гришей тогда как раз затеяли строительство своего «загородного дворца», – на даче у Л. я не была, но наслышана о ней от сестры, – и остро нуждались в деньгах. Не так, как я, когда прикидывала, что мне лучше купить – картошки или новые перчатки, а совсем по-другому. На моей памяти Люба деньги на рубли и червонцы никогда не считала, только на сотни и тысячи. Все постановочные, все накопления ухнули в строительство, и тут Любу занесло. Она решила поднять цену своих творческих встреч. Как же – любимая актриса Сталина! Я тоже была любимой актрисой Сталина, но я никогда не заламывала цену за свои выступления. Сколько дадут – дадут, радоваться надо не деньгам, а тому, что тебя зовут, что тебя помнят, хотят с тобой встретиться. Но это я такая дура, это видно даже по обстановке моей квартиры. С Любкиной не сравнить. Итак, она обнаглела и заломила цену, да как! За одно свое выступление требовала три тысячи. Это при установленной ей ставке в 750 рублей! Чтобы ты поняла, я тебе скажу, что в те годы 750 рублей считались хорошей зарплатой. А тут три тысячи за часовое удовольствие посмотреть на Любку и послушать, как она поет. Что до меня, то я сама приплачу, чтобы этого не слышать. Она поет, как ссыт в пустой таз, я ей в глаза не раз это говорила. Так вот, в Киеве у нее прокатило, даже больше, кажется, заплатили, а в Одессе нашла коса на камень. Директор филармонии побоялся участвовать в афере, ведь если что, так Любке легкий испуг, а ему – десять лет, деньги-то государственные. Любка попыталась нажать на него через высшее Одесское начальство, но этот старый еврей тоже был не лыком шит – взял и написал письма в цэка и в газету. Любку пропесочили, была довольно серьезная статья, в которой ее назвали «хапугой», и после этого она умерила аппетиты. Если

ты думаешь, что до своей ставки, то очень ошибаешься, стала требовать по две тысячи. Так и говорила: «Две – и ни копейкой меньше, за 750 пусть вам Ладынина выступит». Маринка тогда только трактористку свою сыграла, пожинала лавры.

Какая у Л. богатая коллекция хрусталя! Сколько в их доме ценных вещей! Там, кажется, совсем нет ничего современного и дешевого – все старинное, дорогое, из прежней жизни. Отец бы сказал: «Ничего особенного», но это по нашим меркам того времени «ничего особенного», а по нынешним очень даже. Достаточно сравнить с Ниночкиной квартирой или с нашей. Я не завидую, я восхищаюсь людьми, умеющими окружить себя красотой. Красота возвеличивает.

30.10.1961

Лучшее место в Москве – это бульвары. Люблю гулять по ним одна или в компании с кем-то. Люблю посидеть, подумать, помечтать. Люблю исподтишка (чтобы не смущать) наблюдать за окружающими. Осенью бульвары особенно красивы. Легкая грусть витает в воздухе и затрагивает в душе какие-то струны. Хочется играть Шопена. Шопен так подходит к московским бульварам и моему настроению! Иногда я дразню *Nicolas*. Делаю вид, что заинтересовалась кем-то из проходящих мимо мужчин, а бывает, что и всерьез обращаю на них внимание. Я же неисправимая кокетка! *Nicolas* очень забавно сердится – хмурится, сверкает глазами, а потом улыбается и грозит мне пальцем. *Nicolas* слишком добр для того, чтобы быть Отелло. Как бы я хотела побывать с ним в Париже, водить его повсюду и знакомить с городом так, как он знакомил меня с Москвой!

02.11.1961

Сталина вынесли из мавзолея и похоронили рядом. Ленина оставили. Не вижу в этом ничего особенного и не могу понять, почему это так всех занимает. Все ищут подоплеку и строят предположения. Все, кроме сестры, которая сказала: «Ай, пусть делают с мертвыми, что хотят, живых бы не трогали!» «Живых бы не трогали» относится к Е.А., у которой какие-то неприятности, и, кажется, крупные. Сегодня у нас была Татьяна и рассказывала об этом. Я не поняла деталей, но суть уловила. Е.А. ругали на съезде, а это здесь очень плохой признак. Сестра считает, что с Е.А. попросту «сводят счеты». Многим не нравился ее

независимый характер, и многие ей завидовали. *Il vaut mieux faire envie que pitié*[67].

05.11.1961

Был в гостях Вольдемар, очень интересный человек из Таллина, который я трижды назвала Ревелем, но мне это простили. Вольдемар режиссер, но сестра ему благоволит. Во-первых, потому что он очень обаятелен. Во-вторых, потому что он молод и сестра для него непререкаемый авторитет. Вольдемар весьма разносторонняя личность – он ставит спектакли, играет, преподает. Мечтает поставить «Гамлета» и организовать молодежный театр. Сестра хочет сыграть у него Гертруду. Я наконец-то поняла всю сложную суть взаимоотношений сестры с режиссерами и поняла, почему со многими из них у нее не складывались и не складываются отношения. Сестра считает себя полноправным участником постановки, а не просто слепой исполнительницей воли режиссера. Это нравится далеко не всем, но если уж нравится, как, например, Михаилу Ильичу, то в результате получаются шедевры («шыдэвры», как на простецкий манер называет их сестра). Наверное, так оно и должно быть. Режиссерам следует различать актеров, диктовать свою волю молодым, прислушиваться к советам опытных. Иначе получится не спектакль, а «постановка». Взяла это слово в кавычки, поскольку в переносном смысле оно означает плохой спектакль. Крайняя степень плохого – провал, здесь невозможна, поскольку если публика не покупает билеты, то их покупают профсоюзные организации предприятий и раздают работникам бесплатно. В результате театр «имеет сбыт». Как мне объяснила сестра, профсоюзным организациям совершенно безразлично, на какие спектакли они выкупают билеты. Главное для них – совершить это действие положенное число раз, чтобы впоследствии отчитаться перед своим начальством о проделанной «культурной» работе. Расположением богатых организаций крупных предприятий, которые могут сразу выкупить огромное количество билетов, режиссеры очень дорожат. Руководителям этих организаций предоставляются различные блага – от контрамарок на хорошие спектакли и приглашений на застолья до расположения хорошеньких молодых актрис. Вообще, когда сестра называет театр «публичным домом», она не сильно грешит против истины, потому что в театрах много *débauche*[68]. Недавно в театр сестры пришла молодая актриса, которую сестра охарактеризовала словами «а мойд ви а цимес»[69], и сразу же

закрутила роман с тремя мужчинами. Все трое взревновали, и во время репетиции произошла безобразная драка, в которой одному актеру сломали руку. А у другой актрисы обнаружился сифилис, который она попыталась скрыть, но в театральной среде такое не скроешь. Вспомнилось к месту «amour, toux, fumée et argent ne se peuvent cacher longtemps»[70]. Иногда думаю, что надо было сразу же по приезде попросить сестру никогда ничего не рассказывать мне о том, что происходит за кулисами. Я бы хотела сохранить свое восторженное отношение к театру и актерам. Но вряд ли это возможно, ведь вся жизнь сестры за кулисами. Зато я теперь своя в этом мире. Знаю всех или почти всех, меня тоже все знают, я в курсе всех новостей. Мне это приятно.

Вольдемар приглашал отдохнуть в Хаапсалу (это тот самый Гапсаль, которому посвятил пьесу-воспоминание Чайковский). Там побережье, чудный климат, живописные места, уютный маленький городок и санаторий с лечебными грязями. Мы с удовольствием приняли предложение с оговоркой «Лешана абаа бирушалаим!»[71].

07.11.1961

Праздник, а настроение совсем не праздничное. К главной причине (чему мы в этот день можем радоваться?) добавилась еще одна – с бедной Е.А. все очень плохо, настолько плохо, что она даже пыталась покончить с собой. Одна из актрис Норочкиного театра состоит в связи с видным партийным деятелем, имя которого Норочка не назвала. От него и стало известно о попытке самоубийства Е.А. Ее, к счастью, спасли, но какой это был ужас! Хорошо помню, что творилось в Таганроге, когда отравилась стрихнином Юличка Блонская. Все ее так жалели и в один голос проклинали обманувшего ее мерзавца. Такая черная тоска навалилась тогда на меня, так надолго… Столичная мода на самоубийства до Таганрога, к счастью, не дошла, поэтому каждый такой случай был у нас настоящим потрясением.

От А.А. тоже не самые лучшие новости. Она все в больнице, хотя самое страшное уже позади. Я спросила, есть ли у нее родственники, сестра рассказала про сына. Ужасно, когда между матерью и сыном нет дружбы. Я чуть было не сказала про сестру и отца, но вовремя остановилась. Toutes comparaisons sont odieuses[72], да и не к чему ворошить былое. Я же вижу, что сестра переживает разлад с отцом до сих пор. Это самый тяжелый вид переживаний, когда сознаешь, что уже ничего невозможно

исправить. Я вижу, как светлеет лицо сестры, когда она вспоминает об отце, как любовь прорывается в ее голосе сквозь ворчание. В такие минуты я начинаю рыдать, она тоже плачет… Какие же мы все-таки были глупые! Как мы испортили себе жизнь! Я тоже хороша, мне есть за что себя упрекать. Всем, наверное, есть. Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait…[73] Чувствую себя картой, выпавшей из колоды.

08.11.1961

Приходили Раечка и Дора. Они в Москве по делам (отдельные намеки позволили мне сделать вывод, что речь идет о каком-то гешефте). Обе пышут здоровьем, громко смеются, смачно едят (Дора еще и пальцы облизывает не стесняясь). Рядом с ними чувствую себя совсем старой. Гости с сестрой вспоминали Ташкент. Воспоминания были веселыми, но если вдуматься, то становится понятно, насколько там все было тяжело. Не могу взять в толк, почему там было голодно, ведь те места довольно благодатны. Сестра в ответ на мой вопрос сказала: «Потому что на одну дыню было десять едоков», а Дора сказала, что она с тех пор привыкла делать большие запасы еды. До войны у нее такой привычки не было. Насколько же легче пережила войну я, пусть и пришлось поначалу натерпеться страху. Новые документы обошлись нам в целое состояние, но они того стоили, ни разу не вызвали ни у кого подозрений. Помогло, конечно, и то, что мы переехали на новое место, оборвав все старые связи. Предусмотрительность моего покойного мужа спасла нас. Отец мой был из тех, кто понимал все сразу, а муж понимал еще до того, как что-то происходило. Он видел наперед, такой у него был острый, прозорливый ум.

Раечка рассказывала подробности про артиста балета Нуриева, который в июне остался в Париже (нам говорила об этом Галина). Подробности очень пикантные. Оказывается, причиной стала любовь к какому-то немецкому юноше из Восточной Германии («Гомосексуализм и балет неразделимы, как гений и злодейство», – пошутила сестра). Я не совсем поняла, зачем оставаться в Париже, если твой любовник живет в Восточной Германии? Раечка рассказала много интересного, она прекрасная рассказчица. Временами я краснела, но продолжала слушать. У жизни много сторон, не все они приличны, но я не ханжа. К тому же Раечка умеет балансировать на грани пикантности, ее рассказы пикантны, но не похабны. Грязи в них нет никакой. Для меня стало открытием, что в здешнем

уголовном кодексе существует статья, карающая гомосексуалистов. «От 3 до 5 лет», – сказала Раечка и сестра с Дорой подтвердили, что она говори правду. За *saphisme*[74] здесь наказания нет. И то хорошо, «и то прибыль», как говорил отец.

10.11.1961

– Наши совсем спятили, – сердится сестра. – Приходят, зовут – Фаина Георгиевна, ждем вас на застолье. Я удивилась, потому что вроде бы повода никакого не было, но потом решила, что это они революцию никак не напразднуют, и пошла. Прихожу, а царь Борис усадил всех за стол и читает новую пьесу. Застольный разбор – вот куда я попала. Я уже и забыла, что бывает такое. И что за пьеса? Та, в которой у меня нет роли! Зачем мне тогда сдалось это застолье? Я ушла, не отказав себе в удовольствии хлопнуть дверью. Через полчаса на доске висел приказ – выговор артистке Раневской за вызывающее поведение, проявление неуважения и все такое. Я тут же написала заявление об уходе, дождалась конца их «застолья» (представь себе – он прервал читку, чтобы дать мне выговор), пришла, положила заявление на стол и говорю: «Во-первых, вы забыли в приказе написать слово «народной». Во-вторых, неуважение было проявлено ко мне. В-третьих, вызывающее поведение – это мой стиль. Я вызываю аплодисменты, понимаете? А в-четвертых, давайте расстанемся без скандала, как подобает воспитанным людям…

– Ты ушла из театра! – ахаю я.

Одно дело – перейти в другой театр, а другое – уйти и остаться «без сцены». У сестры уже было такое однажды. Она впала в глубокую меланхолию, из которой ей было очень трудно выбраться. Но тогда сестра была значительно моложе и рядом с ней была П.Л. Смогу ли я хоть частично заменить ее? Волнение охватило меня.

– Я осталась, – усмехается сестра. – Царь Борис, в сущности, человек неплохой. Другой бы послал меня куда подальше, а он усадил, налил коньячку… Мы выпили, повторили, поговорили и сошлись на том, что не надо ничего менять и осложнять тоже ничего не надо. Он порвал приказ, я – свое заявление. Мне пообещали роль в какой-то революционной пьесе про Кубу. Я уточнила – роль проститутки? И пояснила, что в революционных пьесах мне лучше всего удаются падшие женщины. Но там вроде бы не проститутка. Пьесу пишет Жора Мдивани, я его хорошо знаю, уверена, что пьеса окажется неплохой, но я на всякий случай от нее отказалась.

– Почему? – удивляюсь я.

– Потому что у меня не кубинский, а еврейский темперамент! – отвечает сестра.

Понимаю, что она шутит. При чем здесь темперамент? Мы вместе смеемся.

12.11.1961

В газете человек с чудесной фамилией Шалуновский (уж не псевдоним ли?) ругает картину с интригующим названием «Человек ниоткуда», называет ее сумбурной. Судя по названию, картина про эмиграцию. Надо бы посмотреть, пока ее не сняли с проката. Здесь это происходит очень быстро.

13.11.1961

Посмотрела «Человека ниоткуда». Действительно сумбурно и неинтересно. Дрянь. Правильно ругают. Сестру пригласили выступить в клубе «Спецэлеватормельстроя». Название очаровало меня настолько, что я выучила его наизусть. А поначалу даже прочесть не смогла, сбивалась.

14.11.1961

Татьяна-журналист посоветовала сестре купить магнитофон. Говорит, что это очень удобно – наговаривать свои воспоминания на пленку.

– Какая она хитрожопая, – смеется сестра. – Я, значит, куплю магнитофон, наговорю воспоминания, а она их запишет, издаст и озолотится! Могла бы в ожидании такого гешефта купить магнитофон и подарить мне. И не наш, а заграничный, ездит же туда-сюда постоянно. Все равно окупится сторицей.

Мне очень нравится идея с мемуарами. Уговариваю сестру написать их. Предлагаю свою помощь. Я же ничем, кроме хозяйства, не занята, могла бы делать записи, систематизировать их. Недаром же я в молодости, когда у нас был кризис, некоторое время работала секретарем у *M. de Laboulaye.* Сестра, к величайшему моему сожалению, отказалась, ей пока не до мемуаров. А я так хотела быть ей полезной и узнать побольше о ее жизни. Мы родные сестры, но мы прожили наши жизни вдали друг от друга, совсем не общаясь. Это печальное обстоятельство в

какой-то степени делает нас чужими, мешает нам понимать друг друга. В детстве сестра, при всех особенностях ее характера, была мне понятна, а сейчас – нет. Раньше я могла предсказать, как она отреагирует на то или иное слово, а сейчас не могу. Очень часто явная грубость может быть пропущена мимо ушей или встречена смехом, а совершенно невинное замечание вызывает бурю. Сегодня я сказала мимоходом, увидев новую фетровую шляпку сестры: «Ах, точно такую шляпку в тридцать втором году я купила в Вене!» Это классический фасон, который не меняется уже полвека, и в словах моих не содержалось никаких намеков, но сестра вспылила и упрекнула меня в том, что я «как сыр в масле каталась» (терпеть не могу это глупое выражение!), пока она «выбивалась в люди, экономя каждую копейку». При чем мои слова и это совершенно невразумительное сравнение? Какая связь? Если бы сестра хотела выйти замуж в том возрасте, когда вышла я, то кто ей мешал сделать это? Она бы успела еще до всех революций, и партия ей бы нашлась хорошая, несмотря на ее взбалмошный характер. В старом Таганроге «титул» дочери Фельдмана дорого стоил. Разве не делали отцу намеков Апштейн из Киева и Менделевич из Одессы? Оба они мечтали породнится с нами, сын Менделевича даже специально для знакомства с нашей семьей и сестрой, в частности, приезжал в Таганрог. Что сказала сестра? «Какой плюгавый бобик!» А отец этого «бобика» ворочал миллионами! И сам Менделевич смотрелся вполне неплохо. Ростом он не вышел, но черты лица у него были приятные, и ума ему было не занимать. Нет, гренадера она себе, что ли, хотела? Тогда зачем меня попрекать! Сыр в масле! Сэзол дир дунэрн ин бойх, вэсту мэйнэн аз сиз а хомэн-клапэр![75]

Я придумала хитрость – буду провоцировать сестру на воспоминания и тайно их записывать. Может, из этого выйдут когда-нибудь мемуары.

17.11.1961

В нашем доме много сплетничают. Ничего удивительного, людям свойственно сплетничать. У самой иногда язычок так и чешется, но я всегда стараюсь держаться в рамках. Сплетничать сплетничаю, но не злословлю и никого не осуждаю. Больше всего сплетничают про Лиду, к которой мы ходим «на телевизор». Молва приписывает ей какое-то невообразимое количество любовников, а ее похождения это настоящее *rocambolesque*[76].

Я спросила у сестры, ведь она дружит с Лидой, правда ли все то, что рассказывают про нее. Неужели у нее такая бурная жизнь?

– Люди еще не все знают! – ответила сестра. – У нее гораздо больше любовников! Лида – молодец, она умеет жить ярко и красиво. А зачем жить иначе? Что хорошего в скуке? Лида красива, и мужчины ходят за ней табунами? Так это же замечательно! Она меняет любовников как перчатки? Это ее дело! Хочет – и меняет, может – и меняет. У женщины непременно должны быть любовники, и чем больше, тем лучше! Тем, кто разглагольствует о моральном разложении, я бы посоветовала брать с Лиды пример, а не молоть чепуху!

19.11.1961

Приходила Ада Игнатьевна, бывшая жена режиссера Пырьева. Она решила уйти на пенсию, несмотря на то, что ей нет еще и шестидесяти.

– Что так? – немного бесцеремонно поинтересовалась сестра.

Они в дружеских отношениях, хоть и редко видятся и почти никогда не звонят друг другу, поэтому А.И. не обиделась.

– Надоело все, вы не представляете, насколько надоело. В театре никакой жизни, одна плесень с паутиной, ролей приличных нет, а неприличные играть противно. Да еще каждая дрянь пытается подпускать шпильки. «Это вам, Адочка, не былые времена, когда муж под вас картины пробивал!» А разве он что-то пробивал под меня? Снимал, было дело, но было и так, что не снимал. А кроме него я у Протазанова снималась, у Барнета, у Тарича, у Эйзенштейна…

Мы изрядно выпили (коньяк маленькими наперсточками пьется незаметно), и я чуть было не спросила, не рисовал ли Эйзенштейн Аду обнаженной, но вовремя опомнилась. Представляю, что сказала бы потом мне сестра.

– Недавно у Миши Ромма снялась… – продолжала Ада. – Не Пырьевым единым, как говорится. Но сейчас, к сожалению, меня уже все перестало радовать – и кино, и сцена, и даже сама жизнь.

Сестра тотчас же предложила выпить еще. Ада рассказала, что Пырьев, оказывается, сам хотел ставить «Войну и мир», но ему не дали.

– Это же такой лакомый кусок, – сказала она. – Соберет все награды, даже на зарубежные можно рассчитывать. Ванечкина звезда закатилась, ему даже запоздалое вступление в партию не помогло, а он этого все никак не поймет. Планы строит, со мной ими делится. Мы ведь остались если не друзьями, то добрыми знакомыми. Он мне даже на Марину жаловался несколько раз…

Сестра покрутила пальцем у виска. Я с ней не согласна.

Почему бы супругам не сохранить хорошие отношения после развода? Это же так хорошо.

Театр, в котором служила Ада, был создан специально для актеров кино, чтобы занять их в свободное от съемок время. Это очень правильное решение правительства, но атмосфэра в этом театре была наихудшей из всех театральных атмосфэр. На отношения между актерами сказывается не только распределение театральных ролей, но и конкуренция за роли в кино. «Двойная моральная нагрузка», – сказала Ада. «Тройная, даже четверная, – поправила ее сестра. – Вы находитесь в доме каторжан, да вдобавок у вас чехарда из режиссеров». Ада согласилась. «Дом каторжан» – это бывшее общежитие для большевиков, побывавших на каторге. В Российской империи каторжников ссылали на Сахалин, а во Франции ссылают в Гвиану. Я однажды сказала мужу: «Французам-каторжникам повезло, – их отправляют в теплые края». Муж рассмеялся моему клоц-каше[77] и объяснил, что Гвиана ничем не лучше Сахалина, даже хуже. В тамошнем климате люди гниют заживо, и тепло изнуряет не меньше холода. К тому же французы крайне строго, если не жестоко, относятся к наказанию преступников. С Сахалина бежало множество большевиков, но я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь убежал из Гвианы.

А.И. с сестрой вспоминали «Мечту», в которой они вместе снимались. Хвалили режиссера, перебирали детали съемок (я ничего в этом не поняла), разыграли для меня сценку, в которой героиня А.И. обсуждает свое брачное объявление. Однажды во Львове, где снималась натура, всю съемочную группу арестовали, приняв за шпионов, но быстро разобрались и выпустили. Вспоминали какого-то Петеньку, который устроил скандал Ромму из-за того, что его имя не было упомянуто в титрах.

– И ролька-то у него была крошечная, ее даже эпизодом назвать нельзя, – смеялась сестра, показывая при помощи большого и указательного пальцев, насколько мала была эта роль. – А вот же, взыграло ретивое. Когда Миша пригласил его в «Убийство», тоже на эпизод, Петенька сначала спросил: «А в титры я попаду», и только после утвердительного ответа дал согласие.

Картина, в которой А.И. снялась недавно у Ромма, называется «Девять дней одного года». Картина должна выйти в начале будущего года, сейчас идет монтаж. Непременно пойдем смотреть. В одной из главных ролей там, оказывается, снялся сын Нины Антоновны, подруги А.А. Очень жаль, что А.И. приходит в гости столь редко (первый раз на моей памяти), с ней очень интересно разговаривать. И еще она очень просто держится. «Я –

дочь бедного кузнеца, – говорит о себе А.И., – потомственная пролетарка, мне не к лицу церемонии разводить». Сестра в ответ на это заявила: «А мы с Беллой дочери бедного нефтепромышленника, тоже, можно сказать, пролетарки потомственные». Режиссер Пырьев, как после рассказала мне сестра, переживает сейчас бурный роман с молодой актрисой, которая на сорок лет младше его. Он без ума от нее, а она то ответит ему взаимностью, то закрутит роман с кем-то другим. У Пырьева от этого романа неприятности не только личные, но и служебные. Здесь неодобрительно относятся к «моральной неустойчивости» (обожаю этот термин!) и могут за это исключить из партии или снять с работы. «Она играет им, а он не понимает, что стал игрушкой», – сказала Ада. *Démon de midi*[78].

20.11.1961

Сегодня сестру потянуло на воспоминания. Я к этому непричастна, я ее не провоцировала, ей самой захотелось повспоминать. Она рассказала, как ее в Крыму пытался соблазнить Бела Кун. Я никогда о нем не слышала, но оказалось, что это был очень видный большевик, венгерский еврей, которого расстреляли в конце 30-х годов. Но тогда, в самом начале 20-х, он был хозяином Крыма, по-большевистски, конечно, не «хозяином», а «председателем». Председатель Крыма товарищ Бела Кун.

– У него была огромная роскошная дача, – вспоминала сестра. – С зеркалами, картинами, коврами, камином, зимним садом и прочими элементами буржуазной роскоши. Большевики только на словах аскеты, на деле же они любят пожить шикарно. В окна было видно полосочку моря, корабли и рожи часовых, которые не то охраняли Белу от народа, не то стерегли его самого, чтобы он не удрал в Турцию или в Румынию. Меня привезли к Беле (он галантно послал за мной автомобиль, оцени!). Был накрыт шикарный стол, на котором даже икре нашлось место, это в те голоднющие годы-то! Горел камин, потому что была зима, хоть и крымская, но все равно зима, мы пили шампанское, ели (я просто жрала, потому что голодна была неимоверно), говорили об искусстве. Бела советовался со мной по поводу революционного театра, а сам так и поедал меня глазами. «Запускал глазенапа по программе», как выражается Танька. Потом мы поговорили о Пушкине, о Лермонтове, выпили еще шампанского, Бела положил свою руку мне на плечо… Должна признать, что как мужчина он был хорош – не красавец, но представительный, обходительный, интересный, и ладони у него

не потели. Не выношу, когда у людей потные ладони! Так вот, от обильной еды, шампанского, тепла и понимания того, что меня сегодня не будут расстреливать (про Белу много чего рассказывали и все страшное), я настолько сомлела, что у меня не было сил сопротивляться. И желания, кажется, тоже не было. Он погладил меня по плечу и стал читать вслух Надсона. Странные предпочтения для комиссара, потому что Надсон был насквозь буржуазным, ну ладно. Потом начал говорить мне комплименты и распространяться на тему той прекрасной дружбы, которая возможна между мужчиной и женщиной в новом коммунистическом обществе… Как будто в старом капиталистическом между мужчинами и женщинами ничего не было. Но лучше бы он так долго не трепал языком, потому что в тот самый момент, когда рука его съехала с моего плеча на колено, ненадолго задержавшись на груди, в комнату ворвался усатый пучеглазый мужик в кожанке и что-то прошептал на ухо Беле. Бела извинился передо мной и ушел. Этот изверг был очень воспитанным человеком – европеец, сын нотариуса, а не какого-нибудь босяка. Другой мужик, тоже одетый в кожанку, их комиссарскую униформу, довел меня до машины и передал шоферу, который отвез меня обратно. Я ждала повторного приглашения, можно сказать, что я мечтала о нем, чтобы снова наесться досыта и выпить настоящего *Моёт,* но Бела, должно быть, забыл обо мне в той горячке. Или решил, что я приношу неприятности. Судя по выражению его лица, которое вдруг стало похоже на жопу, пучеглазый сообщил ему плохую новость. Можно считать, что я дешево отделалась. Ой, я забыла про папиросы! Тогда все курили махорку, пополам с травой, а Бела угощал меня душистыми асмоловскими папиросами с золотым ободком! Я так жалела, что не догадалась прихватить с собой несколько пачек! Они у него лежали штабелем на десертном столике, а на нижней полке стояли бутылки. Ну разве я не дура после этого! Конечно же – дура! Совсем не умею пользоваться случаем! Окажись на моем месте Любка, она бы не уехала просто так! Она бы стала мадам Кун. И ее бы потом расстреляли за компанию с ним! Беллочка, говорю тебе как на духу, заклинаю тебя – держись подальше от высокопоставленных коммунистов! Жить с ними, все равно что жить у подножия вулкана!

Сестра говорила так серьезно, словно я знакома хотя бы с одним высокопоставленным коммунистом. Я только с Е.А. знакома, и то заочно.

21.11.1961

Сегодня мне вздумалось поинтересоваться у сестры, не желает ли она побывать в Таганроге. Меня в последнее время потянуло на родину.

– Сама не поеду и тебе не советую! – сказала сестра. – Ты только представь, как ты идешь по улицам, которые помнишь с детства, и не узнаешь их, представь, как ты подходишь к нашему дому и видишь, что в нем живут чужие люди…

Дальше она не смогла продолжать, а я не смогла слушать. Когда немного успокоились, смотрели мой альбом с фотографиями. У сестры почти не осталось семейных фотографий. Чемодан, в котором они лежали, украли в Ростове. Не исключаю, что сестра могла порвать их после отъезда родителей и брата. В глубине души (это несколько раз проявлялось намеками, отдельными словами) она считает себя «брошенной на произвол судьбы». Ее право.

22.11.1961

Судят двоих немцев, американских шпионов. Не понимаю, как здесь можно заниматься шпионажем, если даже в кругу друзей люди стараются не рассказывать ничего о своей работе и даже не называют ее. Фразы вроде «я работаю в «ящике» или «я работаю на номерном предприятии» исключают всякую возможность дальнейших расспросов. Я имею в виду не актеров, те не только сразу назовут, в каком театре они служат, но и все свои роли перечислят, я о научных работниках и конструкторах, которых много среди наших соседей и среди знакомых тоже встречаются. Сразу же, как я только приехала, сестра строго-настрого предупредила меня, что если человек не говорит о работе, то не надо о ней спрашивать. «Ты можешь интересоваться из любопытства или же решишь, что твой собеседник попросту стесняется, а тебя примут за шпионку, – сказала мне она. – Не забывай, что ты приехала из капстраны». Я приняла ее слова к сведению. А вот мне, как только узнают, откуда я приехала, задают много вопросов. Эти вопросы нередко бывают нескромными, а иногда – удивительными. Водопроводчик, который чинил нам кран, узнав, что я долгое время жила за границей, прищурился недоверчиво и спросил меня, как фамилия генерального секретаря американской компартии. Я и не знала, что в Америке есть компартия! Насладившись моим недоуменным молчанием, водопроводчик покачал головой и презрительно сказал: «Приедут из Нижнего Сволочка, а строят из себя иностранцев». Сестра очень смеялась, когда я спросила у нее, где

находится Нижний Сволочок. «Рядом с Великими Жопами!» – сказала она. Только после этого я поняла доморощенный *humour*[79] водопроводчика. Таких «острословов» в Таганроге называли «сухопутными моряками».

24.11.1961

– Уйти, что ли, к Завадскому? – сказала вчера сестра. – Ирина советует.

Я уже научилась различать нюансы. – «Завадский» – то это знак расположения, «Юрочка» – снисходительное, «Юрка» – недовольство. Для меня это выглядит так – «Беллочка» – «Белла!» – «Белка».

– Он ведь, если положить руку на сердце, человек неплохой, просто его иногда заносит…

А кого из нас не заносит? Сестру не заносит? «Ой, не рассказывайте мне про лепельских евреев, я сама оттуда!» – говорила в таких случаях мама. Всех заносит, только одних редко, а других по семь раз в день, и в обычные дни, и по праздникам.

– А так он добрый, может помочь человеку без всякой выгоды для себя. Однажды один из его учеников откусил нос своей любовнице…

– Откусил нос?! – ужаснулась я. – Ты рассказываешь мне пьесу?

– Я рассказываю тебе жизнь! – строго поправила сестра. – Один из студентов театрального института откусил… точнее – укусил за нос свою любовницу, причем иностранку, чешку или польку, не помню уже. Укусил до крови, ей швы накладывали. Это случилось лет десять тому назад, где, уже не помню, кажется, в ресторане. Студент приревновал свою девчонку к кому-то, и они начали ссориться. Подробностей я не помню. Обезумев от ревности, он укусил ее за нос. Прокусил до крови, хорошо еще, что не откусил совсем. Тогда его непременно осудили бы за попытку людоедства. А так – обошлось. Завадский принял личное участие в судьбе этого оболтуса, ходил к пострадавшей, просил смягчиться и не настаивать на наказании, это же телесные повреждения, за такое сажают. Ходил сам, приводил оболтуса, умолял, и, в конце концов, она уступила, не стала настаивать на наказании. Отелло остался на свободе и даже закончил институт. Но любви пришел конец…

– Еще бы! – сказала я. – Какой ужас! Как можно любить человека после такого!

– Всякое бывает, – возразила сестра. – Правда, нос на моей

памяти пытались откусить всего раз.

Ощущение, что сестра надо мной подшутила, не покидало меня. Сегодня я спросила у Нины, в самом ли деле имела место подобная история. Нина подтвердила, что все это чистая правда, и даже пообещала при случае показать мне этого «оболтуса», который давно остепенился и работает «на эстраде». Меня умиляет то, как сестра и все ее окружение произносят слово «эстрада». В их тоне и снисхождение театральных актеров, и сочувствие, и некоторое отчуждение – это тоже искусство, но не классическое. Но без эстрады было бы так скучно жить. Нельзя же всю жизнь жить одной классикой.

26.11. 1961

Мне неинтересны люди, похожие на шарманки, люди, которые все время говорят одними и теми же словами на одни и те же темы. Уже при третьей встрече это начинает утомлять. Особенно нехорошо, когда такие люди есть среди соседей. С соседями приходится видеться чаще, чем с знакомыми, некоторых встречаю по два раза на дню. И всякий раз слышу *la même chanson*[80]. У каждой шарманки – своя мелодия. Одна-единственная. С. жалуется на то, что ее муж «вечный неудачник». Л.А. страдает без мужчины не только духовно, но и физически (я бы на ее месте давно решила эту проблему). М.И. нахваливает Малый театр (явно надеясь, что я передам его слова сестре и ей это будет неприятно). К. жалуется на то, что муж ей изменяет, и говорит до тех пор, пока ее хмурая родственница (никак не пойму, кто она ей – старшая сестра, тетка?) не уведет ее. Л.Н. жалуется на очередного любовника. Н.В. раздражает меня бесконечным повторением одной и той же шутки, он, якобы приняв меня за сестру, назначает мне вечером свидание или говорит нечто фривольное, а потом театрально удивляется: «Ах, это вы, Изабель! Прошу прощения!» Изабель – это не по-русски и не по-французски, это *parler français a la Berditchev*[81], как говорили раньше. Сестра моя не такая. У нее есть любимые темы, но она не любит повторяться.

30.11. 1961

– К нам сегодня приезжал какой-то начальник из управления культуры, – рассказывает сестра, вернувшись из театра. – Собрали всех в зале, на сцене сделали президиум из трех болванчиков и

одного начальника. Ну и невежда. Митрофанушка Митрофанович Митрофанов! Начал расспрашивать нас о наших творческих путях, вехах и достижениях. Я упомянула, что когда-то, в юности, играла итальянскую певицу в пьесе Шелдона, а он наморщил лоб и спросил: «А разве в «Школе злословия» есть итальянская певица?» И усмехнулся гаденько, давая понять, что поймал меня на лжи. Как тебе такой цимес? Он путает Шелдона с Шериданом и еще ловит меня на лжи! Мне захотелось отомстить. «Простите, – говорю, – склероз. Это я в «Короле Лире» итальянку играла». Краем глаза наблюдаю за нашими – кто губу закусил, кто сморкаться начал, а этот невежа лобик разгладил и сказал: «То-то же!» Строго так сказал, разве что пальцем не погрозил. Люди! Покажите мне итальянскую певичку в «Короле Лире»! Я на край света дойду босиком, чтобы увидеть ее! И такие люди делают вид, что руководят культурой! Его не то что к культуре, его к физкультуре подпускать нельзя – все завалит! Помню, как в Сталинграде один такой комиссар от культуры путал Гомера с Гоголем, а когда его поправляли, говорил, не смущаясь: «А, одно говно!» И такие люди учат нас репертуару и всему прочему! Если бы на сцене висело бы ружье, то я из него немедленно бы застрелилась, так тошно мне было сегодня на этом дурацком собрании!

– Почему так? – недоумеваю я. – Почему бы не руководить культурой культурным людям. Неужели Хрущев не понимает, что так будет лучше?

– Считается, что культурой может руководить любой дурак, – серьезно, не шутя, ответила сестра. – Промышленность, шахты – это серьезно, а культура – пустяки. Поэтому всех проштрафившихся из других отраслей бросают на культуру!

«Бросают на культуру» – какое оригинальное выражение. Только правильнее было бы говорить «бросают в культуру», потому что такие люди, как камень, их бросают в культуру, как в стеклянную витрину. Во всяком случае, у меня такое впечатление.

01.12.1961

Первый день зимы, моей второй зимы здесь. Дома. Смешно! Старая еврейка, родившаяся в Таганроге и изрядно поскитавшаяся по белому свету, считает своим домом Москву. Нечему удивляться, это жизнь. Моя жизнь и мой дом, к которому я неожиданно быстро привыкла. Сегодня хочется делать и говорить только хорошее. Жаль, что *Nicolas* уехал «на промыслы», так он называет поиски старинных предметов по деревням и

маленьким городишкам. У него талант – он хороший реставратор и, кроме того, умеет находить среди всякого хлама по-настоящему интересные вещи. Очень мечтает найти нечто крайне ценное, что позволит ему уйти на покой и заняться живописью для своего удовольствия. Приходы *Nicolas* в отсутствие сестры из чего-то неловкого превратились в естественное. Настолько, что сестра мне говорит: «Меня не будет до полуночи, зови Своего (мне ужасно не нравится это слово, но я терплю) и радуйся». Я зову и радуюсь, ведь жизнь дана человеку на радость.

02.12.1961

– Наш царь Борис придумал «новшество», которое существовало при царе Горохе! – сердится сестра. – Спектакли-концерты, союз ежа и ужа, театра и эстрады! Кому они нужны в наше время в Москве! У нас же не фронтовой театр и не Устюжопинский академический! Зачем пускаться во все тяжкие? Зачем опошлять? Все, конечно, знают зачем! Чтобы привлечь публику! Ты знаешь, что говорила мадам Ламбракис своим девочкам?

Я молчу, жду продолжения. Откуда мне знать, что говорила владелица самого злачного заведения в Таганроге своим *poulet*? [82]

– Она говорила им: «Доченьки мои милые, показывайте клиентам настоящий парижский шик, а не ваши дряблые телеса!» Шик, а не телеса! Мадам Ламбракис была умной женщиной, и заведение ее было лучшим в городе. А у нас не могут показать никакого шика, одни только дряблые телеса. Он говорит мне: «Фаиночка, вы так вкусно пели в Александре Пархоменко: «Сколько грез и надежд, ты разрушил холодной рукою, ты ушел от меня, ты ушел от меня навсегда!» А я гляжу на него и думаю – сколько же моих надежд ты разрушил, ушел бы ты навсегда, куда-нибудь подальше, в Хабаровск или Владивосток. Там же тоже есть театры. Отвечаю: «В театре я пою, если того требует роль, а от самодеятельности вашей меня увольте. Пусть вам Левушка с Володей поют. Они молодые, им простительно».

Меня беспокоит сестра. Меланхолия, вызванная кончиной П.Л., осталась позади, и это не может не радовать. Но вот возросшее стремление делать все наперекор настораживает. Как бы снова ей не остаться без театра. И приглашений на съемки нет. Было одно, в какой-то комедии, так она отказалась, даже не ознакомившись с ролью, потому что ей не понравился тон, которым разговаривал по телефону режиссер. «Мальчишка, сопляк, – негодовала она, закончив разговор. – Мы с ним не

знакомы, его вообще никто не знает, как он смеет разговаривать со мной таким тоном?! Благодетель нашелся! Видала я таких благодетелей!»

А Левушка из театра – очень милый молодой человек. Мы познакомились, когда он привозил сестре какие-то бумаги, которые надо было срочно подписать. Пока сестра созванивалась с театром и уточняла детали, мы с ним пили чай. Он пытался разговаривать со мной по-французски, я притворялась, что все понимаю, хотя не понимала ничего, потому что выговор у него ужасный. Французский здесь не в почете, нынче в моде английский.

03.12. 1961

Были с сестрой у Екатерины Васильевны. Сестра называет ее «императорской балериной» и очень гордится знакомством с ней. В самом начале актерского пути Е.В. помогла ей, помогала и потом. Е.В. совсем старушка. На обратном пути (хорошая погода располагает к прогулкам) сестра рассказала, что у Е.В. был роман с тем самым фон Маннергеймом! Еще с тех пор, когда он служил в русской армии! Он был женат, но неудачно, жену не любил. «Из-за денег женился, – со знанием дела сказала сестра. – Барон – это всего лишь титул, а не состояние. Помнишь, как говорил наш отец? Я мог бы стать бароном, но не хочу, чтобы меня считали чванным голодранцем». Фон Маннергейм, по выражению сестры, был «тот еще сердцеед», менял любовниц одну за другой, но к Е.В. прикипел душой настолько, что даже приезжал за ней инкогнито после смерти Ленина, хотел увезти в Финляндию, но Е.В. отказалась уезжать.

– Такая же ненормальная, как и я, – подвела итог сестра. – Уехала, жила бы сейчас во дворце, окруженная вниманием и заботой. Но она осталась. Повторила то, что говорила в семнадцатом, что русская сцена сокровище, которым не бросаются. Ленин ей за эти слова дал все – начиная с охранных грамот, чтобы никакой революционный матрос не мог ее обидеть, и заканчивая Большим театром. Она стала первой красной примой. И, если хочешь знать мое мнение, остается ей до сих пор. Все остальные, включая Галину, ей и в подметки не годятся. Она настоящая.

Потом мы сели в такси, и, пока ехали до дома, сестра молчала. Когда же мы вышли из машины, она придержала меня, не давая войти в подъезд, и тихо сказала:

– Когда уйдут все исполины, культура рухнет. От нее

останется только пыль соцреализма. Не хочу этого видеть.

Начинается Ханука. Целый год я собиралась купить подсвечник, но так и не собралась. Даже не узнала, где их здесь покупают. Ничего, праздник не в вещах, праздник в сердце.

05.12.1961

Приходили соседи, Борис и Надежда, очаровательная молодая пара. «Молодая» в сравнении с нами, им обоим нет еще и сорока. Борис учился у Завадского, сейчас играет у него в театре, много снимается в кино. Жена у него молчаливая, но он говорит за двоих. Очень почтительно держится с сестрой, ей это нравится. Некоторая напряженность возникла, когда начали считать роли, сыгранные в кино, и у сестры оказалось всего на две роли больше (это при разнице в возрасте!). Сестра сама предложила сосчитать: «А сколько вы, Боренька, уже успели сняться?» Но Борис спас положение. Увидев, как хмурится сестра, он сказал, что одна ее роль стоит десяти его, после чего сестра заулыбалась, и вечер закончился хорошо. Удивляюсь, как Борис ухитряется сочетать театр и съемки? Только за этот год он снялся в 4-х! картинах, пусть и не в главных ролях, но все же! И бесконечные встречи со зрителями! У них сын, Надежда ведет хозяйство, они молоды, большие запросы, хочется зарабатывать как можно больше. Борис сказал парадоксальную фразу: «Выгоднее сняться в трех эпизодах, чем в одной большой роли». Я подумала, что он шутит, но сестра кивнула, давая понять, что это так, и объяснила, что актера, снявшегося в трех фильмах, зрители запоминают лучше, пусть даже он снялся в эпизоде. Срабатывает повторяемость. Кроме того, любую картину после того, как она будет готова, могут забраковать и не выпустить в прокат (причиной может послужить любой пустяк). Легче смириться с «потерей» эпизода, нежели главной роли. Кроме того, эпизоды требуют гораздо меньшего присутствия на съемочной площадке. Можно уложиться в два-три дня, а то и в один, если обстоятельства сложатся удачно. Денег за эпизод заплатят меньше, но зато и дело это недолгое. «Конечно, для почета нужны большие роли, – сказал Борис, подмигивая нам, – но я еще успею». О Завадском он отзывался исключительно хорошо, хвалил его профессионализм и характер. Не могу сказать, был ли он искренен или же опасался, что неосторожно оброненное слово может дойти до З. Когда гости ушли, сестра рассказала, что поначалу дела в театре у Бориса пошли хорошо. Завадский дал ему роль Василия Теркина в пьесе, созданной по поэме А.Т., еще

одного нашего соседа, очень величественного мужчины. Роль удалась Борису, вдобавок и пьеса была из тех, которые принято награждать (соседу благоволит сам Хрущев). Однако столь высокий взлет никому не известного актера вызвал зависть у коллег по театру.

– Сами поднесут рюмку, – сердилась сестра, – скажут: «давай, есть повод», и сами же начнут кричать: «да он же не просыхает, допивается до белой горячки!» Да от одного взгляда на их рожи у нормального человека начинается горячка. Черная! Когда Борю утверждали на Теркина, Плятушка, не зная, к чему можно придраться, придрался к носу, сказал, что нос у Бори не теркинский. Сам, со своим шнобелем, играл Васина в «Русских людях», и никто ему не намекал на шнобель, а Боря, видите ли, носом не вышел! Но его все равно утвердили, его, а не Плятушку! Приклеили картофелину, получился такой нос, что хоть орден сразу вешай! И Юрка еще приглашает меня к себе! Пусть он сначала разгонит свой террариум, и тогда я подумаю! А то и в режиссеры подамся! Мало ли меня мучили, пора и мне отыграться!

Смотрю сестре в глаза и понимаю, что ни на ком она не отыграется. Характер у нее суровый, непростой, но режиссером она была бы замечательным. Не могу объяснить почему, но я в этом уверена.

08.12.1961

Смотрели с сестрой чудесную картину «Разные судьбы». Я даже всплакнула разочек. Сестра сказала, что эта картина почему-то не понравилась Е.А. Она назвала ее мещанской («мещанин», «мещанское», «мещанство» здесь слова ругательные, люди напрочь забыли, что когда-то так называлось сословие и слово это в переводе с польского означает «горожанин»). Но картину все же выпустили в прокат и очень правильно сделали. Мне очень понравилась актриса, игравшая Таню.

– Девочке чуть было не сломали жизнь в самом начале, – сказала про нее сестра. – После войны жизнь наладилась не сразу, работать приходилось в нескольких местах сразу. Однажды произошла накладка – ей надо было разорваться надвое, чтобы быть одновременно в двух разных местах. Бывает, это же жизнь. В таких случаях приходится кого-то просить, чтобы тебя подменили. Она и попросила, все прошло нормально, но режиссер рассердился. Уж не знаю, какая там была подоплека, но жизнь научила меня, что если режиссер не любит актрису, то

одно из трех – или у актрисы длинный язык, или у нее высокие нравственные принципы, или и то и другое сразу. А тогда за прогулы без уважительной причины полагалось судить. Вот Таню, она и в жизни Таня, отдали под суд. К счастью, ей повезло – удалось отделаться легким испугом, или не легким, но всего лишь испугом. А то ведь не только карьеру могли сломать девочке, но и всю жизнь.

Как это ужасно! Разве можно судить за прогул? Да еще и в том случае, если человек озаботился подменой и спектакль не пострадал. Чувствую, что никогда не смогу понять до конца здешнюю жизнь. Радуюсь тому, что у сестры нет привычки прогуливать и опаздывать, как актриса она крайне дисциплинированна. Сестра, смеясь, успокаивает меня, оказывается, этот жестокий закон давно отменили и за прогулы больше не судят и не сажают в тюрьму.

10.12.1961

– Темну ночь недосыпала, сладок кус недоедала! – ворчит сестра.

Крайняя степень негодования, это когда сумочка летит в одну сторону, шуба – в другую, а двери открываются и закрываются резко, словно выстрел. В такие минуты лучше всего не задавать вопросов, не выходить из своей комнаты, никак не напоминать о себе. Сестра будет шуметь посудой на кухне, закурит, громко выругается, вспомнив, что «почти уже» отказалась от этой привычки, позвонит Ниночке, позвонит Елочке, выплеснет в разговоре избыток чувств, а потом вдруг спохватится:

– Белла! Ты там живая?

Это означает, что гроза прошла мимо, прошла стороной. Можно вылезать из своего уютного убежища. Главное – не задавать вопросов. Лучше говорить самой. Если у меня нет наготове какой-нибудь интересной новости, я ее придумываю или вспоминаю прочитанное в газетах. В газетах, которые я исправно прочитываю от первой до последней страницы (самое нудное пропускаю), всегда найдется, что рассказать сестре. Главное начать, потому что договорить мне все равно не дадут. Сестре попытались навязать участие в каком-то новогоднем концерте. Ее не устроили условия и сама программа. Она снова высказала режиссеру свое мнение о нем (он, должно быть, заучил это мнение наизусть).

– Давай проводим Хануку, – говорю я, заставляя стол тарелками.

– Провожай хоть… – начинает сестра, но вовремя осекается и говорит. – Давай!

Есть с кем встретить праздник, есть с кем его проводить. Разве могу я считать себя несчастной?

12.12.1961

– Знаешь, что сказал Эйзенштейн о Мейерхольде? – вдруг спросила сестра. – Счастье, сказал, тому, кто соприкасался с ним как с магом и волшебником театра, и горе тому, кто зависел от него как от человека. Вторая половина этой фразы относится почти ко всем режиссерам. Исключения бывают, но они так редки, так редки! И знаешь, что мне больше всего не нравится в режиссерах? То, что живут они по принципу собаки на сене. Сам тебе ролей не дает, разве что кинет какую-то подачку от великих щедрот своих, но и в другой театр не отпускает. Как можно отпустить? А вдруг там талант развернется в полную силу? Сам не ам, и другому не дам! Так и умру я в ожидании настоящей роли! Разве бабушка в «Деревьях» – мой предел? Я думала – ладно, наш главный режиссер очень занятой человек, а завлит у нас не ахти, серединка на половинку, так я сама найду подходящую пьесу. Приносила ему штук двадцать, и махровую классику, и нежную современность. Он все отвергает. Я спрашиваю «почему?», ведь пьеса так хорошо ложится на нашу труппу и соответствует как духу времени, так и всему остальному. Я же знаю, что сейчас можно и что нужно ставить! Я же не приношу ему «Самоубийцу» или ««Заговор чувств»! А он, по-моему, даже их и не читает! Любка за границей находит для себя пьесы, добивается, чтобы театр оплатил перевод и гарантировал ее мужу постановку, а ей главную роль, а я прихожу с протянутой рукой и униженно клянчу: «Царь, добрый царь, дай мне рольку, будь так добр». А царь не дает. Сегодня сказал, что хочет поставить что-нибудь свеженькое из врачебной жизни. Мало у нас про врачей хороших пьес, жаль. Я ему в шутку говорю: «Хотите новое дело врачей?» А он аж передернулся весь, в лице изменился и отвечает: «Только вы, с присущим вам тактом, можете из любого слова дело раздуть!» Как тебе это нравится? С присущим вам тактом! Из любого слова дело! Эх, если бы у меня был бы такой характер, чтобы из слов дела раздувать, я бы отыгралась на многих… Их счастье, что я не такая. Пьесу о врачах! Ставьте «Мнимого больного», в этой пьесе три женские роли! Маринка сыграет Белину, Туська – Анжелику, а Сашка – Туанетту! Весь гарем будет при деле. Ах, там, кажется, есть еще девочка? Ну и на

девочку кто-нибудь найдется, хотя бы Анька. И самое главное – для Раневской в это пьесе ролей нет! Знаешь, как царя Бориса за глаза зовет молодежь? Фюрером! Разве это не показательно? У него молодежь спивается от безысходности, что же можно сказать о стариках? Мне не жаль себя, мне жаль молодежь, жаль театр, который отобрали у Таирова. Ради чего отобрали? Ответь мне, ради чего? Для кого?

Что я могу ответить? Молча киваю. Чувствую, что сестра уже одной ногой вышла из театра. Верю, что она знает, что делает. А что мне еще остается? Не можешь ничего сделать, так молись и надейся. Молюсь и надеюсь.

13.12.1961

Новость про Е.А. У нее не все так плохо, как казалось поначалу. Видимо, ее поступок тронул кого-то (я прекрасно понимаю, кто это мог быть), и ей удалось сохранить большую часть того, что она имела. «Ей указали на ее место, – говорит сестра. – Раз ты женщина, то не лезь на самый верх. Сиди в своем кресле и не рыпайся!» Хорошо, что все закончилось именно так. Надеюсь, что тучи над ее головой рассеялись навсегда. Е.А., по выражению сестры, «необразованна, но душевна» и способна на сострадание, что доказывает и мой пример. Сегодня, хоть и 13-е, а день хороших новостей. А.А. чувствует себя значительно лучше. Сестра собирается проведать ее, но этому постоянно что-то мешает. В театре какие-то проблемы с репертуаром. Наверное, вместо «какие-то» уместнее смотрелось бы слово «очередные», но я с детства не люблю помарок. У меня их не было ни в одной тетради, потому что, ошибившись, я переписывала целые листы. Упражнения только улучшают почерк, хоть большинство людей считает иначе. Все дело в скорости и аккуратности. Если писать быстро, наспех, то почерк неминуемо испортится, если же писать медленно и аккуратно, то он будет становиться лучше с каждой строчкой. Теперь я даже если и захочу написать небрежно, то у меня ничего не получится, буковки все равно будут четкими, ровными.

14.12.1961

Мне никогда не хочется писать о проблемах со здоровьем, пусть об этом пишут врачи. Я придерживаюсь того мнения, что все болезни происходят от возраста и образа жизни. Незачем удивляться, обнаружив у себя ту или иную болезнь, достаточно вспомнить, сколько тебе лет, сколько всего пришлось пережить, как ты любишь понежиться в постели и не отказываешь себе в лишней булочке, не забыв и про масло. Здесь мне очень не хватает сыров, местный ассортимент их не просто оставляет желать лучшего, он вопит, рыдает, стенает. Три-четыре сорта – брынза, нечто похожее на нее, но менее соленое, *edammer*, который здесь называют просто «сыром», он может продаваться под различными названиями, но суть его одна и та же, плавленый сыр, который и сыром-то назвать нельзя. О *camembert* и *brie* можно только мечтать, а местный *roquefort* не имеет с подлинным ничего

общего, разве что кроме наличия *moisissures*[83]. Сестра говорит, что я «зажралась в своих заграницах», сама она к сырам совершенно равнодушна, десерт в ее представлении это сладкое и непременно с кремом. «Надо же подкармливать диабет, чтобы он не сожрал меня», – шутит сестра. Что же касается медицины и всего, что с ней связано, то я довольна. Врачи здесь внимательные, а отсутствие платы за лечение (подарки не в счет, это просто проявление внимания) позволяет надеяться на то, что они не станут искать у пациентов несуществующие болезни. Во Франции мне доводилось слышать циничные высказывания вроде того, что лечению подлежит не пациент, а его счет в банке. Должна признать, что бескорыстия как такового здесь значительно больше, оно встречается если не на каждом шагу, то, во всяком случае, довольно часто. Особенно умиляют меня отношения между соседями. Они простираются гораздо дальше обычного *bonjour, comment allez-vous?*[84] У соседа можно одолжить небольшую сумму денег (есть люди, которые имеют привычку не возвращать долгов, но о таких принято заранее предупреждать). Можно попросить соль, сахар, масло, лук, папиросы, если эти продукты, имеющие свойство внезапно заканчиваться, вдруг закончились. Можно одолжить столовые приборы или, скажем, стулья, если нагрянуло много гостей. Неприличным считается просить водку, вино или коньяк. Угоститься стаканчиком-другим можно, но попросить у соседа пару бутылок водки, это моветон. Впрочем, при близком знакомстве, таком, как со Светланой и Сергеем, можно одалживать и водку. Здесь близкое знакомство превращает человека в подлинного члена семьи. Разве Нина не сестра нам?

18.12.1961

Сестра читает все подряд, без какой-либо системы, и я к этому привыкла. Но, увидев на ее тумбочке учебник по акушерству, не выдержала и поинтересовалась, не собралась ли она на Бестужевские курсы.

– Бестужевские курсы не готовили акушерок, только блядей! – ответила сестра. – А книгу забыла в гримерной наша уборщица. Ее дочь учится в медицинском, то ли она передала через мать книгу кому-то, то ли ей передали, но наша Маша-растеряша ее забыла. Я подумала – зачем такая полезная книга будет лежать без дела до завтра? Возьму-ка почитаю. Ты знаешь, весьма увлекательно. Наверное, попрошу разрешения оставить книгу у себя до четверга. Знания никогда не бывают лишними,

особенно в нашей профессии. Вдруг придется играть акушерку. То бы я металась как курица, между ног у рожающей, а теперь я знаю, как мне стоять, куда смотреть и что делать руками. Это некоторые и чекиста, и дьячка, и директора магазина играют одинаково плохо. Некоторые! А Раневская ролей не играет, она ими живет!

Учебник написал Абрам Львович Каплан, а у нас в Таганроге был доктор Каплан. Дочь его звали Розочкой, а вот как звали сына, я не помню. Впрочем, Каплан весьма распространенная фамилия, а имена Абрам и Лев встречаются еще чаще. Это Маркус Линкерштейн, наверное, один на белом свете.

19.12.1961

Как же это ужасно, когда единственный сын, вместо того чтобы стать отрадой материнского сердца, становится его болью! Бедняжка Е.! Растить сына одной, отказывать себе в самом необходимом, порой недоедать в прямом смысле этого слова, и что получить взамен? Эгоизм? Взгляд на мать, как на источник сугубо материальных благ? Пьянство? И это с учетом того, кем стал для матери этот ребенок? Она дрожала над ним с первой минуты рождения, дрожит и по сей день. «Иногда я радуюсь тому, что у меня нет детей», – сказала вчера сестра. Я понимаю, к чему она это сказала. Пожалуй, соглашусь с ней. Страдалица-мать винит во всем дурную компанию (компания и впрямь не из лучших, «кто не повеса, тот забулдыга», говорили про таких в Таганроге). Но ведь компанию каждый выбирает по себе, по своим пристрастиям. Обиднее всего, больнее всего хоронить свои надежды. Близких не так страшно хоронить, как надежды, связанные с ними. Перечитала последнюю фразу и ужаснулась. Но оставлю, как есть, потому что думаю именно так. Меня удивляет наивная родительская вера в то, что, женившись, беспутное дитятко остепенится и возьмется за ум. За всю свою жизнь видела такое лишь дважды, и оба раза это произошло не под якобы благотворным влиянием семейной жизни (это все миф!), а исключительно благодаря женам, отличавшимся суровым характером и крепкой волей. Они брали своих благоверных в такой оборот, из которого те уже не могли выбраться. Но таких случаев знаю всего два. Противоположных – раз в сто больше. Сразу вспомнила сына купца Ковалева, который после смерти отца в два года промотал его немалое состояние. То были 15-й и 16-й годы, а в 17-м начались революции. Мать с отцом говорили про Ковалева-младшего: «Как чувствовал Илья

Яковлевич, что недолго ему всем пользоваться». И впрямь, лучше уж так, чем отберут или бросать. Перед отъездом отец пытался сбыть наш дом, но у него ничего не вышло. Не нашлось покупателей, даже с учетом того, что отец не набавлял, а скидывал. Не было уже таких дураков, чтобы покупать недвижимость себе на беду. «Все стали записываться в босяки с таким же рвением, как раньше записывались в аристократы», – говорил отец.

Бедная мать, бедный сын! У них ведь никого больше нет!

20.12.1961

Упросила сестру взять меня с собой на ее творческий вечер. «Разве я тебе дома еще не надоела?» – спрашивала она, но в конце концов уступила. Клуб рентген-института (каких только нет институтов!) находится довольно далеко от нас, но за нами прислали машину с очень вежливым водителем Виталием. Он довез нас быстро и бережно, развлекая по пути остроумными анекдотами с легким налетом фривольности. Если бы мне можно было бы помолодеть наполовину, то я бы позволила себе влюбиться в него. Виталий отметил наше сходство, на то сестра сразу же заявила: «Выступать у вас сегодня будет Изабелла Георгиевна. У меня по расписанию вечер в Колонном зале». Виталий поначалу не понял, что она шутит, и испугался – как же так, ведь мы же договаривались. Я успокоила его. Сестра сказала: «Ничего, вот послушаешь разок-другой, и начнем работать на пару. Это же в два раза больше денег». Меня поначалу пугало слово «клуб», потому что в разговорах я несколько раз слышала уничижительное «клубная самодеятельность», и клубы рисовались мне чем-то таким, не очень благоустроенным и большим. Но этот клуб оказался весьма достойным. Настоящий театр со сценой, залом, мягкими сиденьями и, что важнее всего, с превосходной *acoustique*[85]. Сестра говорила негромко, совершенно не напрягала связки, но ее было хорошо слышно во всем зале. Сестра прочитала «Индейского петуха», два стихотворения А.А., рассказала о своих ролях, а потом начались вопросы. Меня приятно удивило, что вопросы и сейчас принято задавать в старой манере – путем записок. Я почему-то считала, что их станут задавать вслух с мест, а это в некотором роде сбивает выступление с ритма. Говорить должны только на сцене и никаких реплик из зала, с этим классическим правилом я полностью согласна. Очень удивили вопросы. Публика в зале собралась интеллигентная (медицинский научный институт),

поэтому ничего такого не спрашивали, но среди вопросов попадались не совсем деликатные. «Были ли вы замужем?» – «Почему вы не снялись в «Иване Грозном?» – «Правда ли, что вы племянница Чехова?» Про замужество сестра ответила: «Была и есть – за театром!» Ей аплодировали. Насчет «Ивана Грозного» ответ был уклончивым: «не все зависит от нас», а о родстве с А.П. сестра ответила так: «считаю себя его духовной дочерью», и ей снова аплодировали. Ей много аплодировали, и вообще атмосфэра в зале была очень теплой. На вопрос про Алису Георгиевну, Ниночкину *tante*[86], сестра отвечать не стала. Сказала: «А вы пригласите ее, она вам сама расскажет». Вечер получился замечательный. Я нисколько не пожалела, что поехала. Жалею, что не бывала на вечерах сестры раньше. Я увидела актрису Раневскую, актрису, а не свою сестру Фаину, и увидела ее не в гриме, не в образе, а такой, какая она есть на самом деле. Такой, какой я ее не знала. Отношение мое к сестре немного изменилось, стало каким-то возвышенным, что ли. Не почтительным, а именно возвышенным. Виталий отвез нас обратно. Дома сестра спросила, понравилось ли мне ее выступление. Я ответила утвердительно в самых превосходных степенях.

– А что не понравилось? – неожиданно спросила сестра.

– То, что не было пианино и ты не пела, – сказала я.

– Не хватало мне еще представлять тапершу! – фыркнула сестра. – Чего доброго, еще и пропаганду буржуазного мещанства припишут. Ко мне и без этого постоянно пристают. А почему вы читаете Ахматову? А почему вы не читаете Твардовского? Я отвечаю, что читаю то, что считаю нужным, а Твардовский у меня в печенках сидит, потому что мы живем по соседству. Ах, как бы я хотела жить по соседству с Анной Андреевной! Ты знаешь, что бы она сказала, увидев, как я представляю тапершу во время встреч с публикой? Она бы сказала: «Фаиныш, как это на вас похоже». Но я не хочу петь на вечерах. Второй Обуховой я все равно не стану.

24.12.1961

Вчера у нас был «загул», как его назвала сестра. Сначала мы поехали к Ниночке, потом вместе с ней отправились к А.Г. (сестра рассказала А.Г., как ею интересуются зрители), оттуда отправились в дом артистов к Елочке, а от нее нас «украла» Н.С., и наш «загул» закончился на Ордынке. От смены лиц и впечатлений у меня разболелась голова. Сестра подозревает, что всему виной вино (дурной каламбур), которого я, по ее мнению,

перепила, но я-то знаю, что пила мало. Просто уж очень сумбурный выдался день. У Елочки произошел конфуз – она спросила меня, видела ли я первый фильм ее сына (он пока что и единственный, насколько я поняла), а сестра, не дав мне ответить, сказала: «не видела и не собирается смотреть, потому что смотреть там нечего». Е. обиделась, видно было по лицу, сестра пустилась в пространные объяснения насчет того, что единственный, кто сыграл хорошо в этой картине, был С., но одному ему такой «воз дерьма» не вытянуть и пр. Е. оттаяла, но не до конца. Я поняла истинные мотивы сестры, определившие ее отрицательное отношение к этой картине, но мотивы мотивами, а деликатность деликатностью. Если С. имел несчастье сняться в одной картине с неприятной тебе особой, то это еще не повод для того, чтобы портить настроение его матери. Лучше бы промолчала и дала бы мне возможность ответить: «Ах, все собираюсь, да никак не соберусь». Теперь я просто обязана посмотреть эту картину и выразить Е. свое восхищение игрой ее сына. Даже если он там играл плохо, что маловероятно, потому что мальчик талантлив, я все равно расхвалю его. Исправлю оплошность сестры. Воистину, mea lingua mea inimica est![87]. В гимназии я так злилась, когда зубрила латынь, поскольку считала, что нет решительно никакого смысла в том, чтобы учить мертвые языки, а потом вдруг осознала, что попутно с латынью выучила итальянский, смесь латыни и французского.

26.12.1961

Сестра вспоминала, как когда-то мечтала сыграть принцессу Турандот. Обнаружив мое незнание этой пьесы, выбранила меня и вкратце пересказала сюжет, а заодно рассказала и про Вахтангова с его театром. В 21-м году она написала Вахтангову письмо, но ответа не получила. Сестра считает, что письмо попросту не дошло по назначению, потому что только такой наивный человек, как она (это она назвала себя «наивной»), мог отправлять письма в то время. «Ехал через Москву приятель и взялся бросить письмо в ящик на вокзале, да, видимо, бросил не в тот ящик», – горько шутит она. Сестра дважды назвала театр Вахтангова «приютом», я спросила почему и узнала, что туда после закрытия Камерного театра взяли Таирова и Алису Георгиевну. Как все причудливо переплетено – сестра служит в театре, который создан, как она выражается, «на костях» Камерного, дружит с племянницей А.Г., Ирина была женой З., который работал вместе с Вахтанговым, Раечка знакома с дирижером Корнблитом, дальним

родственником Таирова… Стоит только потянуть за какую-нибудь ниточку, как в руках у тебя окажется целый клубок.

27.12.1961

– Младой военнопленный желает заполучить в свои сети старую премудрую пескариху… – бурчит себе под нос сестра и вдруг начинает напевать: – Младой военнопленный, болван наш несравненный, такой непостоянный, негодник окаянный…

Все до конца я не запомнила.

– Репетирую фанфары, – говорит она, встретившись со мной взглядами. – Ты же советуешь мне петь почаще. Скажи-ка, не лучше вместо «негодник» вставить «засранец»?

Я киваю. Пусть будет «засранец». Но разве разрешат произнести это слово со сцены. Здесь очень строго относятся к ругательствам. «Кукиш», пожалуй, самое неприличное слово, которое встречалось мне в здешних спектаклях.

– Младой военнопленный, болван наш несравненный, такой непостоянный, засранец окаянный… – поет сестра.

Рифму она чувствует и какие-то способности к поэзии у нее определенно есть.

– Что за роль? – интересуюсь я. – Новая?

– Старая, с 15-го года, – отвечает сестра. – Блудная дочь репетирует свое возвращение. Не уверена, что дело дойдет до спектакля, но подготовиться на всякий случай надо.

28.12.1961

– Драматург Штейн, Александр Петрович, – представляет мне сестра гостя, – человек хваткий, но непрактичный.

– Помилуйте, Фаиночка, – смеется гость, – разве можно быть и хватким и непрактичным одновременно? Одно исключает другое.

– У вас получается, – сестра тоже смеется. – Вы пишете в нужное время правильные пьесы, и это доказывает, что вы человек хваткий. Но ваш псевдоним… Если бы я была Фаня Рубинштейн, то разве бы я отбросила от своей фамилии начало? Я бы отбросила конец и была бы Фаней Рубин! Претендовала бы на самые высокие ставки, на самые большие гонорары. Говорила бы: «Это вы Штейнам столько платите, а я – Рубин!» В советском искусстве нет ни одного Рубина, есть только конферансье Алмазов, который умеет одновременно шепелявить и говорить в

нос.

Александр Петрович во время войны служил на флоте. Называет себя «литературным матросом второй статьи». На вопрос о том, кто первой статьи, отвечает: «Станюкович». Стыдно признаться, но я даже не знаю такого.

29.12.1961

Чтобы не начинать вторую тетрадь в конце года, вклеила листочек в эту. Новую тетрадь начну в новом году и, вообще, возьму себе за правило каждый год начинать новую тетрадь. Интересно, сколько тетрадей у меня соберется. Очень надеюсь, что не менее десяти, а то и все двадцать. Важно не только прожить годы, но и сохранить ясность мысли. Бабушка Сара дожила до девяноста восьми лет, но последние двадцать была сущим ребенком. В конце первой из моих тетрадей, наверное, следовало бы записать что-то важное, но что важного я могу записать, если все сегодняшнее утро прошло в страшной суете. Мы с сестрой искали ее документы – паспорт, сберегательные книжки, удостоверения, которых вдруг не оказалось на месте. Кого только не успела заподозрить сестра, вспомнив, что последний раз она видела документы недели две тому назад! Мы перевернули вверх дном не только ее комнату, но и мою, на кухне тоже искали, но так ничего и не нашли. «Что будет, если какая-нибудь сволочь с моим паспортом проберется в Смольный! Что будет!» – причитала сестра, а я от поисков одурела настолько, что не понимала, шутит она или боится всерьез. Выбившись из сил, сестра села за стол и начала составлять список подозреваемых, а я начала наводить порядок, потому что квартира выглядела словно после погрома. Искали мы нервно, торопливо, поэтому все, что можно было перевернуть, было перевернуто, а что можно разбросать – разбросано. Вдруг до ушей моих донесся страшный вопль. То кричала сестра. Выронив книги, только что поднятые с пола, я поспешила на кухню и на пороге столкнулась с сестрой. Она прошла к шкафу, запустила руку в карман своего старого пальто и вытащила оттуда документы. Оказывается, она спрятала туда их сама дней десять назад, когда приходил электрик чинить выключатель. Зачем спрятала, если документы и так были под замком? Захотелось. Подумала вдруг, что ящик с замком наводит на мысли о чем-то ценном, а в кармане пальто никто не догадается искать. «Капрыз нашел, – сказала сестра, качая головой, и добавила: – Капрыз со склерозом от маразма привет передают». Я не думаю, что ей стоит сильно убиваться по этому

поводу. Забывчивостью страдают все люди, и желание перепрятать что-то с места на место тоже посещает всех. Это не склероз и не маразм, а просто стечение обстоятельств, лишний повод для наведения порядка.

01.01.1962

Вэй з мир![88] Во дворе пьяный народный писатель подрался с не менее пьяным народным артистом! Разбитые лица, одежда в крови, оба, несмотря на почтенный возраст, крепкие мужчины и дрались всерьез. Причина ссоры – выясняли, кого из них больше любит народ.

– Один мой знакомый актер говорил коллегам: «да тебя же только один народ и любит», когда хотел оскорбить, – сказала сестра, наблюдая за тем, как жены уводят драчунов, все еще порывающихся продолжить драку.

Дом на Котельнической набережной, «замок», один из лучших домов Москвы – и такая безобразная сцена. Отцовские служащие спорили шепотом, потому что в конторе всегда были посторонние, а на втором этаже жила наша семья. Чтобы кто-то из них устроил драку до крови, я и представить не могу. Чтобы Шаляпин подрался с Буниным, поспорив по поводу известности? Даже вообразить такого не могу!

– Подожди, увидишь еще не такое, – «обнадеживает» меня сестра. – Здесь иногда такие баталии разыгрываются, настоящее Бородино пополам с Ватерлоо… Милицию вызывают, а она в битвы титанов вмешиваться боится.

04.01.1962

За несколько часов до Нового года возле Минвод разбился самолет, летевший из Тбилиси. Из-за плохой видимости самолет врезался в гору. Рассказал об этом наш сосед А.П. Возвращаясь в Москву из санатория, он застрял в аэропорту и был так угнетен катастрофой, что сдал билет и уехал в Москву на поезде. Ехать пришлось в плацкартном вагоне (солисту Большого театра!), в пути бедный А.П. так настрадался, что вся польза от лечения пошла насмарку. «Понесло же вас зимой в санаторий», – сказала сестра. А.П. объяснил, что очень любит южную зиму и к тому же с декабря по февраль в санаториях мало отдыхающих, а он очень ценит на отдыхе покой.

– Не выношу тех, кому любой рояль скрипка! – говорит сестра, не откладывая, а отбрасывая от себя газету, читает вопрос в моем взгляде и поясняет: – Хазэр-фисл[89]. Сегодня в моде Куба – давай сюда кубинскую пьесу, завтра будет юбилей Карла Маркса, будем ставить про Маркса. Ты помнишь издателя Маркса?

– Помню, что был такой, – отвечаю я.

– Был! – хмыкает сестра. – Адольф Маркс! Почему бы не поставить пьесу про него? Прогрессивный же был человек, сеял разумное, доброе, вечное. Наверху, как увидят «Маркс», так сразу подпишут все разрешения. А потом будет премьера… Сидит на сцене Маркс, пишет что-нибудь или читает, заходит жена и говорит: «Адольф, пора обедать». Адольф! Маркс – и Адольф?! Всех хватит кондратий, и пьеса будет иметь невероятный успех. Кстати, а папу Адольфа звали Фридрихом, как Энгельса. Как тебе такая пьеса? В основу можно положить какой-нибудь революционный эпизод. Что, не нравится? Эйзенштейн бы оценил, но снимать бы такое не стал. Но почему бы не помечтать, ведь я же говорю о книгоиздателе, а не о каком-нибудь черносотенце. А можно поставить пьесу о декабристах. Я бы сыграла чью-нибудь мать, мать, провожающую сына на Сенатскую площадь! Он бы ушел, весь такой целеустремленный, а я бы бежала за ним и кричала: «Сынок, не опаздывай к обеду!» Какая связь между Сенатской площади и обедом? Никакой, но это бы прозвучало…

Сестра не перестает меня поражать. Сколько замыслов! Сколько идей! Как глубоко она проникает в каждый образ! Как точно находит нужные штрихи. Всего две фразы, а я уже вижу старую графиню, мать декабриста. Не сестру в роли старой графини, а именно ее саму. Такой талант, такой ум, такой опыт! В этом году исполняется 25 лет работы сестры в кино. Ей уже намекнули, что решается вопрос о телевизионной передаче, посвященной этому юбилею. «Что ж, сыграю в ящик!» – лихо пошутила сестра, имея в виду под ящиком телевизор. Я попросила ее больше так не шутить. Не та тема, чтобы шутить. Неспроста же говорят, что половину наших бед мы призываем сами. Но сама мысль о передаче меня радует. Хочу, чтобы это была большая передача и в ней бы снялись все наши близкие друзья. Сестра же подозревает, что это будет «салат из эпизодов и портрет юбилярши сверху». Поглядим, кто из нас окажется прав. «Пусть будет салат из эпизодов, – говорю я, – лишь бы случилось». 25 лет в кино! У меня голова кружится, когда я думаю об этом! 25

лет!

10.01.1962

Приходил смешной молодой человек Саша, начинающий драматург. Убеждал сестру, что будущее за наукой и только пьесы на фантастические темы могут иметь грандиозный успех. Саша не то дальний родственник Ниночки, не то сын кого-то из ее подруг. Сестра для него непререкаемый авторитет. «Ваша Маргарита Львовна – это апофеоз!» – повторил он несколько раз. Оставил сестре для прочтения толстую папку со своей «лучшей» пьесой. Сестра спросила сколько у него их всего. «15!» – гордо ответил Саша. Днем он преподает в школе, по вечерам проверяет тетрадки учеников, а по ночам пишет пьесы. Прочитав первую страницу Сашиной рукописи, сестра пришла в неимоверный восторг. Роль, предназначавшаяся для нее, оказалась ролью 17-летней девушки. «Юноша он странный, но мне все равно приятно! – смеялась сестра. – Завтра же расскажу всем в нашем террариуме, что у меня есть персональный драматург, который пишет мне роли 17-летних красоток. Пусть завидуют!»

12.01.1962

Глаза мои давно привыкли к убогости здешних нарядов, но все равно, каждый поход в магазины одежды навевает меланхолию. «Что ты там хочешь найти?» – смеется сестра. Сама не знаю. Всякий раз надеюсь, вдруг начали выпускать что-то стоящее. Сестра объясняла мне, насколько сложен и долог здесь процесс выпуска новых товаров. Все до мелочей надо согласовывать с министерствами, получать множество разрешений и пр. «В старые времена было легче стать поставщиком императорского двора, чем сейчас «пробить» новый фасон шляпки», – сказала она. Пример впечатлил. Помнится, рассказывали, что водочный «король» Шустов, едва ли не на протяжении всей своей жизни добивался звания поставщика двора, но в конце концов получил его.

14.01.1962

«Другое поколение», – говорит сестра. Во времена нашей юности с поколениями все было ясно – старики, люди зрелого

возраста, молодые люди. Сейчас же все иначе. С. и Л. не могут понять друг друга, потому что они принадлежат к разным поколениям. При разнице в возрасте всего-то в семь лет. Но С. успел поучаствовать в гражданской войне, а Л. тогда еще была девчонкой – и у них противоречия, похожие на тургеневский конфликт отцов и детей. Бедный Тургенев! Из всех русских писателей его мне жаль больше всего. Как его мучила Полина, а он терпел, терпел, терпел…

16.01.1962

Поздравляли Светлану с днем рожденья. Как всегда, у них богатый стол и много гостей. Был и режиссер, который готовится снимать «Войну и мир». Сестра обменялась с ним колкостями, но Светлана вовремя вмешалась и предотвратила ссору. Здесь мало кто умеет правильно принимать гостей. Многие считают, что хозяева должны накрыть стол, а дальше уже вечер пойдет сам собой. Гости обычно предоставлены сами себе, они сами себя занимают, ссорятся, мирятся. Лишь немногие хозяева считают своим долгом не только следить за атмосфэрой приема, но и создавать ее, как того требуют приличия. Все оживленно обсуждали вчерашний указ об обратном переименовании. Гадали, кто будет следующим, после Ворошилова, Молотова, Маленкова и Кагановича. Про Кагановича наш отец говорил: «Ну когда же он споткнется?» У нашего отца с отцом Кагановича, крупным киевским скотопромышленником, были какие-то счеты, чем-то тот его когда-то подвел или хотел обмануть. В начале войны Каганович разорился – стал участвовать в снабжении армии, зарвался, погряз в каких-то махинациях. Нелюбовь с отца перешла на сына, во всяком случае, Каганович был единственным из вождей, за карьерой которого отец пристально следил. Мне из всей этой четверки нравится только Молотов – у него интеллигентное лицо и приятный взгляд. Сестра, запрещавшая мне говорить о политике, немного перебрала и сказала во всеуслышание, что если так пойдет и дальше, то и от Него тоже избавятся. Светлана выразительно посмотрела на меня, и я увела сестру домой. Сестра действительно выпила лишнего, дома она потребовала крепкого чаю и пела какую-то песню про Тбилиси и алычу, не иначе как вспоминала Ф.И. Я вспомнила, как поступала наша кухарка, когда ее муж выпивал лишнего, и вместо чая налила сестре еще коньяку. Она залпом выпила его и тут же заснула, а я села записывать сегодняшние впечатления. Самыми приятными из сегодняшних гостей были Аллочка с Николаем,

молодые супруги, актеры. Аллочка недавно родила, но по ней этого не скажешь – изящная фигурка. Она из хорошей московской семьи (отец – большой начальник в торговле, как шутит Аллочка – «советский купец первой гильдии»). Николай попроще, он из рабочих, откуда-то с Волги. С. шепнула мне на ушко, что у Аллочки был роман с Берия, а Николай у нее второй муж и дико ее ревнует. Я бы на его месте тоже ревновала бы. Аллочка очень красивая, и у нее есть *charme*[90]. Орлову тоже можно назвать красивой, но *charme* у нее нет совсем. А вот Норочка даже в преклонном возрасте будет *charmant*[91]. Аллочка весь вечер говорила о своих планах. Последняя картина, в которой она снялась вместе с мужем, не имела большого успеха. Аллочка винит в том скучный сценарий из современных. Она убеждена, что ее призвание сниматься в классике, особенно тяготеет к Чехову, который принес ей актерскую славу. Сестра, конечно же, не смогла удержаться от замечания. «Сценарист фильм придумывает, режиссер его ставит, а актеры его делают, – сказала она тоном, преисполненным назидательного пафоса. – Нечего на сценарий пенять…» Аллочка ничуть не смутилась и повела себя очень правильно. Сказала, что сестра совершенно права, но, к сожалению, существуют такие сценарии и такие режиссеры, с которыми не стоит связываться ни в коем случае. Сестра захотела примеров. «Да хотя бы «Ошибка инженера Кочина», – сказала Аллочка. – Даже ваша блистательная игра, Фаина Георгиевна, не спасла эту унылую картину!» Уверена, что Аллочка била не наугад, а с умыслом. О том, что «Инженером» сестра крайне недовольна, знают все. Но тем не менее ее умение с достоинством выходить из трудных положений заслуживает восхищения. Она не стала уклоняться от вызова, ответила на него, дав понять, что и у сестры бывали не самые лучшие фильмы, и в то же время облекла свой выпад в деликатную, едва ли не комплиментарную форму. Браво! Но, как мне кажется (а я уже вправе считать себя сведущей), большим надеждам Аллочки не суждено сбыться, потому что ее муж известный актер, а не известный режиссер. Супруге режиссера главные роли в его фильмах обеспечены, талантливой же красавице-актрисе приходится конкурировать за роль с не менее талантливыми и не менее красивыми. Аллочке, с ее амбициями, надо правильнее выбирать мужей.

19.01.1962

Многие из наших соседей – депутаты. Депутатство – здешнее *carte blanche*[92], нечто вроде почетной синекуры. Чем выше в

иерархии стоит совет, в котором заседает депутат, тем выше положение, тем больше благ. Устройство местной власти до сих пор остается для меня тайной. Впрочем, я не очень-то стараюсь вникать. Разве что неприятности, произошедшие с Е.А., немного обогатили мои познания.

21.01.1962

Пока я ходила за хлебом, звонил *Nicolas.* Сестра (она все утро была не в духе) начала выговаривать ему за то, что он мне якобы «надоедает». Когда я вернулась, она набросилась на меня с упреками, половину которых я так и не уяснила. К счастью, *Nicolas* на меня не обиделся. Он уже успел узнать характер сестры. На нее он тоже не обиделся, понимает, что это бесполезно, это все равно что обижаться на грозу – обижайся не обижайся, а она гремит. Мне срочно захотелось уехать куда-нибудь очень далеко, жаль только, что мне некуда уезжать. Гуляли с *Nicolas,* потом пошли в кино. Смотрели французскую комедию про хитрого рыболова. Меня больше забавлял не сам фильм, а комментарии зрителей, касающиеся французской жизни. Пользуясь темнотой, некоторые люди высказывали довольно рискованные, на мой взгляд, замечания. Рынок в маленьком провинциальном городке вызвал восхищение в зале, хотя восхищаться там было нечем. Чувствуется, что тема продовольствия здесь является главной. У меня очень часто спрашивают, какое снабжение во Франции и в Турции.

22.01.1962

– Сегодня – годовщина Кровавого воскресенья, – сказала сестра во время нашего позднего ужина. – Кое-кому захотелось устроить нечто подобное в нашем театре.

– Опять режиссер? – догадываюсь я.

– Нет, на этот раз режиссер ни при чем. На одного актера во время репетиции обрушились декорации. Он чудом спасся – успел отпрыгнуть. Ужас! На его месте могла оказаться я, любой из нас! Завпост целыми днями пьет, а чтобы было на что пить, продает налево доски, гвозди, краску! Я пришла к нему и говорю: «Ну разве так можно?!» – а он отвечает: «А я тут при чем? Когда это случилось, меня вообще в театре не было!»

– Его арестовали? – наивно спрашиваю я.

– Если бы! – фыркает сестра. – Его никогда не арестуют,

потому что он…

Она хватает себя двумя пальцами за ухо, слегка оттягивает и подмигивает мне. Я все понимаю.

– Настоящему актеру декорации не нужны! – продолжает сестра. – Шекспир обходился без декораций, Мейерхольд обходился без декораций, некоторые студии от них принципиально отказываются! Декорации могут только оттенить впечатление, которое создают актеры, сами они ничего не создают. Ну а если актеры ни рыба, ни мясо, пьеса дрянь и режиссер бездарь, тогда вся надежда на декорации. Чем хуже театр, тем богаче декорации!

«Чем беднее обстановка в заведении, тем лучше повар», – говорил мой покойный муж.

25.01.1962

Terrible crime![93] Неделю назад в каком-то рабочем общежитии пьяный негодяй захотел застрелить свою жену и малолетних детей. Якобы жена ему изменяла, а дети не от него. Соседи вызвали участкового милиционера, тот выломал дверь и был застрелен в упор из охотничьего ружья. Ужасно!

26.01.1962

Думали о том, где мы будем отдыхать в этом году. Сестра опасается, что ей «испортят» лето. В театре запланированы продолжительные гастроли по Уралу, везти собираются весь репертуар, и сестре придется ехать. Урал – не курорт, не Крым и не Балтика. Тамошние условия оставляют желать лучшего. «Была я в этом Свердловске, – вздыхает сестра, – дыра дырой, хоть и большой город. Почему бы не послать нас в Прагу?» Решили пока, что поедем в санаторий в августе, по окончании гастролей. Склоняемся к Комарову. Сестра говорит, что там хорошо. «Сама Кшесинская отдыхала!» Верю сестре, но все же замечу, что Кшесинская отдыхала там до революции и явно на каких-нибудь императорских дачах. Но там часто бывает А.А., и вообще собирается «цвет старой и новой интеллигенции», как сказала сестра. Я неосторожно сказала, что в нашем доме тоже собран цвет интеллигенции. «В нашем доме? Цвет? – переспросила сестра. – Раскрой глаза и закажи себе новые очки, потому что старые уже никуда не годятся! В нашем доме живут лауреаты, депутаты и орденоносцы, а интеллигентов здесь раз-два и

обчелся! Убери лифтеров – и в лифтах ссать начнут!» Я попыталась возразить, привела в пример несколько человек, но про каждого у сестры находилось что сказать. Говоря же о Комарово, она закатывает глаза и восхищенно качает головой. Если там не сыро, то я ничего не имею против. А если даже буду иметь что-то против, то уступлю сестре. Она такой человек, что лучше уступить ей, чем настоять на своем. Так проще.

28.01.1962

– Почему до сих пор нет пьес про Гагарина? – недоумевает сестра, и я не пойму – в шутку или всерьез. – Это же такой богатый материал! Я бы сыграла его маму. Он улетел бы, а я бы ждала, волновалась и читала бы вслух соседкам его письма. О, как бы я их читала! С каким выражением!

– Письма из космоса? – удивляюсь я. – И, кажется, он летал недолго, всего два часа. Много бы писем он успел написать?

– Два часа? – спохватывается сестра. – Верно, два часа. А я и забыла, упустила из виду. Тогда понятно, почему нет пьес про Гагарина. Без чтения вслух писем к матери, хотя бы трех, пьесы не получится. Ну – улетел, ну – прилетел, а дальше что?

– К чему ты завела этот разговор? – спрашиваю я, чувствуя себя не собеседницей, а, скорее, зрительницей.

– Нам каждый день твердят, что надо искать новое, а не повторять старое, – сестра смеется, и я понимаю, что это впрямь была заготовка, миниатюра. – Как будто старое не вечно! «Горе от ума»! «Маскарад»! «Чайка»! Пятнадцать лет прошло, а никто уже не помнит ни «Суда чести», ни «Козла»! А «Горе от ума» будут помнить и ставить во все времена, потому что от ума действительно горе!

– Козла? – переспрашиваю я. – Никогда не слышала о такой пьесе.

– Это был фильм, – сестра пренебрежительно машет рукой. – «Кавалер золотой звезды», сокращенно – козел! Мне предлагали роль матери этого самого кавалера, но я отказалась. Раскрыла сценарий, прочла два листочка и сказала свое окончательное «нет»! Роль отдали Маше Яроцкой, матери – это ее специальность. Мне лучше удаются старые дуры!

01.02.1962

Объяснила сестре, что наше с ней соперничество должно

было закончиться в 12-летнем возрасте. Потом уже стыдно и глупо. Предложила покончить с соперничеством хотя бы сейчас. Mieux vaut tard que jamais[94].

04.02.1962

Аз а нар гэйт ин марк, фрэйен зих ди сохрим[95]. Приветливость кассирши из дальнего гастронома объяснилась просто – придя домой, я недосчиталась двух рублей. С пяти рублей она дала мне пятьдесят пять копеек сдачи, а два рубля оставила себе. Долго собиралась с духом, даже в зеркало на себя смотрела, но все же решилась пойти в магазин. Увидев меня, она заулыбалась пуще прежнего, проворковала: «Я вам сдачу недодала, извините» – и выдала два рубля. Мою уверенность в том, что девушка просто ошиблась, развеяла сестра. «Кассиры ошибаются, когда ошибка в твою пользу! – сказала она с убежденностью в голосе. – Если в пользу кассира, то это обсчет. Мерзавка прекрасно понимает, что один-два скандала, и ее уволят. Место в таком магазине ей терять, разумеется, не хочется, вот она и прикидывается дурочкой, если видит, что обман ее раскрылся и сейчас будет скандал!» – «Но я даже рта не успела раскрыть!» – возразила я. Мне всегда жаль менять мнение о людях с хорошего на плохое; и я, насколько могу, этому противлюсь. «Тогда как она узнала, зачем ты пришла? – сестра посмотрела на меня так, как в детстве смотрел отец, когда объяснял нечто очевидное. – Может, ты колбасы забыла купить и вернулась? Ошибившись, кассир не поймет своей ошибки до конца смены, до тех пор пока не будут пересчитаны деньги в кассе. Тебя надули два раза подряд!» Мне не оставалось ничего, как согласиться.

05.02.1962

Сегодня опять говорили про несчастную Алису Георгиевну.

– Лучше бы у них отобрали театр в восемнадцатом году! – сказала сестра, и было ясно, что она в самом деле так считает. – Тогда они были молодыми, а в молодости потери воспринимаются не так фатально. Всегда можно надеяться на то, что тебе еще повезет. Ха! Повезет! Многие считали Таирова везучим! Врагам моим половину такого везения! Пятнадцать лет он жил в ожидании ареста и от этого вечного страха тронулся умом. У них с Алисой отобрали не театр, у них жизнь отобрали, искусство отобрали, все отобрали. Представляю, какая пустота у

нее в душе! Потерять любимого человека, потерять любимый театр, и жить в этом же театре, ежедневно видеть, слышать, вспоминать, сравнивать! Как она сама еще не сошла с ума! Даже у меня ум за разум заходит, когда я сравниваю то, что было, с тем, что есть сейчас! Руины! Жалкие руины! И никакой ремонт не вдохнет в них жизнь! Александр Яковлевич мог ставить все – и «Принцессу Брамбиллу», и «Федру». Даже из такого дерьма, как «Оптимистическая трагедия», он мог сделать спектакль! Каждая его постановка была удачей, более-менее, но удачей, потому что он понимал театр, жил им! Театром жил, а не своими жалкими амбициями! А как играла Алиса Георгиевна! Видела бы ты, как она играла! Знаешь, игра может быть выразительной, может быть очень выразительной, можно войти в образ, ни разу не споткнувшись, можно образ воплотить… Но она ничего никогда не выражала и не воплощала. Она пе-ре-во-пло-ща-лась! Ты чувствуешь разницу? Она становилась тем, кого играла, если слово «играла» вообще здесь уместно, становилась и жила на сцене! Видела бы ты ее после спектакля! То была не великая Алиса Коонен, а ее оболочка. Обессиленная, она сидела в гримерной и подолгу приходила в себя. Она отдала театру все, и это «все» у нее отобрали! А ведь Балиев говорил им: «Уезжайте!» Увы, они его не послушались.

08.02.1962

Когда влюбляешься, поначалу любимый человек – это воздух, биение сердца, вся твоя жизнь. Он рядом, он почти всегда рядом, но это не он, а какой-то образ, созданный в воображении. И когда он уходит, тоже остается образ, но уже другой. Дверь захлопнулась навсегда – и все изменилось. И как бы мы ни хотели вернуть прошлое, чтобы снова стать счастливыми, оно не вернется никогда. Это мои впечатления от книги, над которой я прорыдала три дня. Раскрывала, плакала, читала, плакала, закрывала и снова плакала. Разве можно спокойно читать книгу, если в ней рассказывается про меня?

11.02.1962

Сегодня солнце пригревало особенно сильно. Сосульки начали таять, а я занялась ревизией весеннего гардероба. Увы, к вечеру снова похолодало. Une hirondelle ne fait pas le printemps[96]. Ненавижу зиму, особенно в конце. До сих пор мне выпадало

счастье жить в местах с более мягким климатом. В конце московской зимы начинаешь с удовольствием вспоминать о Касабланке (разве это не показательно?!). Вся моя нынешняя жизнь есть ожидание весны, а до нее еще так далеко…

18.02.1962

Здесь совсем нет *clochards*[97]. Только сейчас это осознала и не стала делиться своим открытием с сестрой, чтобы она надо мной не смеялась. Здесь в самом деле нет *clochards. Nicolas* сказал, что за бродяжничество здесь сажают в тюрьму. Не за то, что натворил бродяга, а за то, что у него нет крыши над головой. Те, кто не работает (пенсионеры не в счет), тоже могут быть наказаны. Это называется «тунеядство». В то же время вокруг множество людей без каких-то регулярных занятий. Парадокс.

20.02.1962

– У отца постоянно болела голова по поводу его капиталов, – сказала сестра, достав свою сберегательную книжку. – Бедный папа, он до утра просиживал в кабинете, прикидывая, куда что лучше вложить, чтобы больше получить. Советская власть избавила нас от этой головной боли. Спасибо ей за это. Биржа! От одного этого слова людей бросало в дрожь! Акции! Котировки! Понижение! Повышение! Одна суета пополам с расстройством. То ли дело сейчас. Я имею деньги на новую шубу и кое-какое обновление обстановки, и я счастлива. Биржевые котировки меня не интересуют! Жизнь прекрасна!

Чувствую, что сестра играет, даже немного переигрывает, но в глубине души согласна с ней.

25.02.1962

Только сегодня узнала от сестры, что князь Андрей из фильма 15-го года про Наташу Ростову – это отец Норочки! Я потрясающе несведуща во многих вещах. Годы жизни вдали от родных пенат не могут не сказаться. И в «Королеве экрана» с Верой Юреневой играл тоже он.

– Вера? – усмехнулась сестра. – Она умерла недавно, в январе. Жила на Стромынке, летом в хорошую погоду гуляла в Сокольниках. Она написала довольно интересные записки,

попроси у Норы, у нее они должны быть.

Непременно попрошу. Актерские мемуары – самое увлекательное чтение.

27.02.1962

Ирина преподает, и, насколько я понимаю, ей нравится это дело. Сестра утверждает, что это у них семейное, ведь лучше педагога, чем П.Л., она никогда не видела. Подозреваю, что на столь высокой оценке не может не сказаться симпатия, но если сестра и преувеличивает, то не слишком. Когда она в хорошем настроении, то говорит: «У Ирины новый самородок», то есть среди учеников Ирины обнаружился очередной даровитый молодой человек. Если же настроение плохое, ворчит: «Честнее всего было бы сказать всем этим мальчикам и девочкам, что актерское искусство агонизирует. Все плоско, серо, искусственно. Лучше пусть идут в инженеры!»

02.03.1962

– Окуневской дали десять лет за антисоветскую агитацию. Отсидела она шесть, – говорит сестра после того, как закончила телефонный разговор. – На самом же деле вина ее была в том, что она отказала Абакумову, министру госбезопасности, которого потом расстреляли. Мы с Татьяной снимались вместе в «Александре Пархоменко». Она играла любовницу батьки Махно. Я смотрела на нее и завидовала белой завистью. Такая молодая, красивая, голос очень приятный. Не то что я, тем более, что меня еще так похабно загримировали, что таперша моя вышла чучело чучелом. А потом, когда ее арестовали, думала иначе. Хорошо, думала, что я такое чучело. Так хоть есть шанс спокойно прожить жизнь.

– Чучело?! – возмущаюсь я. – Не прибедняйся!

– Ну и не принцесса! – возражает сестра. – С Татьяной или той же Яниной, которая играла Золушку, меня сравнивать нельзя… Эх, как же обидно, когда талантливые люди делают что-то спустя рукава!

Замечание относится к Надежде, режиссеру «Золушки». Сестра снялась у нее недавно в главной роли, но картина не имела успеха. Странно, сестра была там неподражаема в роли эксцентричной дамы, бабушки, помогающей своей внучке. Я смотрела эту картину дважды – одни раз с сестрой и другой раз с

Nicolas. Оба раза осталась довольна. *Nicolas,* при всей его сдержанности, несколько раз смеялся, и другие зрители тоже смеялись. Девушка, игравшая внучку, играла хуже сестры, но она же только-только начала играть, разумеется, ей еще далеко до такой опытной актрисы. В чем тут дело? Наверное, в том, что фильм не имеет ничего общего с политикой. Если бы бабушка помогала внучке сажать кукурузу или изобретать новый станок, то отношение к картине было бы совсем другим. Сестра этого не оспаривает, но говорит, что ей надоело сниматься в «политической чепухе на постном масле». Впредь она намерена играть «настоящих людей, а не плакатные образы».

04.03.1962

Что за напасть такая – здешние портные! Что за наказание! Я шила у лучшей из лучших, которую в один голос рекомендовали и сестра, и Ниночка, и Елочка. Они оказались правы только в одном – портниха шьет быстро и всего с одной примеркой. Но при этом она беззастенчиво ворует материал, изощряясь в кройке до такой степени, что почти нечего прихватывать швами. Я говорю не о «запасе», оставляемом на случай внезапной полноты (это распространенная здешняя практика), а о том, что оба моих платья беззастенчиво ползут по швам! Договорились, что она вернет мне деньги, уплаченные за работу, и компенсирует стоимость материи, а платья заберет себе. Настроение испорчено. Я так выбирала материал, так ждала этих платьев, и к тому же на завтра у нас запланирован поход в центральный кинотеатр на премьеру картины, в которой снялся сын Нины Антоновны. Сестра утешает меня, но делает это в своей обычной манере. «Люди придут смотреть не на тебя, Белла, – говорит она. – Они придут смотреть картину, и в зале будет темно. Ты можешь явиться в халате, и этого никто не заметит, а если и заметит, то решит, что это новое хранцузское платье». От подобного «утешения» мне становится еще хуже.

05.03.1962

«Девять дней одного года» – поразительная картина. Не могу сказать, что она мне понравилась, но она меня поразила. Ничего подобного раньше мне видеть не доводилось. Не совсем поняла, почему нельзя было надеть какие-нибудь скафандры, чтобы защититься от радиации, но суть самой драмы уловила

превосходно. Михаил Ильич еще раз подтвердил свое право называться *maître*[98]. Сын Н.А. играл замечательно, его друг-соперник тоже был очень хорош. Прекрасно выступила Ада. Как ей удалось выразить одним взглядом всю эту *gamme des sentiments*[99] – страх, боль, переживание, волнение, любовь, недоумение, все-все. Она сыграла тот эпизод, который украшает картину, словно драгоценный камень. Актриса, игравшая Лелю, тоже была хороша. Сестра шепнула мне, что она родственница тех самых промышленников Морозовых, вспоминая которых, наш отец всегда добавлял к именам «эйзл»,[100] где-то когда-то, должно быть, его интересы пересеклись с их интересами, и результат был не из лучших. Единственным, кто мне совсем не понравился, был лысый ученый, чью жену сыграла Ада. На мой взгляд, здесь надо было играть драму, а не балаган. Впрочем, все великие ученые немного чудаки. Не знаю… Многого я не поняла, но мне не было скучно, а это самое главное, чтобы картина или книга не были скучными. Н.А. может гордиться своим сыном. Жалею, очень жалею, что Михаил Ильич не пригласил в эту картину сестру. Она бы могла сыграть и тот эпизод, что достался Аде, и врача (это было бы бесподобно – дуэт чудака-ученого и сестры), а лучше всего, на мой взгляд, было бы дать главному герою вместо отца тетю, суматошную, добрую, которая и переживает за племянника и одновременно гордится им. Как бы сестра сыграла эту роль! Я поделилась с ней своими планами, и оказалось, что она тоже думала о том же, но выводы сделала другие.

– Тетя нужна! – сказала она. – Без тети картина проигрывает, и проигрывает сильно. Но тетя нужна не Гусеву, а Леле. Она ее воспитала, заменила ей мать, сильно переживает за нее. Ей нравится тот, другой, но она понимает, что вместе с ним племянница не будет счастлива, хоть и станет кататься, как сыр в масле. Но ведь иногда «сыр в масле» важнее счастья, думает она. Тетя могла бы даже затеять какую-нибудь интригу. Пусть картина получилась бы на три-четыре минуты длиннее, но она была бы богаче! Но чему не бывать, тому не бывать. Чувствую, что Михаил Ильич больше не собирается меня снимать.

Я удивилась и спросила почему. Насколько мне известно, сестра никогда с ним не ссорилась. Сестра объяснила так:

– Когда у всех евреев Советского Союза были неприятности, были они и у Михаила Ильича. А я не знала, что у него какие-то особенные неприятности, и не поспешила выразить ему сочувствие. Я же не Орлова, чтобы знать все про всех еще до того, как это произойдет! А он решил, что я его сторонюсь, и стал сдержаннее относиться ко мне, холоднее. Здравствуйте,

Фаиночка, как дела, до свидания… Я сначала удивлялась, понять ничего не могла, а потом мне передали слова Лены, жены Михаила Ильича. Мол, когда все хорошо, друзей полон дом, а как что не так, то никого. Ничего, другим актрисам тоже надо дать возможность сняться у Ромма. Ромм – не Пырьев и не Александров. Ромм – это Ромм!

07.03.1962

У Нюры какие-то срочные дела, а завтра – праздник, и у нас будут гости. Подбадривая себя фразой, fais ce que tu dois, advienne que pourra[101], я сделала уборку и варю бульон. Если Нюры не будет и завтра, то приготовлю гуся с черносливом, это блюдо получится вкусным даже у меня. Гуся сестре подарил кто-то из театра, гусь домашний, жирный, настоящий гусь, еле в холодильнике уместился.

08.03.1962

Сева пришел нас поздравить не один, а с другом Юликом. Юлик – врач, он значительно старше Севы, даже немного удивительно, что у них есть общие интересы. Скорее всего, их объединяет искусство, потому что Юлик пишет рассказы из жизни врачей и даже собирается написать пьесу. Я думала, что сестра станет обсуждать с ним это, но она отреагировала сдержанно: «Пьесу? Вот как! Это хорошо, хорошо…» Юлик немного смутился. Гораздо больше сестра интересовалась тем, в какой больнице работает Юлик и какие операции он делает (Юлик хирург). Сестра, как и я, немного побаивается врачей и предпочитает иметь дело со знакомыми. Я бы никогда не смогла бы работать хирургом!

12.03.1962

– А как тебе такая ситуация, – когда жена номер два пишет донос в НКВД на жену номер один? – спросила сестра. – Заметь, не наоборот, что было бы логичнее, брошенная мстит счастливой сопернице, а наоборот. Причем они работают в одном и том же театре и их общий муж в это время увлечен другой женщиной. Общее горе, общая потеря должны объединять их, разве не так? Правильнее всего было бы написать донос на жену номер три.

Зачем портить жизнь той, которая давно уже не на что не претендует…

Сестра не называет имен, но я догадываюсь, о ком идет речь. Первая жена – это И., вторая – В., третья – Г., а муж это З. Уточнять не хочу, если сестра хочет называть имена, то она их называет, если не хочет, то незачем и спрашивать, все равно не скажет. Да и какое значение имеют имена? Чем дольше я живу, тем чаще убеждаюсь, что имена никакого значения не имеют. Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный. Пушкин был прав, *comme toujours*[102].

– Донос? – переспрашиваю я. – Зачем?

– Затем, что у человека такой характер, – отвечает сестра, вопрос был риторическим. – Затем, что человек не может вынести, когда другому хорошо или не так плохо, как ей. Затем, что она любит ссылаться на свою тяжелую жизнь, репрессированных родственников, особые обстоятельства. А я так скажу – обстоятельства не делают человека. Человека делает он сам. Разве у меня не было обстоятельств? Да сколько угодно! Но я за всю свою жизнь не написала ни одного доноса!

Мне хочется задать еще два вопроса. Хочется узнать, откуда стало известно о доносе (ведь это же секрет) и как после такого между двумя людьми могут сохраняться какие-то отношения, они же ведь сохраняются, насколько я понимаю. Но я колеблюсь, а тем временем звонит телефон. Ну и пусть. Не самая приятная тема для обсуждения.

19.03.1962

Возле подъезда со мной заговорила новая соседка. Ей около пятидесяти лет, на каждом пальце по кольцу, на некоторых – по два. Чересчур яркая помада, неприятный, с подвизгом, голос.

– Это вы сестра актрисы Раневской? Похожи, похожи! Я как вас увидела, так сразу же поняла, что это вы. Вы простите, что я к вам так запросто, но мы же соседи, а соседям лишние церемонии ни к чему…

Сестра бы ей ответила своим излюбленным: «церемонии, милочка, никогда не бывают лишними», но у меня не хватило духу, поэтому я стояла и слушала.

– Ваша сестра – прекрасная актриса! Замечательная! Бесподобная! Удивляюсь, как она, с ее дарованием, могла сняться в «Подкидыше»! Это же все равно что разменять свой талант на медные копейки, на гроши! «Муля, не нервируй меня!» – это же вульгарщина…

Il est aise de reprendre et diffcile de faire mieux[103]. Минут через десять я пробормотала «Прошу прощения» и вошла в подъезд. Боюсь представить, что будет, если эта дама скажет нечто подобное сестре. Светлана сказала мне, что новые соседи – какие-то дипломатические чиновники, он *attaché*[104], а она переводчица. На переводчицу новая соседка совершенно не похожа. Вот Рита Яковлевна, переводчица, с которой я познакомилась у Норочки, похожа – она интеллигентна *du bout des doigts*[105]. Переводчикам приходится много читать, если не по работе, то, во всяком случае, во время изучения языков и овладения искусством перевода, а начитанный человек не может быть столь вульгарным. И она еще осмеливается называть «вульгарщиной» одну из лучших ролей сестры! Она не на переводчицу похожа, а на Енту из Хелма![106]

20.03.1962

Пурим. Грустный Пурим. Меланхолия, тоска по детству, тоска по родителям. Пурим вдовы и старой девы. Надо взять за правило непременно приглашать гостей в праздники. Праздник вдвоем – это так тоскливо! Остается одно – напиться, исполняя заповедь[107].

25.03.1962

Моя сестра – кремень! Моя сестра – великая молчальница! Столько времени вынашивать мысль, думать, сомневаться и не поделиться ни с кем! Ни со мной, ни с Ниной! Даже намеком!

– Надо уходить! – сказала она, имея в виду свой уход из театра. – Ирина зовет меня к Завадскому. Завадский не самый любимый мой режиссер, но я его очень давно знаю. При всех своих недостатках, он человек безусловно талантливый, хотя я иногда и отказываю ему в этом. Но ты же знаешь, что я люблю… преувеличить. С Завадским мы сработаемся, это уже проверено на опыте. И театр Моссовета мне как родной. Вдобавок там Ирина. Знаешь, что бы там я иногда ни говорила, она мне как дочь. Я ее и люблю, и уважаю…

В спокойном настроении моя сестра – настоящая. Мудрая, добрая, справедливая. Такую ее люблю безмерно, и за то, что она бывает такой, за то, что она на самом деле такая, могу все ей простить.

– Так за чем же дело стало? Уходи к Завадскому, – говорю я.

– Есть одно препятствие, – сестра делает паузу, раздумывая, говорить или нет, и все же решается. – Меня тянет в другой театр. В театр Сатиры. Мне кажется, что именно там мое настоящее место…

Про театр Сатиры я слышала, но не одного спектакля там не смотрела. Оказывается, что у сестры там есть приятельница, Татьяна, та самая, что когда-то рассказывала мне про попугая. Татьяна тоже считает, что сестра придется в ее театре «ко двору», и обсуждала это с главным режиссером. Тот обещал подумать, и вот уже почти год думает, не говоря ни «да», ни «нет». Подобное «подвешенное», как выразилась сестра, состояние изрядно ее нервирует. Она тянет с уходом из своего теперешнего театра, несмотря на то, что там ей все «обрыдло до печенок с потрохами». Я понимаю – вдруг сразу же после перехода в театр Моссовета ее пригласят в театр Сатиры? Сестра тогда попадет в крайне двусмысленное положение, окажется между Сциллой и Харибдой. Отказываться будет неудобно – сама же изъявила желание. Принимать приглашение, значит обидеть Ирину и Завадского, получится, что переход к ним в театр был всего лишь *un acte de grand désespoir*[108]. Они могут почувствовать себя оскорбленными даже в том случае, если узнают, что сестра вела переговоры о переходе в другой театр. О, эта театральная дипломатия столь же сложна, что и дипломатия настоящая! И последствия могут быть самыми что ни на есть фатальными. Обиды здесь не забываются.

– А нельзя ли напомнить о себе? Поторопить с принятием решения? – я сама понимаю, что, наверное, так делать не стоит, но все же спрашиваю.

– Мне не к лицу так суетиться, – отвечает сестра. – Не девочка. Да и у режиссеров не стоит создавать впечатления, что на их театре белый свет клином сошелся. Скорее всего, он сам еще до конца не определился. Не исключаю, впрочем, что он не хочет обижать нас с Танюшей отказом, вот и тянет резину. Подожду еще месяц-другой, и если уж ничего не получится с Сатирой, то уйду в Моссовет.

Надо бы мне побывать в театре Сатиры и, желательно, без сестры, поскольку ее приход может быть истолкован как попытка напомнить о себе (*maladroit*)[109]. Лучше приглашу с собой Нину. Вдвоем смотреть спектакль лучше, чем в одиночестве. Будет с кем обсудить увиденное и от кого получить разъяснения, если они мне понадобятся.

27.03.1962

Во время спектакля зрители вели себя не самым лучшим образом – переговаривались, кто-то даже выкрикивал реплики. «Колхозники приходили! – сердится сестра. – Ощущение было такое, как будто я метала бисер со сцены». Кас махт а клугн цум нар[110]– одна придирка следует за другой. И чай я завариваю не так, как нужно, и масло не озаботилась достать загодя, чтобы его удобнее мазать на хлеб, и вообще я дура (это слово в мой адрес было сегодня сказано четыре или пять раз). Терплю.

29.03.1962

Nicolas сегодня сказал мне, что в последнее время я часто ему снюсь. Я кокетливо уточнила, не делаю ли я чего-нибудь неприличного в его снах, он пошутил в ответ, я подхватила и продолжила, в конце концов мы перешагнули все допустимые пределы, а затем он вдруг посерьезнел и сказал, что двух встреч в неделю ему мало, он хочет, чтобы мы были вместе. Меня это заявление и озадачило, и порадовало. Порадовало, потому что больше чем за год я не надоела *Nicolas,* а озадачило, потому что я не хочу ничего менять. Уклад моей жизни в очередной раз сложился наново, я к нему привыкла, пусть все так и останется. *Nicolas* порой бывает на удивление наивен. Какой-то домишко на окраине Москвы, который принадлежит его знакомому, почти полное отсутствие удобств и пр. Я там просто не смогу жить, да и он не сможет, только хорохорится. С его-то ревматизмом и жить в доме без отопления? Настоящий ребенок! Как можно быть таким непрактичным? Сослалась на то, что не могу оставить сестру, которая нуждается в том, чтобы я была рядом. *Nicolas* попытался было возражать, что у сестры есть прислуга и вообще ее быт устроен наилучшим образом, но я ответила, что это потребность духовного порядка, сестре нужно, чтобы рядом с ней был близкий ей человек. Кажется, *Nicolas* не сильно расстроился, видимо ожидал чего-то в подобном роде. Сказал, что в таком случае устроит в доме приятеля мастерскую. У себя дома ему работать не очень удобно, потому что тесно и домашние время от времени что-то портят – разбивают нечаянно или могут смазать только что нанесенную краску, или что-то еще.

30.03.1962

Grande fortune, grande servitude[111]. Удивилась тому, как много пьют некоторые наши соседи, известные,

высокопоставленные люди. Сестра сказала, что ничего удивительного в этом нет. Сначала они пускались во все тяжкие, интриговали, делали зло и боялись, что им сделают зло, чтобы достичь нынешнего своего положения (а эти «тяжкие» и впрямь были тяжкими), а сейчас боятся потерять достигнутое. Подобная жизнь расшатывает нервы и побуждает к пьянству. Вдобавок известным людям приходится много заседать на разных собраниях, большинство из которых заканчивается застольями с обильными возлияниями.

01.04.1962

Весна начинает заявлять о себе. Почему-то в этот раз воспринимаю ее приход без радости. Должно быть, еще не успела прочувствовать.

02.04.1962

Сосед Сергей делился своими творческими планами. Планов у него много, но создается впечатление, что он из тех, про кого говорят: «Il ne frappe point comme il degaine»[112]. Возможно, что я к нему несправедлива, потому что здесь все театральные проекты осуществляются крайне долго. Проще найти деньги для осуществления своих планов, как это делалось раньше и делается сейчас там, чем проходить эти бесконечные круги согласований и утверждений. Спросила сестру, почему она не идет в театр к Сергею. Сестра ответила, что, во-первых, потому что не хочет испортить отношения с соседями, а во-вторых, ей в «театре железнодорожников» делать нечего.

05.04.1962

«Киш мир ин тухес!»[113] – вот что сегодня сказала сестре. Сама не ожидала от себя такой грубости. «Тухес» – это любимое слово сестры, а не мое. Но она сама виновата. Не следовало проезжаться по моим кавалерам. С тех пор минуло уже полвека, многих из них нет в живых, у меня остались только воспоминания, и незачем их пачкать. Как будто какая-то струна оборвалась в моей груди. Я много чего еще сказала, я кричала, и я хлопнула дверью так, что та чуть было не слетела с петель. Долго не могла успокоиться. Успокоившись, поняла, что

переусердствовала в своем (пусть и справедливом) гневе. Мне стало стыдно, и я собралась идти просить прощения, но в тот момент, как я встала, открылась дверь и сестра сказала: «Беллочка, давай выпьем мировую. Я нарезала ветчину, лимон и соленый огурчик, как ты любишь». От этого «как ты любишь» у меня сжалось сердце, а на глазах выступили слезы. Милая сестра, она с самого детства любила меня так, что ревновала ко всем моим кавалерам. И должна признать, положа руку на сердце, что она права в своих оценках. Яша Искубовский действительно был глуповат, манеры Шмулика Фридмана оставляли желать лучшего, Абраша Закс был настоящий шлимазл, а Леву Немировского и впрямь интересовала не столько я, сколько мое приданое. Но какая сейчас разница? По мне, так совершенно никакой.

08.04.1962

Ездили на могилку к П.Л., пробыли долго, прибирались, потом сидели и вспоминали, то есть вспоминала сестра, а я слушала. Какой же скучной представляется мне моя жизнь, в сравнении с жизнью сестры! Но я бы столько не вынесла. Не смогла бы.

10.04.1962

– Je pense à toi… Je tiens à toi… Tu me manques… J'aime…[114]

Девушка, встреченная нами на бульваре, прижимала к груди раскрытую книгу и повторяла вслух французские фразы. Со стороны это выглядело так, будто она объясняется в любви своему учебнику. Меня больше всего поразил прекрасный парижский выговор, чистейшей воды. Такую французскую речь хотелось слушать, как музыку. Я соскучилась по французской речи, по Парижу, по круассанам с *rue Monge*, по настоящему горячему шоколаду… Здешнее какао вызывает во мне отвращение. J'aime…

12.04.1962

Год назад человек впервые полетел в космос. Даже я, с моей памятью, не забыла об этом. Зачем писать во всех газетах? Лучше бы публиковали побольше театральных рецензий. Бывают дни, когда вся здешняя пресса становится одинаково скучной.

15.04.1962

– Между актером и создаваемыми им образами всегда лежит пропасть, – убежденно говорит сестра. – Только бездари играют самих себя. А что им остается делать, ведь они больше никого не смогут сыграть. Однажды я услышала от Завадского: «Будьте собой!» Дело было на репетиции. Я села, закурила и сказала: «Вот, я стала собой. Что дальше?» Он так и не нашелся, что мне ответить. Я докурила и снова вошла в образ. Быть собой проще простого, потому что для этого не нужно прилагать никаких усилий. Зачем тогда учиться? Чему тогда учиться?

– Но мне всегда казалось, что игра актера должна быть естественной… – говорю я.

– Игра! – восклицает сестра. – Именно что игра! Надо говорить не «будьте собой», а «играйте естественно»! В этом же вся суть! Зрители не должны видеть актера, они должны видеть образ, которы он создает! Знаешь, что такое идеальный актер? Это кукла без лица, раньше у крестьянских детей были такие тряпичные куклы. Режиссеры должны требовать от актеров, чтобы те никогда не смели быть собой!

– Тебе надо преподавать! – убежденно говорю я. – Почему ты не преподаешь?

– Могла бы, но не хочу, – отвечает сестра. – Не тот у меня характер, да и лишнего идиотизма не хочу. Хватит с меня и театрального. Ты думаешь, что преподавать так просто? Спроси у Ирины, сколько условностей окружает этот процесс, и поймешь, почему я не хочу преподавать.

17.04.1962

Побывала с Ниной в театре Сатиры. Смотрели «Дамоклов меч». Спектакль посоветовала Нина, сказала, что это один из лучших. Я настроилась на трагикомедию в древнегреческом духе (Дамокл, Дионисий, Сиракузы), а попала на какой-то политический фарс на тему атомной бомбы. Впечатление одно – голова идет кругом и никакого удовольствия. Много действующих лиц, все не говорят, а кричат, не ходят, а бегают и пр. Похоже на *prise de la Bastille* в уличном балагане. Балаган – вот точное слово, характеризующее этот театр. Не исключаю, что сатирический театр таким и должен быть, но явственно понимаю, что сестре моей здесь делать нечего. Понимаю ее тайный расчет, о котором она умолчала – в таком скопище молодежи все возрастные роли преимущественно доставались бы ей. Изрядно

насмешила женщина, сидевшая справа от меня. Когда на сцене произнесли слово «аборт», она громко икнула от неожиданности и возмущенно сказала своему спутнику: «Какой ужас!» Не понимаю, что такого в этом слове, тем более, что оно было сказано к месту. В этом отношении здесь все немного *puritains*[115]. Я поделилась своими впечатлениями с сестрой, та сказала, что я не понимаю здешних *conjonctures*[116] и что турецкий драматург Хикмет, который написал эту пьесу, сейчас в большой моде. Оказывается, что в театре Моссовета сестра играла старуху в одной из его пьес, рассказывающих про Турцию. Сестра исключительно дотошно вживается в роль. Готовясь играть турецкую старуху, она не могла не познакомиться с турецким языком и, кроме обычных «йигюнлер»[117] и «чок тешекюр»[118], выучила несколько витиеватых бранных фраз и песенку с заунывным припевом «Най-най аман-аман» (если закрыть глаза, то кажется, что поет настоящая турчанка).

– Пусть так, – сказала я. – Пусть этот Хикмет здесь свет в каждом окошке и в каждой булочке изюм, но этот театр не для тебя!

Хотела добавить, что Ниночка тоже так считает, но испугалась, что мне попадет за то, что я распустила язык. Но я на самом деле его не распускала, просто сказала Н., что не смогла бы представить сестру на этой сцене. Сказала будто невзначай, пришла в голову мысль, я и сказала. «И речи быть не может!» – не раздумывая, ответила мне Н., несмотря на то, что обычно ей несвойственна подобная категоричность.

– Это я уже поняла, – сказала сестра. – Значит, не судьба. Надо идти туда, куда зовут.

К тому же Н. рассказала мне, что у главного режиссера театра Сатиры весьма крутой нрав и он неукротим в своем гневе. С таким человеком моя сестра никогда не сработается. В лучшем случае они расстанутся, в худшем – поубивают друг друга. В Таганроге был такой случай – актер какой-то заезжей антрепризы во время репетиции ударил режиссера по голове графином, да так сильно, что убил на месте. Это случилось за два или три месяца до того, как сестра заявила отцу, что хочет стать актрисой. «Знаю я этих актеров! – кричал отец. – Бездельники! Развратники! Убийцы! Разве это компания для моей дочери?!»

19.04.1962

Не успели мы начать отмечать Песах, как сестре позвонили из театра и долго уговаривали ее согласиться на замену заболевшей

актрисы в каком-то спектакле. Сестра отказывалась, и так и не уступила.

– Это не тот случай, чтобы соглашаться, – сказала она. – Я выйду за нее несколько раз по просьбе режиссера, а она потом станет всем жаловаться, что «старуха Раневская», так она меня называет, воспользовалась ее болезнью, чтобы посягнуть на ее роль. Было бы на что посягать! Тоже мне роль домработницы – три слезинки, две сопли! Я не хочу, чтобы меня ославили из-за этого «Трехминутного разговора»! Проще отказаться.

22.04.1962

Вчера умерла актриса Людмила Фетисова из театра Армии. Скоропостижно. Я ее не знаю, но это известие сильно расстроило сестру.

– Такая молодая! – сокрушается сестра. – Тридцать шесть – это разве возраст?! А какая талантливая была актриса! И какой человек! Это же такая редкость, чтобы талант уживался с человечностью! Она была как ангел, никакая грязь к ней не липла! Настоящая театральная актриса, в кино принципиально не снималась, не хотела. А могла играть всех и все – кавалерист-девицу, фабричную девчонку, аристократку, интриганку… Покойный Алексей Дмитриевич был в восторге от ее игры! Как же рано уходят лучшие люди… Последняя роль ее была в пьесе нашего Рубинштейна, который Штейн. Я собиралась посмотреть, да все откладывала. Вот и дооткладывалась…

25.04.1962

В гостях случайно «столкнулись» Орлова и Ниночка, два совершенно разных человека, которых вместе, наверное, лучше не сводить. Орлова «проезжала мимо и решила заглянуть на огонек» (при ее великой занятости, о которой она то и дело говорит, в это верится с трудом). Л.П. собирается в Италию, она там не была пятнадцать лет. Сестра сказала, что Л.П. везет, ездит за границу она часто, да еще и вместе с мужем. А потом, когда Л.П. ушла, сказала нам с Ниночкой, что их-то можно выпускать хоть вместе, хоть порознь, семья там номинальная, а главный их «якорь», который держит Л.П. с мужем здесь, это их дом во Внуково и вклады в сберкассах. «Да и кому они оба там нужны?» – добавила она. «Поэтому и выпускают», – вздохнула Ниночка. Ей бы тоже хотелось ежегодно или хотя бы раз в два года ездить за границу,

да еще и за счет государства, но увы, это доступно лишь избранным. Для всех остальных граждан заграничные поездки – недостижимая (или весьма трудно достижимая) мечта, поэтому заграница (капиталистический мир) видится отсюда чем-то сказочным. Когда я говорю, что ничего такого особенного во Франции и Италии нет, а в Турции, так вообще, мне почти никто не верит. Париж советским людям рисуется каким-то раем. Да, это рай, но только для тех, у кого есть деньги, и немалые. А разве богатым плохо здесь? Богатым везде хорошо, бедным везде плохо, но здешняя жизнь, при всех ее недостатках, спокойна.

26.04.1962

Дирекция театра обещала сестре (и мне, как «члену семьи народной актрисы») путевки в актерский пансионат в Ялте, но в последний момент оказалось, что на всех желающих не хватает путевок. Сестре, как народной актрисе, предложили одну путевку.

– Я сказала – или две, или ничего, и ничего не получила, – сердится сестра. – Нет, ты скажи – почему кто-то может по три раза в год брать путевки на себя и на очередную свою жену, а мне не дают отдохнуть в компании с родной сестрой. Знаешь, что мне сказали эти засранцы? Поезжайте одна, отдохните друг от друга! Я ответила, что, кроме как от них, мне отдыхать не от кого, и ушла. Так и подмывало плюнуть, хотя бы на пол, но я удержалась. Пусть они подавятся своей путевкой! На Урал они меня могут отправить, а в Крым у них не хватает путевок! Лучше бы наоборот!

Ирина предлагала помочь, сестра отказалась. Она считает, что невозможно действовать через Ирину после того, как ей отказали, да еще столь невежливо. Театр предложил ей две путевки в Рузу, но это не вполне адекватная компенсация, поэтому сестра отказалась (разумеется, и администрация, и ни в чем не повинный пансионат в Рузе были посланы куда подальше). Решено – мы едем в Комарово, как только закончатся гастроли по Уралу.

29.04.1962

Часто слышала про ВДНХ, решила наконец увидеть. Не понравилось совершенно. Вульгарная безвкусица. Одно строение показалось пародией на *Château de Fontainebleau.* Устала неимоверно, больше никогда туда не пойду.

30.04.1962

– А йидише тохтер[119], – ворчит сестра, заглядывая в стоящую на плите кастрюлю. – Конечно же, бульон, что еще там могло быть?

– Странно, если бы там сидела живая курица! – отвечаю я.

– Бульон – это хорошо, – спешит успокоить меня сестра. – Плохо, это когда пустая кастрюля. В былые времена считалось, что хорошая хозяйка должна уметь приготовить пять блюд из одной курицы – суп, котлетки, жаркое, холодец, фаршированную шею. Елочка умеет приготовить семь, а я люблю, чтобы курица была как курица, а не как разбор пьесы в нашем театре – всего по чуть-чуть, а укусить нечего! Так я им завтра и скажу – ваш разбор, как восемь блюд из одной курицы!

03.05.1962

Смотрели картину про самолет, в котором злоумышленники усыпили экипаж. Действие происходит в капиталистическом мире, все, конечно же, представлено совсем не так, как на самом деле, да и вообще картина неинтересная, но мы ходили посмотреть не столько на саму картину, сколько на Володю, молодого актера из театра сестры. Володя играл американского моряка. Сыграл хорошо, несмотря на то, что роль была хоть и небольшой, но сложной – бедного Володю по ходу фильма то и дело избивали. Сестра очень высоко отзывается о его способностях и обвиняет театральное начальство в невнимании к талантливым молодым актерам. Володю довели до нервного срыва, сначала дали ему хорошую роль, а потом отобрали, «засунули в массовку», как выражается сестра.

– Сначала царь Борис решил, что чешская комедия, это для него слишком мелко, и отдал постановку Власову, – рассказывала сестра после сеанса. – Но когда понял, что спектакль будет аншлаговым, решил заняться им сам. Убрал Власова (не знаю, дождался ли Власов благодарности), перетряс весь актерский состав. Володе обещали эту роль, когда брали в труппу. Ну и что, что его председателю пятьдесят лет? Почему Любка может в свои шестьдесят играть комсомолок, а Володя в свои двадцать пять не может сыграть пятидесятилетнего мужика? Тем более что он такой коренастый, голос хриплый, настоящий мужик, а не юноша бледный. И почему, если он не подходит, об этом не подумали раньше, когда утверждали первый состав? Кто его утверждал? Пушкин? Нет, я все понимаю, но так же нельзя! Это у меня можно

отобрать все – роль, путевку, еще что-нибудь, и я переживу, потому что я уже тертый калач, прошла огонь, воду и медные фанфары! Я все видела, ко всему привыкла и ничему не удивляюсь. Но Володя! Он же только пришел в театр! У него же восторг на лице был написан вот такими буквами! И так его обидеть! Обломать крылья в самом начале полета! «Вы хотите, чтобы люди не пили? – спросила я на собрании. – Так не делайте им горя, потому что пьют всегда с горя, на радостях только слегка выпивают. Относитесь к людям по-человечески на деле, а не только на словах. А то как с трибуны вещать, так у нас каждый паразит добрый и чуткий товарищ, а как до дела дойдет, так ни одного товарища вокруг, одни паразиты!» Роль, конечно, Володе не вернули, но и из театра не выгнали, хоть какая-то польза от моего выступления.

06.05.1962

Иногда наше общение с сестрой проходит по правилу дер шустер рэдт фун дер копите, дер бэкэр фун дэр лопетэ[120]. Если она не расположена слушать, то она не станет слушать. Никакие доводы не возымеют своего действия, если их не хотят слышать. Я слушаю доводы сестры, она же мои – никогда. Отмахивается, перебивает, а если я все же прошу дослушать до конца, то пропускает мимо ушей. Меня очень обижает подобное отношение, мне кажется, я уверена, что заслуживаю другого и все вообще должно быть не так, а как-то иначе.

08.05.1962

Сегодня и завтра у сестры выступления. Я сижу дома. Хочется одиночества и тишины. Телефон, как назло, трезвонит постоянно.

11.05.1962

– Роль нельзя доводить до совершенства, – сказала сестра, когда мы с ней обсуждали виденные спектакли. – Как не существует идеальных людей, так и не может существовать идеальных ролей. В любой роли должна оставаться какая-то недоговоренность, какая-то шероховатость, неуловимый изъян. Иначе это будет не роль, а черт знает что. Недоговоренность делает роль живой, объемной. Она дает зрителю возможность

домыслить увиденный образ, прочувствовать его. В молодости я грешила стремлением доводить все роли до идеала. Если что-то, даже самая малая мелочь, не удавалась, у меня опускались руки. Лиля, смеясь, ругала меня, говорила, что нельзя быть такой занудой, что играть надо легко, что внимание к деталям не должно оборачиваться выхолащиванием роли. У нее был свой термин для таких случаев – «филигранничать». «Не филигранничай!» – говорила она, и я понимала, что снова начинаю перебарщивать. А Качалов говорил, что работа над ролью сродни очистке материи от пятна. Мало потрешь – пятно останется, сильно потрешь – до дыр протрешь, поэтому тереть надо в меру. Грубовато, ему вообще импонировали такие грубоватые сравнения, но верно. До дыр тереть нельзя!

13.05.1962

Il faut vieillir ou mourir jeune[121]. В последнее время самочувствие мое ухудшилось настолько, что удостоилось чести быть отмеченным в моем дневнике. Утром немного тяжело вставать, чувствую себя слабой, иногда покалывает в боку. Приходила врач из поликлиники, выписала витамины в уколах и посоветовала изменить характер питания – отказаться от жирного и есть больше овощей и фруктов. Что я там ем жирного – куриную ножку или кусочек колбасы. Медсестра, которая делает уколы, похожа на *Vivien Leigh*. Рука у нее настолько легкая, что я каждый раз спрашиваю: «Что? Разве уже все?» После укола лежу с грелкой и думаю о том, как быстро промелькнула моя жизнь. Чувствую приближение старости. Именно старости, а не просто ощущаю свой возраст. Очень боюсь впасть в маразм и быть сестре в тягость.

14.05.1962

Из дома не выхожу, мне прописан постельный режим. Ниночка привозила ко мне профессора-невропатолога. Тот нашел, что мои нервы с сосудами в полном порядке. Уколы, назначенные мне, одобрил. Много читаю. *Nicolas* навещал меня. Приходила Норочка, принесла мне *Madame Bovary* и *La Peau de Chagrin.* То я старалась как можно больше читать на русском о современной жизни, а теперь меня потянуло на французское и по-французски. Газет почти не читаю, приелись. Сестра подшучивает надо мной, утверждая, что все нормальные люди читают только списки

награжденных и некрологи, больше в газетах читать нечего.

16.05.1962

Сестра была у Нины Антоновны, видела там Анну Андреевну. Радуется тому, что А.А. хорошо выглядит. А.А. спрашивала обо мне.

18.05.1962

В отличие от сестры, у меня нет сильной воли. Моя воля настолько слаба, что можно считать, будто ее нет вовсе. Я никогда не могла (да и сейчас не могу) заставить себя делать что-то, чего мне не хочется делать. И непременно придумаю какую-нибудь отговорку в свое оправдание. На это ума хватает. Трудности пугают меня, неудачи огорчают, критика со стороны может довести меня до нервного срыва. Сестра совсем не такая. Ее можно критиковать, она только усмехнется и скажет: «Я же не Любка, чтобы всем нравиться». Неудачи только раззадоривают ее, а трудностей она, кажется, вовсе не замечает. Слушая ее рассказы о Крыме, о Ташкенте, я понимаю, что никогда бы не смогла пережить и сотой доли того, что пережила моя сестра. Сестра же смеется и говорит, что когда-то она тоже думала, что нет беды хуже, чем жидкое варенье. Вспоминает, как брат угощал ее портвейном, украденным из кладовой. «Пока не попробуешь, не поймешь, сколько ты можешь выпить», – говорил он, наливая на донышко бокала какие-то считаные капли. Так и с невзгодами, считает она, пока не столкнешься с ними, не можешь понять, сколь многое ты в силах вынести. Не знаю. Благодарю судьбу за то, что она хранила меня от тяжелых испытаний. Создается впечатление, что все испытания, предназначенные нам обеим, выпали на долю моей несчастной сестры. Все мы несчастны. Да и можно ли, прожив достаточно долго, продолжать считать себя счастливым? Оглядываюсь по сторонам, перебираю в памяти знакомых и не вижу счастливых людей. У каждого свое горе, свой камень на душе.

20.05.1962

Уколы определенно помогают. Я чувствую себя лучше. «Авитаминоз, алкоголь и «абжорство» – причина всех болезней», –

шутит моя милая доктор. Алкоголь она мне не запрещает, просит только соблюдать меру. «Всего по чуть-чуть, и можно жить!» – говорит сестра.

21.05.1962

В гостях у верхних соседей познакомилась с супружеской парой. «А это Михаил Иванович, наш ключарь, – представила сестра. – Он отпирает своим ключом дверь за границу». Я решила, что Михаил Иванович начальник *gardes-frontières*[122], но оказалось, что он секретарь комитета по защите мира (всегда была уверена, что мир защищают военные, а не какие-то гражданские комитеты). Михаил Иванович решает, кто поедет за границу защищать мир, то есть участвовать в каких-то мероприятиях, потому сестра и зовет его «ключарем». Лицо у М.И. простоватое, крестьянское, но держится он с большим достоинством. По выражению его лица было заметно, что фамильярность сестры ему не по душе. Когда мы вернулись домой, я сказала ей об этом. «Плевать! – ответила сестра. – Я могу говорить все, что захочу, ведь меня никуда не выпускают. Один раз только в Чехословакию на съемки отпустили, вскоре после войны, но тогда еще не было Израиля…» «Ты хотела бы уехать туда?» – удивилась я, потому что сестра никогда не говорила о желании эмигрировать. «Они думают, что я хочу, поэтому и не выпускают, поэтому самая дальняя заграница для меня это Таллин, – сказала сестра. – А хотелось бы съездить во Францию, в Швейцарию, побывать в тех местах, где мы бывали всей семьей». Я не стала заострять внимание на том, что до революции мы ездили на фешенебельные курорты, останавливались в лучших гостиницах, ели в лучших ресторанах. Все это и тогда стоило дорого, а о том, сколько стоит сейчас, и подумать страшно. Даже если сестру и выпустили бы сейчас за границу, то она смогла бы только посмотреть издалека на милые сердцу места. Да и прошлого не вернуть, это только кажется, что его можно вернуть. Обманчивая, болезненная иллюзия.

25.05.1962

Ma solitude me pèse[123]. Профессор, которого привозила Ниночка, ошибся – нервы мои никуда не годятся. Впрочем, он больше интересовался не тем, как часто я нервничаю, а тем, как слушаются меня руки и ноги, и тем, кружится ли моя голова,

когда я закрываю глаза и вытягиваю вперед руки.

28.05.1962

Ниночка принесла новость о повышении цен. Якобы с 1-го июня все продукты подорожают чуть ли не вдвое. В магазинах очереди длиннее обычного, люди стараются накупить продуктов впрок. «На всю жизнь не напасешься», – сказала сестра, и мы не пошли по магазинам. Сестра права – лето, жара, то, что не уместится в холодильнике, неминуемо испортится. Можно было бы запастись сахаром, но после того, как я трижды, забывшись, покупала сахар, запас на три-четыре месяца у нас есть. Даже на больший срок, ведь сестра уезжает на гастроли, а без нее расход всех продуктов значительно снизится, потому что гостей станет приходить гораздо меньше, ко мне почти никто не ходит, разве что *Nicolas,* или Ниночка, или соседка Светлана может заглянуть поболтать. Но это не «протокольные» (выражение сестры) гости, то есть к их приходу не надо накрывать изобильный стол. Я бы и накрыла, разве жалко для приятных людей, но *Nicolas,* не желая утруждать меня, всегда отказывается от угощения, с Ниночкой мы пьем «чай с разговорами», а Светлана сама почти всегда приносит какое-то угощение – то пирожки, то печенье. Она любит готовить и угощать. Щедрая натура.

01.06.1962

Цены действительно повысились, но всего на треть. Газеты пишут, что это сделано по просьбе людей, для того, чтобы нельзя было передавать продукты из государственных магазинов на рынок. Я попыталась понять суть этой аферы с передачей продуктов, но так и не смогла этого сделать. Если выгодно брать продукты из магазинов и продавать на рынках дороже, то повышение цен ничего не изменит. Все останется прежним, только подорожают и продукты на рынках. Если бы закрыли рынки, тогда другое дело. Поделилась своими соображениями (точнее – недоумениями) с сестрой. Она посоветовала мне не забивать голову всякой ерундой и заявила, что рынки не закроют никогда, иначе все, и горожане, и крестьяне, «сдохнут с голоду». Не удовлетворившись таким объяснением, я спросила мнение *Nicolas*. Он ответил, что, к счастью, родился довольно давно, поэтому политэкономию не изучал и ответить на мои вопросы не может. Сосед Сергей постарался мне объяснить, даже какие-то

кружочки на бумаге рисовал, но я так ничего и не поняла. Для сестры мой интерес к этой теме стал поводом для многочисленных шуток. Дошло до того, что она сказала Ниночке, якобы я хочу окончить бухгалтерские курсы и прошу найти для меня подходящий вариант. Бедная Ниночка поверила и пыталась узнать у меня, какими документами об образовании я располагаю. Невероятно – я и бухгалтерские курсы! Что это вообще такое – бухгалтерские курсы? Отцовские бухгалтера, насколько я помню, курсов не заканчивали.

05.06.1962

Слухи о забастовке рабочих где-то под Ростовом. Забастовка была такой, что ее пришлось разгонять солдатам. Погибли люди. Совсем как в старое время. Изменилось все, но ничего, в сущности, не изменилось. Сестра готовится к отъезду. Беспокоится, что на Урале тоже могут быть народные волнения. «Видела бы ты этот Свердловск, – говорит она. – В магазинах пустые полки, если выбрасывают кости, загримированные под суповые наборы, то за ними сразу же выстраиваются очереди». Я беспокоюсь и советую взять с собой побольше консервов. Она наотрез отказывается – неподъемная тяжесть, говорит, что как-нибудь прокормится, ведь актерам столичного театра не дадут умереть с голоду. «В крайнем случае, поступим так, как когда-то в Крыму – начнем менять билеты на продукты, – горько шутит сестра. – Это гораздо веселее, чем продавать за деньги, потому что никогда не знаешь, что тебе сегодня принесут». Я говорю, что могу передавать ей посылки с проводниками (здесь это распространенная практика). Сестра снова отказывается. Я посоветовалась с Ниной, она успокоила меня, сказав, что я делаю из мухи слона.

06.06.1962

Сестра и Елочка спорили о том, как надо делать актерскую карьеру. Сестра утверждает, что вдали от столицы становление молодого актера происходит быстрее, потому что там ему достается больше ролей, а Е. считает, что в Москве все же лучше, пусть ролей меньше, но они «заметнее», есть возможность сниматься в кино и пр. Обе апеллируют ко мне. Я отмалчиваюсь, ссылаясь на свою неосведомленность. Это как раз тот случай, когда лучше показаться глупой, чем блеснуть умом.

10.06.1962

У *Nicolas* большие неприятности. Его втянули в них какие-то авантюристы, скупавшие антиквариат для перепродажи иностранцам (причем не за рубли, а за иностранные деньги, что само по себе уже является ужасным преступлением по здешним меркам). *Nicolas* предложили немного заработать на реставрации каких-то канделябров, он согласился, и теперь его хотят сделать соучастником. Бедный *Nicolas*! Ему запретили уезжать из Москвы – это предвестие ареста! Он готов понести наказание за то, что незаконным образом получал деньги за свою работу (тем более, что наказание за эту провинность незначительное), но не хочет, чтобы его втягивали во все остальное, тем более что этим горе-коммерсантам грозит весьма суровое наказание не менее 10-и лет! Я готова дать показания в пользу *Nicolas* и сказала ему об этом, но он ответил, что я ему ничем помочь не смогу. Он ошибается, ведь должно браться во внимание каждое свидетельство в пользу обвиняемого! Нашла среди книг сестры сборник судебных речей известных русских юристов (чего только она не читает!), начала читать. Если мне придется выступить в суде, то я должна быть убедительной.

12.06.1962

– Темперамент без таланта никуда не годится даже в постели, – сказала недавно сестра. – А на сцене это подлинная беда. Кричат, дергаются, в экстаз себя вгоняют, а все без толку. Воскресни Станиславский, так сказал бы свое «Не верю!». Как можно верить, если они сами себе не верят? Играют надрыв,

трагедию, а за кулисами сразу же начинают анекдоты друг дружке рассказывать. Потому что – играют! Играют, а не живут! Я, когда Зинку в «Патетической сонате» играла, готова была любому зрителю на месте отдаться, при условии, конечно, что он симпатичный. Иначе и нельзя, ведь если ты играешь проститутку, так будь ею! Нельзя играть проститутку и оставаться при этом королевой! Впрочем, гораздо чаще бывает наоборот – играют королев, оставаясь в душе проститутками. Зрители эту фальшь чуют сразу. А когда я Вассу играла, мне по ночам мои дети снились. Не мои, конечно, а ее, но я их воспринимала как своих, переживала, душу на клочки рвала. Если изображаешь надрыв, а душа цела, аплодисментов не дождешься! Даже на Урале! Даже за Уралом! В театр преимущественно ходят люди умные, способные тонко чувствовать. Знаешь, что заявила недавно одна наша звезда? «Я, – говорит, – стараюсь поменьше гримасничать, потому что от этого бывают морщины!» Ты представляешь?! Мимика для нее называется «гримасничать», и она боится морщин! Конечно! Ее ж фотографии печатают в иностранных журналах! Как же можно иметь морщины? Я ей сказала на это: «Милая, вы совершенно правы, от гримас бывают морщины. Почему бы вам не пойти работать в универмаг манекеном? Вы же только манекен можете изобразить натурально». Она в слезы, режиссер в крик, другие нимфы на меня косятся неодобрительно, а Людмила рассмеялась и говорит: «Не в бровь, а в оба глаза!»

15.06.1962

Nicolas был у следователя. Говорит, что тот настроен благодушно, даже чаем угощал. Интересовался знакомыми реставраторами *Nicolas.* Пока что *Nicolas* не разрешили никуда уезжать, а ему как раз подошел срок ехать в Смоленскую область к своему деловому партнеру.

17.06.1962

On doit dire le bien du bien[124]. Этому правилу я следую всю свою жизнь и стараюсь во всем находить что-то хорошее. Здешняя жизнь настолько спокойна, что я порой, отправляясь в магазин, забываю запереть дверь. И открываю на звонок или стук, не интересуясь, кто это пришел. Подобного поведения совершенно невозможно представить в Париже, не говоря уже о Марокко или Турции. Сестра смеялась, когда я заводила разговор о

спокойствии жизни, и советовала мне прогуляться в Марьину рощу. Я уговорила *Nicolas* стать моим гидом по этому зловещему району и была крайне разочарована, не найдя в нем ничего зловещего. Обычные дома, обычные дворы, обычные люди. Никто не крался за нами, никто не задирал нас и не угрожал нам. Но гулять там скучно, мне больше по душе бульвары и тихие переулки в центральной части Москвы.

24.06.1962

Сестра уехала «в ссылку» (так она назвала эти гастроли), и я сразу же начала скучать по ней. Занимаюсь домашними делами, гуляю, хожу в гости, но тоска не оставляет меня. Сестра попросила наших друзей «опекать» меня, они ежедневно звонят и интересуются, не надо ли мне чего. Лида, если она вечером дома, непременно приглашает меня «на телевизор». Я не чувствую себя одинокой, брошенной, но скучаю, сильно скучаю. Кто только придумал эти противные гастроли? Если бы театр уехал в Крым или еще в какое-то курортное место, то я могла бы поехать вместе с сестрой. Но на Урале мне делать нечего.

27.06.1962

С удовольствием играю роль гостеприимной хозяйки, приглашая к себе *Nicolas*. Устраиваю нечто вроде маленьких приемов на две персоны. Готовиться к приемам мне помогает Нюра. Я пыталась научить ее готовить *soupe à l'oignon*, но у Нюры никак не получается правильно пожарить лук, она вечно его пережаривает. Ничего, умение приходит с опытом.

29.06.1962

Таксист наотрез отказался поднять на второй этаж коробку с купленным мною сервизом, но рубль (всего один рубль!) заставил его смягчиться. Il n'y a rien de plus eloquent que l'argent comptant[125]. Изрядно намучилась, разрезая шпагат, оказавшийся очень крепким, но справилась и теперь наслаждаюсь видом нового сервиза. Разрозненные остатки (чуть было не написала – останки) трех старых сервизов сложила в коробку и поставила в угол – пусть сестра по возвращении решит, что с ними надо делать, оставить или отдать кому-то. Главное, ничего без нее не

выбрасывать, иначе эта выброшенная вещь непременно окажется или самой любимой, или чьим-то памятным подарком. Я уже дважды обжигалась, больше не хочу. Странная особенность – стоит мне выбросить что-то, что кажется мне достойным выбрасывания, как я нарываюсь на гневную отповедь. Нюра, впадая в уборочный раж (часто бывает такое), выбрасывает много чего, но сестра ни разу ее за это не упрекнула. Напротив, может даже похвалить: «Молодец, Нюра, избавительница ты наша!» Нюра, значит, избавительница, а я – преступница. *C'est la vie…*[126]

01.07.1962

Неожиданно придумала пьесу, сюжет. В старый дом, где много старых вещей, оставшихся еще от прежних хозяев, въезжают новые жильцы. Они собирают все старье и хотят его выбросить, но среди всего прочего находят дневник прежней хозяйки дома. Читают его и понимают, что все эти вещи не хлам, а чья-то жизнь, что с ними связано многое. По моему замыслу, выдержки из дневника (а их будет много) станет зачитывать прежняя хозяйка. Я видела такой эффект – свет на сцене постепенно гаснет, только сбоку появляется светлое пятно, там стоит или сидит (неважно) умерший человек и читает свои письма. По-моему, замысел хорош, расскажу его сестре. Думаю, что ее заинтересует роль прежней хозяйки дома. У сестры много знакомых драматургов, уж кому-то мой сюжет непременно придется по душе. Никогда не придумывала сюжетов, но вдруг! Вот что значит жить в мире искусств! Окружение пробуждает во мне скрытые таланты! Жаль, что эти таланты (если они вообще существуют) не пробудились до сих пор, но *mieux vaut tard que jamais*[127].

04.07.1962

Nicolas сказали, что он будет свидетелем, а не обвиняемым, и разрешили выезжать, куда ему вздумается. Единственное, что от него требуется, это явиться на суд, если это понадобится. Но повестку присылают заранее, а *Nicolas* больше чем на два-три дня никогда не уезжает. Мы отпраздновали «амнистию» *Nicolas* скромным обедом в скромном ресторане. Было очень весело.

09.07.1962

Звонила из Свердловска сестра. Напугала меня изрядно.

– Я подвернула ногу, – стонала она голосом, полным страдания. – Адская боль, ни шагу не могу ступить без крика. Местные врачи рекомендуют холод, но этот холод помогает мне как мертвому припарки. Ходить не могу, играть не могу, такая беда, такая беда…

– Давай я приеду и стану ухаживать за тобой! – предложила я. – Сколько едет поезд до Свердловска?

– Сиди дома! – велела сестра. – Я сама приеду. Кому я нужна на гастролях с больной ногой? Разве что в качестве декорации? Мне уже поехали покупать билет.

– Я тебя встречу! – сказала я. – Попросим носильщиков, и они довезут тебя до такси на тележке!

Предложила я от чистого сердца: если человеку трудно ходить, то разве это плохой выход?

– Что ты несешь? – возмутилась сестра. – Не хватало еще, чтобы меня везли на тележке носильщики! Я тебе что – чемодан! И вообще меня встретит Нина, я с ней уже договорилась. Ты лучше позаботься о том, чтобы дома было что поесть. Поезд едет сутки с гаком, а ты же знаешь, что я не могу есть в поездах. Мой желудок не приспособлен к вагонной еде.

Спустя час сестра позвонила снова.

– Не вздумай беспокоиться, – сказала она обычным своим голосом, без какой-либо примеси страдания. – Я действительно подвернула ногу, но это такой пустяк, что на него не стоило бы обращать внимания, если бы не эти безумные гастроли. Надо уметь извлекать пользу из всего происходящего. Разве не этому учил нас отец? Я извлекла пользу – притворилась, что не могу ступать на ногу, и меня отпустили домой. Не было счастья, да несчастье помогло.

10.07.1962

На всякий случай (я же не знаю, кто кому о чем доносит) рассказываю всем о «великом несчастье», постигшем мою сестру. Исключение сделала только для Ниночки (ей обо всем сказала сестра) и для Норочки (знаю, что она никому не расскажет ничего такого, что могло бы повредить сестре). Светлана, узнав о вывихе, притащила для сестры костыли. Еле упросила забрать их обратно. В.Ф. обещал устроить сестре консультацию у «самого Георгия Степановича». Интересно, сможет ли Георгий Степанович (судя по тону В.Ф., это весьма известный и сведущий в своем деле профессор) разоблачить обман сестры? Наверное, сможет, лучше

ему не показываться.

12.07.1962

– Быть актерами очень выгодно, – рассуждает сестра, прихлебывая чай, в который добавлена весьма щедрая порция коньяку. – Посуди сама, даже когда утверждали, что ни Пушкин, ни Репин, ни Чайковский не создавали своих произведений…

Я не успеваю удивиться или хотя бы подумать, что порция коньяку была чересчур щедрой, как она объясняет. Нога ее в полном порядке, она ходит, как обычно. Даже не хромает.

– Считалось, что все великое создавал народ в своей массе, а гениальные творцы это только записывали. Удивляюсь, как в то время не объявили контрреволюционной «Войну и мир», ведь там целые страницы на французском. Явный космополитизм, и, вообще, разве может наш народ создавать целые страницы на французском? Но я не об этом речь веду, а о том, что даже в ту пору, когда считалось, что искусство не только принадлежит народу, но и им создается, на наше актерское творчество не посягал никто. Никто не говорил, что народ создает образ Вассы, а не актриса Раневская, никто не отнимал у меня мое авторство. Считалось только, что народ помогал нам создавать эти образы, но это я не оспариваю. Аплодисменты – великий стимул, великая помощь. Когда тебе аплодируют, так и подмывает какой-нибудь новый образ создать.

Придуманный мною сюжет сестра забраковала, причем в довольно обидной форме. «От такой банальщины даже Любка отказалась бы», – сказала она. Почему «банальщина», по-моему, весьма интересно, с налетом сентиментальности. И почему вдруг «даже Любка». Я сама виновата, надо было не выкладывать все сразу, а дождаться подходящего момента, когда сестра в очередной раз станет сокрушаться по поводу отсутствия ролей и пьес. Дипломат из меня никудышный, а ведь было, было у кого учиться.

О гастролях сестра вспоминает с содроганием.

– Носильщиков нет, горячей воды нет, зато клопы есть. Народ на удивление невежественный. Администратор гостиницы раскидывает руки в стороны, как будто хочет меня обнять, и кричит на весь вестибюль: «Мамочки! Смотрите – Целиковская!» Мне, конечно, приятно, что меня принимают за Людочку, потому что она на четверть века меня моложе, она родилась, когда я уже обеими ногами на сцене стояла. Поэтому я быстро проглатываю то, что вертится у меня на языке, и вежливо отвечаю: «Милочка,

вы ошиблись – я Изольда Извицкая». Это надо быть слепой курицей, чтобы спутать меня с Изольдой, которая мне в младшие дочери или в старшие внучки годится. А она руками всплескивает и орет еще громче: «Мамочки! Я обозналась – это Извицкая!» Такой скажи, что я – Надежда Крупская, она поверит.

– Кто такие Извицкая и Крупская? – наивно спрашиваю я.

Сестра смотрит на меня вытаращив глаза, как будто я только что сделала нечто крайне непристойное, а затем начинает смеяться. Потом объясняет. Мне тоже становится смешно. Я почему-то думала, что жену Ленина звали Мария Ульянова.

15.07.1962

– Когда раздавали ум, он стоял в очереди за красотой, и в итоге ему не досталось ни того, ни другого! – сказала сестра об одном своем партнере в кино.

От нечего делать мы заспорили о том, насколько важна красота для актера (и для актрисы тоже).

– Вот ты постоянно говоришь о том, что на сцене все должно быть, как в жизни, – сказала я. – А в жизни не так уж много писаных красавцев. Значит, красота не так уж и важна или даже совсем не важна.

Я старалась быть рассудительной, хотя самой мне приятнее смотреть на красивых актеров, нежели на некрасивых. Сестра соглашалась, что талант важнее красоты, но настаивала на том, что красота важна. В конце концов, я поняла, что мы напрасно затеяли этот разговор. Оказывается, в глубине души моя сестра, народная актриса, до сих пор переживает по поводу своей внешности. Хорошо, что до меня дошло вовремя, и я ловко перевела разговор на сравнение внешности знакомых актрис. Мой коварный вопрос «А кто по-твоему красивее – Орлова или Марецкая», заставил сестру забыть о том, с чего мы начали.

– Кто из них красивее, надо спрашивать не у меня! – фыркнула она. – Но вопрос хороший. Непременно задам его при удобном случае, так, чтобы обе они слышали и под рукой были яблоки!

– Зачем тебе яблоки? – удивилась я.

– Ну как же! Я возьму одно в руку и буду изображать Париса. А когда надоест, съем яблоко сама!

Верю – при первом же удобном случае сестра именно так и поступит. Да еще и расскажет всем, что это я ее подучила! Майн арм копф![128]

20.07.1962

Московские театры уезжают летом на гастроли в провинцию, а провинциальные театры приезжают в Москву. Мне было очень интересно сравнить, и я уговорила сестру сходить на спектакль театра из Самары (то, что Петербург называется Ленинградом, а Тверь – Калинином, я помню, а вот с другими городами у меня беда, слишком много их переименовано). Выбирали из нескольких, остановились на «Марии Стюарт». Мне спектакль понравился, а сестре нет. Она ночью почти не спала – проклятая бессонница, и оттого была в сквернейшем расположении духа.

– Глядя на такую игру, я исхожу менструальной кровью пополам с желчью! – ворчала она после спектакля. – Это же Шиллер, а не Пердюков-Наливайко! Пьесу нам показали, а драму – нет!

Я сама виновата. Надо было идти с Ниночкой.

23.07.1962

Незадолго до отъезда сестра надумала устроить генеральную уборку. На мой взгляд, было бы правильнее поручить Нюре сделать это после нашего отъезда. Сестра считает иначе. Ей захотелось разобрать «свои архивы» и навести порядок на книжных полках. Что такое «разобрать» и «навести порядок»? Вытащить все, начать разбирать, скоро бросить и засунуть все обратно. Такой «порядок» хоть наводи, хоть не наводи, толку все равно нет. Нюра разбила две тарелки. «Скажи спасибо, что ты не у Марии Владимировны работаешь!» – сказала сестра. «Мне и вас хватает», – не очень-то вежливо ответила Нюра. М.В. коллекционирует тарелки и очень трепетно относится к своей коллекции. М.В. вообще очень трепетно ко всему относится. Сестра отзывается о ней уважительно, говорит, что М.В. «умеет держать бразды».

25.07.1962

Каким правилом руководствуются люди искусства? Тем же, что и все остальные. Бэсер а мис вайб фар зих, эйдер а шэйн вайб фар энем[129]. Я уже знаю все – что кого с кем связывает, что разделяет, знаю камни преткновения и подводные течения, знаю, что можно сказать при этом человеке, а что нельзя. Я стала частичкой местного *beau monde*. Ниночка проболталась, что за

глаза меня называют «французская сестра Раневской» или «Раневская-француженка». Все почему-то уверены, что Раневская – наша семейная фамилия.

26.07.1962

Иногда такое настроение с утра, что хочется улыбаться всему миру и говорить всем что-то хорошее. Похвалила блузку лифтерши. Та без какого-либо стеснения (даже с гордостью) призналась: «Кто-то на помойку выбросил, а я углядела и забрала. Здесь же не помойка, а настоящий магазин, столько хороших вещей выбрасывают». Ценю в людях искренность, но все, в моем понимании, должно иметь пределы.

27.07.1962

Телеграмма с Урала: «срочно сообщите здоровье тчк волнуемся». Телеграфный стиль меня умиляет. Предложения, лишаясь предлогов, приобретают какую-то стремительность. Так и вижу, как эти слова несутся по проводам с огромной скоростью. Сестра ответила одним словом «жива».

30.07.1962

Говорили с сестрой про *Édith Piaf*. Искренне восхищались ею, и ее талантом, и ее мужеством. Сестра вспомнила, что Семен Осипович недавно рассказывал ей про одну из своих учениц, очень талантливую девушку, у которой вдруг обнаружилась тяжелая болезнь. Болеть всегда обидно, а в молодом возрасте – втройне.

– Удивляюсь, почему полные бездарности всегда пышут здоровьем, – сказала сестра. – Кого ни возьми, все, как один. Что это? Бог в своей доброте компенсирует им отсутствие таланта жизненными силами? Или они ничего не принимают близко к сердцу, не выкладываются, не тратят силы? Загадка. Ты не подумай, что я завидую, я просто хочу понять. Взять хотя бы труппу Художественного театра. Таланты уходят, Качалов, Тарханов, Лилина… А кто остается? Или болезни это своеобразная плата за талант?

Меня начинает тяготить этот разговор. Я предлагаю поговорить о чем-нибудь хорошем, но ничего хорошего в голову

не приходит. Грустный вечер.

02.08.1962

Отдых начался с небольшой неприятности. Вышла на прогулку без зонта. Попала под дождь, недолгий, но обильный. Пока добежала обратно, промокла как кошка. Под причитания сестры пила горячий чай с коньяком. Пришла к выводу, что эти напитки доставляют гораздо больше удовольствия, если употреблять их по отдельности. Стыдно, наверное, делать такие открытия в столь почтенном возрасте.

06.08.1962

Вчера умерла Мэрилин Монро. Половина отдыхающих не знает, кто это, или делает вид, что не знает. Безумно жаль ее, такую молодую, такую красивую. Как я рыдала над *Niagara*! Смотрела трижды и все три раза рыдала. А как смеялась, когда смотрела *Comment épouser un millionnaire*![130] Захотелось побыть одной. Просидела в парке до ужина, сестра уже начала беспокоиться и собиралась идти меня искать.

07.08.1962

Режиссер Григорий Львович – крайне обаятельный человек. Сестра с ним очень любезна. «Это потому что мы с вами не работали вместе», – шутит он. Г.Л. очень высокого мнения о Мейерхольде. Я попала в неловкое положение – думала, что Мейерхольд еврей, а он оказался немцем.

12.08.1962

Мне кажется, что я никогда не любила своего мужа так, как в последний год его жизни, когда он болел. Любила по-особенному остро, потому что знала, что дни его сочтены. Не знала, сколько ему осталось, но знала, что очень мало, никак не больше года. Я держалась героем, не подавала вида, что знаю правду, внушала ему, что еще немного, и он встанет на ноги и вернется к прежней жизни. Обсуждала с ним планы на будущее, следила за тем, чтобы никто из медсестер не проговорился случайно. Он верил

мне. Или он тоже притворялся, потому что не хотел меня расстраивать? От него всего можно было ожидать, он был такой замкнутый. Человек в доспехах, которые не снимаются никогда. Были дни, когда жизнь с ним казалась мне мучением, едва ли не пыткой, но лишь после его смерти я в полной мере осознала, как счастлива была я в своем супружестве. Пока не утратишь, не поймешь… Так страшно терять близких! Не могу представить (боюсь!), что будет со мной, если я останусь одна, без сестры. Я сразу же умру, сердце мое разорвется от горя и страха.

14.08.1962

Игра в лото мне совершенно непонятна. На мой взгляд, она ужасно скучна. Один достает бочонки из мешка, все остальные ждут нужных цифр. В сравнении с этим развлечением даже *écarté*[131] кажется увлекательной игрой. Меня уже несколько раз приглашали «полотошничать», но я отказываюсь. Это тот случай, когда le jeu n'en vaut pas la chandelle[132].

17.08.1962

Йорцайт отца. Где-то сказано, что не следует слишком скорбеть об умерших, что тот, кто скорбит слишком сильно, на самом деле скорбит о другом. Никогда не понимала смысла этого утверждения. Пусть кто-то скажет, что я скорблю не об отце, а о том, что ни один другой мужчина не любил меня так, как он. Пусть так, но разве это не скорбь об отце моем? Пусть кто-то скажет, что я скорблю по тому, что нет больше моей опоры в тяжелые дни. Пусть так, но разве это не тоже скорбь об отце? К сожалению, к огромному моему сожалению, потерь в моей жизни было много, но в дневнике я отмечаю только день памяти отца. Прежде всего, потому что не было для меня большей утраты (прости, мамочка, но отца я всегда любила сильнее) и потому что не хочу превращать мой дневник в поминальную книгу. Молюсь за всех. Помню обо всех. Надеюсь, что и меня будут помнить. Дети и память, это то, что остается от нас.

19.08.1962

Неожиданно полюбила Достоевского, который всегда казался мне занудливым и претенциозным. Прочла «Идиота», взялась за

«Преступление и наказание». Сестра от Достоевского не в восторге, говорит, что он очень «вязкий». Вкусы у нас никогда не совпадали, разве что отчасти. Так даже интереснее, можно о чем-то поспорить, скрасить вечернюю скуку. Если не покажут интересной картины (а это случается не чаще двух раз в неделю), то вечерами здесь скучновато.

22.08.1962

– Куда катится мир? Куда? В какие тартарары? Дожили – глухонемые учат меня декламации! – возмущается сестра. – Это надо же, не полениться написать письмо на шести листах, для того чтобы объяснить мне, как мне надо играть мои роли!

– Кто написал? – спрашиваю я, наблюдая за тем, как старательно она рвет письмо в мелкие клочки.

– Какой-то знаток, – сестра заканчивает рвать письмо и принимается за конверт. – Я даже имени его запоминать не стала. Вот ему! Вот!

Обрывки бумаги горкой складываются в пепельнице и торжественно поджигаются. Сестра принюхивается и изображает восхищение:

– Какой запах! Как хорошо пахнет сгоревшая глупость! Теперь я знаю, что говорить нашим бездарям! Я стану начинать так, как начал свое письмо этот клоун. В искусстве я не разбираюсь, но, как зритель с тридцатилетнем стажем, хочу вам сказать…

– Но клоун же артист! – недоумеваю я. – Как он может не разбираться в искусстве. В какой-то мере…

– Ах! Мы так и не сходили с тобой в цирк! – спохватывается сестра и тут же говорит: – Ну и хорошо, что не сходили, иначе бы ты опозорила меня там при всем честном цирковом народе! Запомни, дорогуша, что клоунов в цирке нет, все клоуны находятся за его пределами. А артист, который веселит народ в паузах между выступлениями, называется «ковёрным». За «клоуна» в цирке можно и по физиономии схлопотать.

В цирк мне что-то не хочется. Я бы с удовольствием сходила бы на какое-нибудь веселое *revue*[133], но здесь такого, кажется, нет. Есть оперетта, в которой я уже побывала. Помню, в какой восторг пришла я в юности от несравненной Виктории Кавецкой, красавицы с голосом как серебряный колокольчик. Сестра тоже помнит Кавецкую, говорит, что та эмигрировала в Польшу и где-то там «затерялась». Как может затеряться такой талант? Не понимаю. Впрочем, здешние газеты не склонны писать об оперных и опереточных певицах. За все время, пока я здесь, я ни

разу не встретила в газетах ни единой, даже малюсенькой, заметки о *Régine Crespin* или *Juliette Gréco*, но не менее пятидесяти раз читала о *Maurice Thorez*, о котором, живя во Франции, ни разу не читала и не слышала. Другая страна, другие герои.

24.08.1962

Накричала на сестру из-за пустяка. Не стоило вести себя так. Остыла. Попросила прощения. Сестра накричала на меня. Qui s'excuse s'accuse[134]. Почему мы не можем жить спокойно. Живут же некоторые душа в душу. Как П.Л. уживалась с сестрой? Не могу понять. Впрочем, с П.Л. сестра вела себя иначе. П.Л. была для нее больше, чем другом и покровительницей. Но я же не чужой человек! Почему же со мной она так себя ведет! Я тоже хороша, не без этого. Во всем виновата кипучая фельдмановская кровь. Ой! Ай! – и мы снова поссорились.

28.08.1962

Вчера был день рождения сестры. Она сказала: «хуже нет, чем праздновать день рождения в понедельник». Отец не любил, если чей-то день рождения выпадал на субботу. Суббота была предназначена для Бога. Все семейные праздники с суббот переносились на воскресенья или же отмечались поздно вечером, после того, как суббота заканчивалась[135]. Но сегодня понедельник, а не суббота, да и вообще здесь соблюдать субботы не принято. Во всяком случае, в кругу наших знакомых суббот никто не соблюдает. Не исключено, что к этому привела борьба государства с религией, хотя не могу понять, что плохого в религии, которая учит людей делать добро и не делать зла. Но моя голова слишком глупа для таких умных вопросов. Понедельник – не понедельник, а люди приходят поздравить. Близкие друзья, знакомые, чуть ли не половина театральной труппы… Квартира наша не рассчитана на подобное многолюдье, но ничего, как-то обходимся. Гости входят в положение, стараются надолго не задерживаться. Как-то в Марокко мне довелось видеть большой прием в арабском доме, когда по случаю рождения первого внука было устроено угощение для огромного количества людей. Все проходило очень организованно, со слаженностью, совершенно нехарактерной для тех мест. Люди собирались у ворот в небольшие группы, дожидались, пока выйдет предыдущая группа, заходили,

проводили внутри минут двадцать и выходили. Когда все гости ушли, я рассказала об этом сестре.

– Ты хочешь, чтобы здесь было как в мавзолее? – рассмеялась она и продолжила не своим, а каким-то казенным голосом: – Бесконечным потоком люди идут к народной артистке Раневской, чтобы поздравить эту старую клячу с тем, что она стала еще на год старше…

– Пусть все старые клячи будут такими, как ты! – говорю я. – Посмотрим, что тогда станет с молодыми!

– С молодыми ничего нового не случится, – усмехается сестра. – Они тоже станут старыми. Знаешь, мне нравится индусская вера. Они верят в переселение душ, которое зависит от того, как человек проживает свою жизнь. Не повезло в этой жизни, так повезет в следующей, главное, не падать духом и не делать зла! Вот будь я индуской, на что бы я могла рассчитывать в следующей жизни? В качестве награды за все мои мучения?

Такие разговоры мне не нравятся. Напоминаю сестре, что она не индуска и что не стоит никогда говорить о своей смерти, да еще в таком ерническом тоне. Через сто двадцать лет все узнаем, а пока будем жить и веселиться. Для того чтобы отвлечь сестру, начинаю разбирать и раскладывать по местам подарки. Сестра сильно устала (ей приходилось общаться гораздо больше моего) и выпила она тоже больше – с каждым гостем надо хотя бы пригубить, а некоторые так по нескольку тостов подряд говорят. Было бы что пить, а тосты будут. Поэтому сестра не помогала мне, а отпускала замечания. Имен, даже начальных букв их указывать не стану, чтобы написанное не выглядело укором. Просто хочу запечатлеть настроение, в котором пребывала сестра, утомленная как своими годами (но у меня на 4 больше), так и гостями.

– … в своем амплуа. Всякий раз дарит мне то, что я ей подарила в позапрошлом году. В идеально невостребованном виде. Никогда еще не ошиблась и не передарила прошлогоднего подарка. Это доказывает, что она хорошего мнения обо мне и о моем склерозе. Была бы плохого, передаривала бы прошлогоднее, считая, что я ни хера не помню. А я ведь никогда не передариваю по тому же адресу, кому-нибудь другому отдаю.

– … и есть… Графинюшка наша. Пока Сталин был жив, крестьянкой прикидывалась, а теперь намекает то и дело на свои аристократические корни. Но умеет, умеет подать. И себя умеет, и свои подарки. Принесет какую-нибудь дрянь, которой в базарный день две копейки цена, а преподаст как драгоценность! Странно, что с ее умением делать из говен мармелад она до сих пор не пошла в режиссеры.

– … люблю безумно. Мы с ней если не как сестры, то как тетя с племянницей. Но у нее совершенно нет понятия о том, что такое стиль. Ну и возраст она тоже не учитывает. Если я надену блузку с таким чудовищным бантом, то я стану похожа на портовую блядь! На старую портовую блядь! А если не надену, то бедняжка обидится. Что делать? Чернышевский, я к вам обращаюсь, помогите!

– Надень эту блузку, когда поедешь к ней в гости, – советую я. – Ей будет приятно, и никто кроме ее домашних тебя в этой блузке не увидит. Или отпори бант…

– Как можно! – ужасается сестра. – Лучше вообще не надевать…

– Соври, что бант украл поклонник, – моя фантазия, подпитанная шампанским, разыгрывается все больше и больше. – Ты ему отказала, а он украл бант на память.

– Или в отместку, – смеется сестра. – Нет, не будем портить вещь (сейчас она произносит это слово так, как говорила наша кухарка «весссч»). Надену, когда соберусь к ней в гости. Спасибо, Чернышевский!

Я беру в руки следующий подарок, тяжелую вазу.

– Поставь на самом виду, скорее разобьется, – советует сестра. – Я не выдержала и спросила ее сегодня. Милая…, зачем на каждый день рождения ты даришь мне урну для праха? Это намек или такой особый юмор? А она мне, не моргнув глазом, отвечает: «Никакого намека, просто чтоб было, куда поставить цветы!» Вот теперь думаю, как это понимать…

– …-ин подарок я даже разворачивать не стала. Знаю, что книга, если не ее собственная, то чья-то еще. Я не люблю, когда подписывают чужие книги. Я вот сейчас возьму пьесы Чехова, напишу на них, например, «Дорогому Борису Ивановичу от Фаины в знак признательности» – и что это будет? Сплошная ложь, начиная с того, что я не Чехов, и заканчивая признательностью. Если руки чешутся что-нибудь надписать, то надпиши свою фотографию! Я люблю, когда мне дарят фотографии. Фотографии, в отличие от человека, можно высказать в лицо все, что ты думаешь.

– … признает только пейзажи, непременно зимние, мрачные, угнетающие. Сейчас, в августе, от таких картин есть польза – смотрю и чувствую прохладу, потому что мороз по коже пробирает. Но если смотреть на нее слишком долго, тем более – зимой, то захочется повеситься. Не убирай далеко, отдам Нюре. Нюра любит культуру, ей хоть бы что было нарисовано, лишь бы оригинал, а не репродукция. Она у меня так потихоньку целую галерею и соберет. А что? Не Третьяковкой же единой… Будет в

Москве Нюркина галерея! «Галарея», как она говорит! У вас, Фаингеоргина, настоящая «галарея»!

02.09.1962

На календаре осень, но это только на календаре, на самом деле лето еще не закончилось. Стараюсь гулять побольше, чтобы поддерживать себя в форме, но быстро устаю. Это печальное обстоятельство сильно меня огорчает. Но в долгом сидении на скамейках тоже есть своя прелесть. Свежий воздух, щебет птиц, детский гомон. Люблю смотреть, как играют дети. Вчера ко мне подсела дама моего возраста, понаблюдала немного за тем, как я наблюдаю за детьми, и сказала: «Свои выросли, теперь хоть на чужих посмотреть». Я вежливо кивнула, встала и ушла. Удалось сдержать слезы, хотя так и подмывало расплакаться. Хороша бы я была рыдающая посреди бульвара. *«Elle joue à la vieille vache»*[136], сказали бы окружавшие меня люди.

07.09.1962

– Хорошо быть единственной знаменитостью в переулке! – шутит сестра. – Академик Чаплыгин умер, и его переулок стал улицей Чаплыгина. А взять наш дом. Тут же знаменитость на знаменитости. Придется или нарезать набережную вот на такие малюсенькие кусочки, или же оставить в покое…

– Почему же, – говорю я. – Есть и скромные люди среди наших соседей. Вот, например, Т. Он не раз говорил, что не хочет, чтобы ему ставили памятник.

– Подражает Есенину, – убежденно говорит сестра. – Он ему во всем подражает, и в этом тоже. В каком-то стихотворении Есенин просил не ставить ему памятник в Рязани. С тех пор и вошло в моду у поэтов это кокетство. И не только у поэтов.

– В Рязани поставили памятник? – интересуюсь я.

– Нет, конечно. Уважили просьбу.

09.09.1962

Если жизнь прожита впустую, то тут уж не до веселья. Marc hand qui perd ne peut rire[137]. Если бы можно было начать все сначала, то я бы жила так, как хотелось мне, а не другим. Пусть эти «другие» были самыми близкими мне людьми, пусть они

искренне желали мне добра, но. Заставила себя поставить точку. Незачем продолжать.

14.09.1962

Гуляли с сестрой. Она вспоминала Крым и своих подруг из театра.

– Какие талантливые были девочки, невероятно талантливые. И мечтательницы. Ох, как мы мечтали! О чем только мы не мечтали! И будущее рисовалось нам таким радостным, что красок на него не хватало! Ну и что? Одна я чего-то добилась, хотя бы того, что шагу не могу ступить, чтобы мне не кричали вслед «Муля, Муля, не нервируй меня». Подумать только! Я – Муля, и я их нервирую! Кто-то вообще помнит, что Мулей звали моего мужа, артиста Репнина, а я была Лялей! Люди помнят только то, что хотят помнить. Это такие дуры, как я, помнят то, что хотели бы забыть.

18.09.1962

Во сне я гуляла с мамой то по Греческой улице, то по *Grands Boulevards*, то вдруг мы оказались на Ордынке, возле дома Н.А. Мама была молодой, очень веселой, она что-то оживленно рассказывала мне, и улыбка не сходила с ее лица. Жаль, что, проснувшись, я не вспомнила ничего из ее рассказов. Сестра все утро ворчала по поводу записи на телевидении. «Это телевидение меня совсем доконает, дел на копейку, а мучений на сто рублей, даже Мачерет не делал мне столько замечаний, сколько эти телевизионные мальчики». – «Зато, – говорят, – Фаина Георгиевна, вы придете в каждый дом!» – «Зачем мне ходить в каждый дом, – отвечаю я, – вы подумали о том, что будет, когда все начнут наносить мне ответные визиты? Я же не Пушкин, чтобы ко мне не зарастала народная тропа, они же мне всю лестницу затопчут!» – «А разве не затопчут? И лифт сломают!» – «Снимайте, говорю, Орлову или Марецкую!» А они мне в ответ: «но юбилей-то ваш». Великое дело! Что изменилось от того, что четверть века назад я начала сниматься в кино? Несколькими посредственными картинами стало больше? Всего-то!

Ворчание принимает благожелательный характер.

– Ну, «Мечту» нельзя назвать посредственным фильмом, – продолжает сестра, – «Подкидыш», как бы его ни старалась испортить Рина, тоже удался. Ну а про «Свадьбу» и говорить

нечего, кроме того, что я сказала Анненскому. «Собрали, – говорю, – не актерский состав, а целую кунсткамеру, так ждите теперь успеха!» И ведь был успех, был. «Золушка», при всех ее достоинствах, до «Свадьбы» не дотягивает, так же как Надежда не дотягивает до Анненского.

23.09.1962

Позавчера сестра ездила с Анной Андреевной и Еленой Сергеевной за город. Приглашали и меня, благо в машине было одно свободное место, но я отказалась. В обществе А.А. я отчего-то смущаюсь, а Е.С. почему-то не любит меня, наверное, не может простить мне, что до знакомства с ней я ничего не знала о ее третьем муже и не читала его книг. Да и к прогулкам на автомобиле я не очень расположена, меня укачивает. Сестра вернулась довольная, рассказала, что они побывали в любимом храме А.А. и навестили какую-то незнакомую мне, но хорошо знакомую им всем Серафиму Ивановну. Женщина, которая была за рулем (с ней я не знакома), спросила сестру, не хочет ли она сама повести машину, чем изрядно ее насмешила. Оказывается, посмотрев картину, в которой сестра сыграла бойкую бабушку, она была уверена, что сестра умеет водить автомобиль. Сестра истолковала это заблуждение как еще одно подтверждение актерского мастерства. Так оно и есть. Я спросила у сестры, не хотелось бы ей на самом деле научиться водить. Оказывается, хотелось, но очень давно, лет тридцать тому назад, когда не было никакой возможности его приобрести. Сейчас уже учиться поздно, да и незачем. На мой взгляд, проще нанять такси, чем заботиться о машине. Швейная машинка и та требует постоянного ухода, что же говорить о таком большом аппарате, как автомобиль!

25.09.1962

– Бэсер а бисл, эйдер горнит[138], – сказала сестра, и я сразу поняла, что она имеет в виду свою карьеру. Когда она говорит о театре или кино, ее лицо приобретает особенное выражение, которое я уже давно научилась подмечать. – Меня, по крайней мере, не забывают, сниматься приглашают, в театры зовут. Пусть не туда, куда бы мне хотелось, но зовут, приглашают, есть на меня спрос. Не так плохи мои дела, как Маринины.

– Ты о ком? – спрашиваю я, потому что Нин, Марин, Наталий и Татьян среди наших знакомых много, сразу и не поймешь, о ком

идет речь.

– О Ладыниной.

Я удивляюсь, как могут быть плохи дела у той, чье лицо я постоянно вижу на афишах. «Трактористы», «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Кубанские казаки»… Сестра еще в шутку называла ее главной казачкой Советского Союза. Я часто встречаю ее, она прекрасно выглядит и, вообще, производит впечатление человека, довольного своей жизнью. Оказывается, все не так-то просто, во всяком случае, не так хорошо, как мне представляется.

– Они с Пырьевым расстались не очень-то гладко, – напоминает сестра, но я помню, слышала уже об этом. – Марина не хотела мириться с тем, что он нашел себе другую, она испортила ему немало крови, жалобы в цэка писала, он обиделся и сломал ее карьеру. Сам снимать перестал и, как я слышала, другим тоже не дает. Власти у него много, перечить ему никто из режиссеров не осмеливается, да и без того мало кто захотел бы снимать Марину. Ее считают избалованной, хотя на самом деле это не так. Но так или не этак, а результат налицо – после «Испытания» у нее не было ни одного приглашения. Шесть лет уже как. Не то чтобы приглашали, а она бы отказывалась, нет. Совсем не приглашают. А меня приглашают. Муж-режиссер – это палка о двух концах. Хорошо, что у меня не было мужа-режиссера, некому ломать мою карьеру. Недавно вот приглашали на роль бабушки к очередной взбалмошной внучке, которая ездит на велосипеде. Я отказалась, не хочу больше играть бабушек при внучках, хочу играть просто бабушек. Эксцентрика и суета – это не мое. Я давно уже заметила, что чем меньше мне приходится суетиться, тем лучше получается роль! Настоящее искусство не терпит суеты! Суета и искусство несовместимы!

Мне жаль Ладынину. Мне жаль всех, чьи судьбы ломаются. Совсем не достичь никакого успеха, наверное, легче, чем сначала достичь, а потом потерять. Впрочем, для того, чтобы судить верно, надо изведать вкус успеха, а то я похожа на нашу Фейге-Лею, которая с великим удовольствием хаяла те блюда, которые не умела готовить. Чаще всего она поминала *fricasser*, которое стало у нее нарицательным. «Чтоб тебе фрыкасе подавиться!» – бранила она своего мужа[139].

28.09.1962

– Без умения обыграть предмет не может быть актера! – сестра говорит запальчиво, как будто я с ней спорю, а я не

спорю. – Любой предмет! Любой! Разбитые очки покойного мужа или женские панталоны, найденные в его тумбочке! Актер обязан уметь обыгрывать предметы! А то взяли моду обходиться одними словами. Мы, мол, все, что надо, голосом выражаем! Голос – основа всего! Люди забыли, что на эти грабли уже наступал и Станиславский, и Вахтангов, и Таиров, и Мейерхольд с Михоэлсом! Давайте, говорю, откажемся от всего – от декораций, от костюмов, от театра и уйдем на радио. Если люди хотят поставить радиоспектакль, то зачем им сцена? И зачем зрителям приходить в театр? Можно сидеть дома, есть борщ и слушать! О, как же я хотела бы родиться на пятьдесят лет раньше, чтобы вырасти, состариться и умереть в классическом театре, на классической сцене!

30.09.1962

Рош-Ашан. Сестра напевает «Что год грядущий нам готовит?». Кажется, у Пушкина был не «год», а «день». Переспрашивать боюсь (если ошиблась, то буду названа «бестолочью» или как-то хуже), проверять лень.

Сына Ниночкиной подруги, гениального шахматиста (так говорит Ниночка), не выпустили на олимпиаду в Болгарию. Бедный мальчик так переживал, что угодил в больницу с нервным срывом. Ниночка рассказывает ужасы про психиатрические лечебницы. Слушать страшно, не то чтобы записывать.

01.10.1962

Сегодня с утра меня мутило. В животе какая-то тяжесть. Сама виновата, не надо было так налегать на сладкое и, вообще, не переедать. Спрашивала у сестры, ездят ли сейчас в Пятигорск на воды. «Еще как ездят! – ответила сестра. – Не протолкнуться! Если хочешь, можно достать путевки в приличный санаторий. Тебе обязательно в Пятигорск, или Ессентуки с Минводами тоже подойдут?» Мне все равно, главное, чтобы место было приличное. Я уже понимаю разницу между приличным и неприличным. Приличное это *de luxe*[140] (этого термина здесь избегают как буржуазного), а неприличное – самый низший разряд.

02.10.1962

Снился тот самый офицер, на которого я налетела на углу Екатерининской улицы и Успенского переулка. Я о нем иногда вспоминаю, мимолетная, в сущности, встреча, а вот же – оставила след в душе. Черт, лица не помню, помню только, что он был молод и красив, что от него вкусно пахло табаком и одеколоном, но голос его до сих пор звучит в моих ушах. «Вы не ушиблись, сударыня?» А сударыне было всего четырнадцать лет, и она была влюблена в первый, нет, уже во второй раз! Но офицер был таким красивым и таким галантным… Я истолковала сон как предзнаменование случайной встречи с кем-то из прошлой жизни и вышла гулять, невзирая на дождь. Если хочешь кого-то встретить, то надо выйти из дома, сидя дома никого не встретишь, разве что только соседка заглянет. Гуляла около часа, вглядываясь в лица всех встречных, как мужчин, так и женщин, погуляла бы и еще немного, но была вынуждена безотлагательно вернуться домой, потому что меня облил водой грузовик. Водитель мог бы объехать лужу, потому что свободного места было сколько угодно, или хотя бы мог ехать помедленнее, но он предпочел обрызгать меня. «Некоторым это даже доставляет удовольствие», – сказала сестра. Теперь думаю не о встречах, а о том, чтобы не заболеть.

03.10.1962

В мечтах до сих пор вижу себя почтенной матерью большого семейства, окруженной детьми и внуками. Муж тоже присутствует в моих мечтах, с одной лишь поправкой – он богат, как когда-то был богат мой отец. Мы живем в Швейцарии (если бы на земле был рай, то он находился бы там), и сестра приезжает к нам в гости. У нас огромный дом, настоящий *château*[141], много слуг. Si les souhaits fussent vrais, pastoureaux seraient rois[142].

05.10.1962

В Свердловске сестра имела несчастье познакомиться с одной молодой и донельзя назойливой особой, актрисой местного театра музыкальной комедии. Впрочем, по утверждению сестры, там она назойливой не была. Сестра уже и забыла об этом мимолетном знакомстве и никогда бы о нем не вспоминала, если бы та актриса не приехала в Москву и не явилась к ней в театр. И ладно бы явилась выразить свое почтение или просто поболтать! Нет – сестре пришлось выдержать настоящую осаду. Эта девица

требовала у нее рекомендацию в «какой-нибудь московский театр»! В какой-нибудь! Именно требовала, а не просила.

– Говорит: «Вы должны мне помочь, я сожгла за собой все мосты! Мне некуда возвращаться! На вас вся надежда, Фаина Георгиевна!» – жаловалась мне сестра. – Я спрашиваю: «Как вы себе это представляете – рекомендация от Раневской? Вы, милая, меня с Фурцевой не спутали? Я напишу вам рекомендацию, мне не трудно, это займет не более минуты, но если там, куда вы придете с нею, вам дадут от ворот поворот, тогда что?» А она мне: «Вы только напишите! Не дадут! Я их умолю! Я руки на себя наложу, но буду играть в Москве!» Совершенно ненормальная особа. Как она собирается играть, наложив на себя руки? Удивительная бестактность! Свалиться как снег на голову и чего-то требовать от почти незнакомого человека! Пятиминутный разговор в Свердловске, это еще не знакомство! Удивительная бесцеремонность!

Я сочувствую. Не люблю назойливых и бесцеремонных людей. Вдруг звонит телефон. Я беру трубку. Это Сергей, сосед сверху. Передаю трубку сестре.

– Ну как вам моя *protégé*? – спрашивает сестра. – Понравилась? Ну, я рада… Задатки у нее определенно есть, думаю, что вы не пожалеете… Спасибо, спасибо огромное, просто камень с души упал…

– Так ты устроила ее в театр к Сергею? – удивленно спрашиваю я, когда сестра заканчивает разговор.

– Да, – отвечает она. – Надо же помочь человеку. У нее в глазах так и плескалось отчаяние! Я позвонила Сергею, записала ей адрес, объяснила, как ехать, и даже выпросила у нашего директора записку в общежитие, чтобы ее приютили там на два-три дня. Не домой же ее приглашать!

– Если бы он не дал записку, то пришлось бы и пригласить, – говорю я. – Все хорошо, но зачем надо было так возмущаться? Можно было просто сказать, что приехала из Свердловска знакомая девочка и ты ее устроила к Сергею в театр.

– Можно просто сказать, что одна дама продала свое имение, потому что нуждалась в деньгах, – в голосе сестры отчетливо звучит ехидство. – А можно написать об этом целую пьесу и назвать ее «Вишневый сад»!

– Так то была пьеса! – смеюсь я. – Прости, что сразу не догадалась.

Лицо сестры становится серьезным, даже строгим, а глаза увлажняются. Она говорит, и голос ее начинает дрожать:

– Знала бы ты, как я волновалась, когда собиралась идти к Лиле!..

Я знаю, сестра не раз рассказывала, как она волновалась.

– Я так переживала, я так отчаянно трусила! Лиля! Царица сцены! Ангел! Идеал! Что ей до меня? Я поклялась всем, чем только могла поклясться, что если Лиля мне поможет, то и я стану помогать всем, кто обратится ко мне за помощью. И помогаю, только прошу поменьше об этом рассказывать, а то мне жить некогда будет.

07.10.1962

– Nous n'avons pas garde les cochons ensemble![143]– сказала я сегодня в гастрономе одному наглецу, который мало того, что обратился ко мне на «ты», но еще и дернул меня за рукав.

Грубить по-русски мне было неловко, промолчать я тоже не могла, вот и прибегла к французскому.

– Pardonnez-moi, madame[144], – услышала я в ответ.

Мужчина был небрит, неухожен, одет в грязноватый плащ, но говорил по-французски, как урожденный парижанин.

– Это был шпион! – заявила сестра, когда я ей рассказала об этом. – Он забылся и ответил тебе на родном языке!

Думаю, что это был какой-то опустившийся интеллигент. Вряд ли французский шпион способен обратиться к даме «слушай, мать».

09.10.1962

Вчера был Йом-Кипер[145]. Я перебирала в памяти свои грехи и поняла, что невольно избавилась от многих. Вот оно, благотворное влияние прожитых лет. Основным своим грехом считаю несдержанность. Пора бы научиться владеть собой и стать терпимее к людям, в первую очередь к моей сестре. Покойный муж в этот день непременно просил у меня прощения за все обиды, которые причинял мне. Он обижал меня так редко, что я до сих пор помню все обиды наперечет. Пора бы забыть. Начну забывать.

10.10.1962

Nicolas окончательно успокоился. Неприятности прошли стороной, и ему теперь ничто не угрожает. Был суд, но его даже не пригласили выступить, и это хорошо. Иногда следует

радоваться, что о тебе забывают. Подарил мне старинную брошку, недорогую, но очень изящную. Я присматриваю ему в подарок запонки. *Nicolas* любит серебро и не любит золото, я это помню.

11.10.1962

– Зарплата начинающего актера меньше ста рублей, а ученик токаря на заводе получает сто двадцать! – возмущается сестра. – Пусть им токари и играют! Как при таких доходах не хотеть подработать? Как можно жить на такие деньги.

В театре новый скандал. Молодые актеры подрабатывали в ресторане – кто-то играл, кто-то пел. Это сочли недостойным, и теперь у них неприятности. Сестра негодует.

– Когда у тебя есть все, что только душа пожелает, легко произносить с трибуны высокие слова о святости искусства! На сытое-то брюхо! А вот когда у тебя зарплата девяносто да дома жена с грудным ребенком на руках, то тут уже о другом думать приходится. И вообще, что плохого в том, что советский актер поет в советском ресторане для советских людей? Под хорошую песню и кушается лучше, под музыку можно потанцевать. Я не выдержала и спросила: «Скажите мне, почему зрителю можно есть в театре во время спектакля, а актеру нельзя петь в ресторане?» Что ты так смотришь? Некоторые без всякого стеснения едят бутерброды в зрительном зале. Одному как-то раз сделали замечание, а он ответил: «Мне доктор прописал есть строго по часам», как тебе это? Давно пора объединить театры с ресторанами, тогда и на плохие спектакли будут ходить. Вот помру я, и пусть объединяют…

12.10.1962

Сестра в очередной раз рассердилась на Орлову.

– Если послушать Любку, так весь мир вертится вокруг нее! И Сартр пьесу для нее написал, и от ее игры он в восторге, и что она лучшая из всех известных ему исполнительниц роли Лиззи Мак-Кей! Любка! Любка! Любка! Свет в окошке, дырка в лукошке! А о том, что «Лиззи Мак-Кей» поставила Ирина, даже не вспоминает. Как будто эта пьеса поставилась сама по себе! Ирина столько труда в нее вложила, это же не самая гладкая пьеса, не «Без вины виноватые». А Любка захапала себе все лавры! Я все жду, когда же у нее начнется головокружение от успехов, да все никак не дождусь! Ах, все для нее – и пьесы для нее пишут, и сценарии, и

театр только на ней одной и держится! Да если хочешь знать, весь театр держится на Ирине! Она обо всем думает, все предусматривает, разрешает конфликты, ищет новые пьесы, ищет молодые таланты… Я ей так и говорю: «Ира, ты кариатида, которая держит весь театр! Тебе не тяжело?» А она улыбается и вздыхает, тяжело, мол, но что поделать? Кто-то должен нести все тяготы. Кто-то несет все тяготы, а кто-то пожинает лавры. Уже столько пожали, что впору на рынке торговлю лавровым листом начинать, а все им мало!

14.10.1962

Были на премьере в театре Вахтангова. Смотрели «Живой труп». Эта пьеса мне всегда нравилась, разве что название немного коробило. «Живой покойник», на мой взгляд, было бы уместнее. «Труп» – слишком грубо. В роли Анны Дмитриевны – Мансурова. Блистательная, не побоюсь этого слова. Сестра тоже так считает. После спектакля она мне рассказала о Мансуровой. Я знала только то, что она была замужем за одним из Шереметьевых (читала во французских газетах об этом), но я не знала, что она окончила юридический факультет, что она была первой исполнительницей роли Турандот, что она, как и сестра, играла Зойку в «Зойкиной квартире»…

– Мы с ней сценические сестры, – пошутила сестра и тут же вздохнула. – Бедная Циля, как она намучилась со своим мужем! Он, кстати, чтоб ты знала, был внуком Прасковьи Жемчуговой. Несчастный граф по доброй воле остался в России, был далек от политики – играл на скрипке в театре, сочинял музыку для спектаклей, но его не оставляли в покое, арестовывали, отпускали, а потом застрелили на охоте, он был страстный охотник.

Кроме Мансуровой мне запомнилась молодая актриса, игравшая Машу. Сразу чувствуется, что она далеко пойдет. Остальные актеры тоже играли хорошо, даже великолепно, но эти две актрисы выделялись на общем фоне.

– Умеют, когда хотят! – сказала сестра, когда мы вышли из театра.

В ее устах это высшая похвала в адрес коллег. И это был первый спектакль на моей памяти, в адрес которого сестра не высказала ни одного критического замечания. Обычно, даже похвалив, она находит, к чему придраться.

17.10.1962

L’occasion fait le larron[146]. Решила наконец-то взяться за ум и перестать есть то, что мне есть не стоит. Но как удержаться, имея такие богатые запасы? Сколько ни крепись, а все равно уступишь соблазну. Придешь на кухню с намерением выпить «пустого» чаю или же кофе, и сама не заметишь, как уже что-то жуешь. А между тем все это чревоугодие плохо сказывается на самочувствии. Но, к сожалению, с соблазнами ничего поделать нельзя. От них не избавиться по двум причинам. Нельзя иметь пустые полки, потому что гости приходят часто, почти каждый день, и без угощения, хотя бы самого скромного, обойтись невозможно. Вдобавок, нерегулярный характер здешней торговли побуждает покупать помногу, с запасом. Сестра подшучивает надо мной, говорит, что попросит врезать замок в кухонную дверь и станет держать ключ у себя.

19.10.1962

– Об актерском тщеславии сказано столько, что и повторять незачем! – сестра только что прочла фельетон, в котором обличали очередного зазнавшегося артиста. – Но только один раз за всю свою жизнь я видела, чтобы артист умер от того, что ему не аплодировали.

– Не та тема, чтобы шутить, – говорю я. – Никто еще не умирал от этого.

– Умирал! – грустно отвечает мне сестра и вздыхает. – Это случилось в Баку, в двадцать седьмом году. Играли мы «Сигнал», эту пьесу давно уже не ставят. Ничего особенного – белые, красные, много действующих лиц, можно занять всю труппу. Я играла генеральскую сестру по имени Муза, а один из актеров, Петр Николаевич, играл Браилова, начальника штаба красных. Тем, кто играл красных, тогда аплодировали гораздо больше, чем тем, кто играл белых. А Петр Николаевич был видный мужчина, играл хорошо, с душой и к аплодисментам привык заслуженно. И вот однажды пришли к нам делегаты какой-то не то партийной, не то профсоюзной конференции. Мы начали играть – реакции никакой. Сидят тихо, смотрят на сцену, ни на что не реагируют, суровые каменные лица. Нам, конечно, стало не по себе, но что поделать – играем. Доиграли, занавес опустился, в зале тишина. Потом зашумели, ногами зашаркали – уходят. Все мы, конечно, расстроились, неприятно, тем более, что играли мы хорошо, выкладывались. Пьеса не ахти, но определенный простор для творчества там был. Петр Николаевич очень расстроился. Покраснел, за сердце схватился, вздохнул и ушел в гримерную.

Сел там и умер, сердце не выдержало. А потом Сергей узнал, в чем дело. Оказывается, что эти делегаты приехали из каких-то отдаленных уголков. Они никогда не были в театре, не знали, что там полагается аплодировать, и не понимали по-русски.

– Зачем же они тогда пришли в театр? – удивляюсь я. – Что за чушь!

– Если мне не веришь, то поднимись на третий этаж и спроси у Сергея! – сердится сестра. – У них было запланировано мероприятие по линии культпросвета, вот и они пришли в театр! Такие вот дела. Ни одна революция, к сожалению, не обходится без жертв, даже культурная. Тогда объявили культурную революцию, приобщали народ к культуре в обязательном порядке.

21.10.1962

Что за день такой? Разбила свой любимый чайник, ошпарила ногу кипятком, рассыпала сахар, порезала палец! «Когда не везет, зубы об творог ломаются», говорят про такие дни. Хотела выйти во двор, подышать свежим воздухом, но в такой неудачный день боюсь выходить из дому. Свою порцию свежего воздуха можно получить и через открытую форточку.

26.10.1962

Куба, морская блокада, агрессивные замыслы американцев. Только об этом и пишут, только об этом и говорят! Ужасно боюсь, как бы не началась новая война. Сестра говорит, что повод не тот, я ей на это отвечаю, что убийство несчастного эрцгерцога Франца Фердинанда тоже когда-то казалось «не тем поводом». Даже отец наш поначалу был уверен, что Россия не ввяжется в войну с Австрией и Германией. «Трем этим империям предначертано держаться друг друга, – говорил он. – Их так много всего связывает – и люди, и капиталы». Не помогли ни капиталы, ни люди, война все-таки началась. Ниночка рассказала, что вчера под Москвой упал самолет, погибло не то 10, не то 12 человек. Удивляюсь тому, как скоро она узнает все то, о чем не пишут в газетах? Впрочем, у нее очень широкий круг общения, у меня давно уже создалось впечатление, что вся Москва знает Ниночку, а она знает всю Москву.

28.10.1962

Не читаю газет, не слушаю радио. Виделась с *Nicolas*, зашла ненадолго к Светлане, читаю «Братьев Карамазовых». Чтение весьма надрывное, но превосходно отвлекает от современных событий, а большего мне и не надо. *Nicolas* заметил, что я немного похудела. Это действительно так, потому что в последнее время я стараюсь есть понемножку и воздерживаюсь от тяжелой пищи. Алт из калт[147]. 70 лет это 70 лет, и как бы я ни храбрилась, сколько бы себя ни подбадривала, а цифры эти все время перед глазами. Надо вести себя соответствующим образом. Завидую *Nicolas.* Он старше меня, но выглядит бодрее. Так и должно быть, он мужчина и занят делом, а я – скучающая бездельница. Советская *rentier*[148].

30.10.1962

Сестра спорила с Норочкой по поводу актерства. Было очень интересно слушать. Да, актеров считают капризными, но разве тонкая душевная организация возможна без капризов? Истерики, капризы, все эти маленькие трагедии есть не что иное, как изнанка таланта. Вот такие умные мысли приходят в мою голову, когда я слушаю споры умных людей. Обе восхищались Орловой. Не как человеком (в этом смысле, наверное, восхищаться нечем или почти нечем), а как актрисой.

– «Должна» – это ее главное слово во время съемок, – с нотками восхищения говорит сестра. – Я еще могу выкинуть фортель, послать всех куда подальше, если что-то идет не так, а Любаня не такая. Ее хоть голым задом на сковородку посади, она будет улыбаться в объектив. Или плакать, это уж как там по сценарию. Актриса! Когда она в кадре, для нее не существует ничего, кроме роли. В театре она совсем другая, на сцену выходит запросто, может сыграть без подготовки, не настраиваясь. А на съемочной площадке она другая… И никогда не срывается, что бы там ни произошло. В этом с нее пример надо брать, да, наверное, уже поздно…

– Хорошему научиться никогда не поздно, – замечает Норочка.

– Не стану я этому учиться! – настроение сестры, как это нередко бывает, изменилось в одну секунду. – Чему мне у нее учиться? Она же неживая! Кукла! Статуя ледяная! Поэтому-то и может сидя на сковороде десять дублей подряд выдать! А я переживаю, я мучаюсь, я душу свою наизнанку выворачиваю! Аду в «Мечте» учила брачное объявление составлять, а потом рыдала битый час. В «Подкидыше» после каждого эпизода плакала!

– В «Подкидыше»-то с чего плакать? – удивляется Норочка.

Я разделяю ее удивление. Мне кажется, что съемки комедии – это так весело.

– Как это «с чего»? – вздыхает сестра. – Эта Наташа, которая на самом деле Вика, она же совсем как я! Ушла из дома, затерялась среди незнакомых людей… Как тут можно не плакать?

Нельзя не плакать. Мы плачем втроем.

02.11.1962

Ненастье разбудило все мои болезни. Сестра пригласила доктора. Та считает, что мне надо лечь в больницу. В больницу мне не хочется, да и чувствую я себя не настолько плохо, чтобы лежать там. Погода, возраст, печальные думы – вот подлинная причина моего недомогания. Болезни – это всего лишь фон. «Отлежитесь и приходите на обследование», – сказала доктор. «Отлежитесь» – новое слово. Раньше так говорили о товаре («возьму хорошую цену позже, пусть пока отлежится») и о яблоках («зеленые еще, должны отлежаться»), а теперь – о людях. Мне грустно, и я ищу, к чему бы придраться. Сестра сварила мне бульон и не пошла в гости к Г. Рассказывала мне, как болела в 39-м, когда «осталась без театра».

– У меня ныло все – душа, кишки, суставы. Вставала утром, глядела на себя в зеркало и ужасалась. Все, думала, жизнь моя кончилась. Кино? Кино – это так, баловство, к тому же на кино не стоит рассчитывать всерьез. Кино сегодня есть, а завтра его нет. Кино – это как воскресный жених…

«Воскресный жених» – выражение нашего отца. Так он называл все ненадежное, потому что как можно надеяться на жениха, который появляется только по воскресеньям к обеду?

– К тому же как рассуждают режиссеры? – продолжает сестра. – Они говорят себе так: «Эта актриса делает аншлаги, делает один вечер за другим, ее знают, любят, помнят, она украсит мой фильм». И приглашают. Никто не пригласит из жалости, никто не скажет: «Раневскую все забыли, дам я ей маленькую роль». Ты знаешь, какая болезнь самая заразная?

– Холера? – не совсем уверенно говорю я, удивляясь такому неожиданному повороту. – Или нет, кажется, чума заразнее…

– Самая заразная болезнь это невезение! – перебивает сестра. – Возьмешь в труппу одного неудачника, погорит весь театр! Один неудачник лишит картину успеха! Знаешь, почему не вышли в прокат «Родные берега», где я с таким выражением читала стихотворение Анны Андреевны? Никто не знает, все

только предполагают, а я знаю точно. Из-за того, что одним из операторов в этой двойке новелл был Яша Кулиш, хороший человек, но ужасный неудачник! Он был оператором у Билинского в «Заставе у Чертова брода», и эта «Застава» пошла к черту! Даже Маринкино участие не спасло картину. Билинский с Яшей сняли другую картину, о гражданской войне на Украине, так и ее смыли! Яша был оператором у Брауна в «Морском ястребе», так они едва успели унести ноги из Одессы перед самым приходом фашистов! И как после этого можно было его куда-то приглашать?! Я Яшу уважаю как человека, я им восхищаюсь, он такой добрый, но если в картине оператором Яша, я там играть не стану. Какую бы роль ни предложили, хоть саму Раневскую в «Вишневом саде», все равно не стану! Впрочем, сейчас и не получится, потому что Яша ушел в документалистику, он снимает научно-популярные фильмы. Самое подходящее дело для такого невезучего человека, и надежный кусок хлеба, потому что съемки идут непрерывно, не успеешь закончить один фильм, как уже пора делать следующий.

Как же я люблю такие долгие разговоры ни о чем, когда темы меняются одна за другой и в конце уже не вспомнить о том, с чего мы начали. Тепло на душе.

04.11.1962

Оказывается, Фрумсоны до сих пор живут в Ростове. Сестра от кого-то услышала о них. Я поняла, что она совершенно не расположена возобновлять былые знакомства и поддерживать связи времен своей таганрогской юности. Улучив удобный момент, я поинтересовалась причинами подобного поведения и услышала в ответ резкое: «Фаня Фельдман стала Фаиной Раневской, она теперь совсем другая, и жизнь у нее другая, и круг общения у нее другой». Да, сестра теперь совсем другая. Когда-то над ней можно было безбоязненно подшутить, когда-то она была такой незаметной, тихой… Даже и не верится. Как же время меняет людей! А я из бойкой красотки превратилась в тихую, незаметную даму, со следами былой красоты на лице, как принято выражаться в сентиментальных романах. Сейчас я немного похудела, черты лица стали чуточку резче, глаза кажутся крупнее… Совсем как в молодости. Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!

07.11.1962

Сорок пять лет – какой огромный срок! «Они не продержатся и года», – утверждал мой покойный муж. Отец думал иначе, поэтому поспешил уехать, совершенно не заботясь о том, что случится с оставленным имуществом. Некоторые, уезжая, оставляли доверенных людей следить за своим добром, оставляли им деньги на расходы. А что толку? Все, что осталось, пропало безвозвратно. Наверное, миру суждено было измениться, иначе бы он не изменился. Уверена, что потомки назовут XX век тяжелым веком. Кажется, пронесло – войны с Америкой на сей раз не будет. Третья мировая война за полвека – это уже слишком! Что за век!

11.11.1962

В детстве у докторов были теплые руки. Сейчас же они почему-то всегда холодные. Не исключаю, что сказывается моя нелюбовь к медицине и всему медицинскому. Сестра ходит со мной, а если не может сама, то попросит Ниночку сопровождать меня. Чувствую себя совершенной развалиной. Одна бы я, конечно, не справилась бы, я не понимаю почти ничего в том, что говорят врачи. У сестры в этом отношении больше опыта. Она, бедняжка, и болеет больше моего, и совсем недавно дневала и ночевала в клинике у П.Л. Я внимательно наблюдаю за выражением ее лица, когда она выходит от доктора. Судя по всему, дела мои не так-то уж и плохи, просто я себя немного, как выражаются доктора, «подзапустила». Ну и смена климата тоже повлияла не лучшим образом. Это с севера на юг можно переезжать без последствий, а вот смена турецкого климата на московский сказывается на здоровье неблаготворно.

13.11.1962

Плохие новости положено узнавать 13-го числа. Мне придется серьезно полечиться. Скорее всего, не обойдется без клиники, во всяком случае, сестра уже договаривается с каким-то профессором, говорит, что это пока так, на всякий случай, но, судя по всему, здоровье мое пошатнулось настолько, что, возможно, понадобится операция. Пока доктора говорят «возможно», но так они говорят сегодня. Доктора, адвокаты и биржевые дельцы сегодня говорят одно, завтра другое, послезавтра третье. Радует одно, месяца через полтора, много – через два, я сумею вернуться к прежней своей жизни. Разумеется,

с определенными ограничениями. Регулярный прием лекарств, регулярный тюбаж, диэта, минеральная вода. Ехать на воды мне пока категорически запретили. «До апреля – никаких поездок!» – сказала доктор. Это меня не сильно огорчило, потому что зимой на водах делать нечего. Поедем весной. Сестра сказала, что она непременно добудет путевки в какой-то невероятно хороший санаторий, в котором отдыхают члены цэка. По ее рассказам выходит, что это не санаторий, а настоящий *Château de Fontainebleau*[149]. «Или ты хочешь в Крым?» – спрашивала она. В Крым я не хочу, потому что с Крымом у сестры связано много воспоминаний и отдых там может оказаться не просто сентиментальным, а растравляющим душу. Наступает возраст, когда хочется вспоминать не все и не каждый день. К тому же воспоминания воспоминаниям рознь. Одно дело, просто вспомнить о чем-то, и другое – оказаться там, где ты была когда-то, много-много лет назад, увидеть, что ничего не изменилось, а просто ты постарела. Ностальгия часто берет меня в свой сладостный плен, но я поддалась ей всего однажды, когда решила побывать в Лозанне. Мне хватило одной поездки, одного дня, для того чтобы понять, что ностальгия в малых дозах является лекарством, а в больших превращается в яд. Нет, лучше Пятигорск или Ессентуки.

18.11.1962

– Слово «шедевр» скоро станет ругательным! – сказала сестра, когда я назвала так один из рассказов Бунина. – Нельзя же употреблять это слово всуе. Потомки, только потомки могут судить о том, шедевр или не шедевр! Шедевр – это когда на все времена! «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Мцыри», «Чайка». А то привыкли, чуть что, так сразу шедевр! Какую-то «камудию» про войну 12-го года снимут – и сразу объявляют ее шедевром! Я сказала Екатерине Алексеевне, что пора переименовывать Мосфильм в Мосшедеврфильм, а Ленфильм в Леншедеврфильм! Ведь там снимаются одни шедевры! Она так смеялась и обещала подумать над моим предложением. Теперь я боюсь, а вдруг и впрямь переименуют.

23.11.1962

Болезни, если они серьезны, похожи на революции. Так же раскалывают жизнь на две части – «до» и «после». Прошлую зиму

вспоминаю совсем как молодость. Утрать – и оценишь.

25.11.1962

Почему-то вспомнился отцовский письменный стол, огромный, похожий на корабль, да так вспомнился, что нестерпимо захотелось посидеть за ним, взять лист бумаги, обмакнуть перо в чернила, что-то написать. Я была единственной, кому разрешалось заходить в отцовский кабинет в его отсутствие. Почетная привилегия любимой дочери. Остальные дети тоже заходили, но тайком от отца, и он очень сердился, если обнаруживал следы их присутствия. Мне всегда нравилось быть любимой дочерью, я гордилась этим «титулом» и только сейчас начала его стыдиться. Мне кажется, что я обокрала сестру, забрала себе всю родительскую любовь, а ей ничего не оставила. Пусть я никогда и не стремилась к этому, не хотела обделить ее, но ведь так получилось. Как грустно понимать с опозданием, когда ничего уже нельзя изменить.

30.11.1962

Смотрю на падающий снег и думаю о том, что жизнь есть переплетение надежд и разочарований. Если не разочаруешься скоро, то разочаруешься после. Если мечта сбудется, то потом непременно окажется, что это совсем не то, что было нужно. Печаль, всюду одна лишь печаль и белый-белый снег.

03.12.1962

Как щедры в своих обещаниях доктора! С оговорками, с этим вечным своим «поживем-увидим», но они обещают, обещают, обещают… А потом оказывается, что во всем виноват мой упрямый организм, который сопротивляется лечению и не спешит приходить в норму. Без снотворного уже не могу заснуть.

07.12.1962

Что доставляет мне сейчас удовольствие? Только общение – с сестрой, с *Nicolas*, с Ниночкой. Внезапно я поняла, что теперь меня не столько тянет слушать, сколько говорить. С *Nicolas* я еще

сдерживаюсь, он мужчина, а мужчинам всего не расскажешь, а сестре и Н. рассказала, кажется, уже все, что только можно было рассказать. Потребность выговориться очень велика, как будто что-то скопилось внутри и давит на меня, пока я держу это в себе. Выговариваясь, испытываю не только духовное, но и физическое облегчение, чувствую какую-то приятную легкость в теле. Вчера весь вечер жаловалась сестре на покойного мужа, собрала все обиды, все слезы свои припомнила. Боялась, что сестра назовет меня дурой, но она только слушала и сочувствовала. Потом спросила: «за столько лет это все?» и сказала, что мне, вне всякого сомнения, повезло с мужем. Я и сама знаю, что повезло, но вдруг приспичило пожаловаться, захотелось, чтобы меня пожалели.

11.12.1962

Обидно просыпаться, не досмотрев хороший сон. Хорошие сны, в отличие от *cauchemars*[150], никогда не повторяются. Хорошее вообще не склонно баловать нас, повторяясь. Открыла для себя Ремарка. Никогда не думала, что немец может писать так проникновенно. «Триумфальная арка» – как поездка в довоенный Париж. Сейчас читаю ««Жизнь взаймы», плачу чуть ли не над каждой страницей.

13.12.1962

Вчера скончалась Екатерина Васильевна Гельцер. Ровно год назад мы были у нее в Брюсовом переулке. Сестра сильно переживает. Говорит, что лишилась последнего настоящего друга. Я не вполне уверена, что эти слова стоило бы произносить при Ниночке, ведь они могли бы показаться ей обидными (она ведь тоже настоящий друг), но добрая Н. все понимает и не обижается.

20.12.1962

Прозрение пришло ко мне утром. Я открыла глаза, и одновременно мне открылась правда. Я поняла, что меня обманывают, обманывают из самых лучших побуждений, но тем не менее обманывают. Состояние мое продолжает ухудшаться, я чувствую это, и показное воодушевление окружающих уже не может обмануть меня. Я лежала, перебирая в памяти события

последних недель, и все больше убеждалась в том, что догадка моя верна. Я уже никогда не поправлюсь, с каждым днем будет все хуже и хуже. Не знаю, стоит ли объявлять о том, что я все поняла и более не обольщаюсь? Сестра начнет еще сильнее переживать (мало, что ли, ей переживаний?), а мне ведь не станет лучше от того, что меня перестанут обманывать. Да и хочу ли я, чтобы перестали? Пишу и в глубине души надеюсь на то, что через полгода буду читать то, что сейчас написала, и смеяться над своими страхами. Мысли путаются, я теряюсь, я не знаю, что мне делать.

23.12.1962

Ханука – праздник обновления. Не было когда-то для меня праздников радостнее Пурима и Хануки, даже в Песах я так не радовалась. Сегодня мне не до радости. Пересиливая себя, решила испечь латкес[151], почистила картошку, а натирать не стала. Придумала отговорку – к латкес нужен гусь, то есть к гусю нужны латкес, короче говоря, не нужно мне одно без другого. На самом же деле причина не в гусе, а в том, что у меня тяжело на душе. Разве нужно праздничное угощение, если в душе нет праздника? Стоит ли притворяться перед собой? Сестра понимает мое настроение и пытается хоть немного развеселить меня, но мне хочется только одного – лежать, закрыв глаза, и думать. Мне надо успеть подумать о многом. Я хочу заново прожить свою жизнь в уме, прожить обстоятельно и неторопливо, понять все то, чего я не успела понять раньше.

<дата отсутствует>

Я решила отдать обе тетради (третьей уже не будет) моему дорогому *Nicolas.* Он будет хранить их как память обо мне. Непременно скажу, что он вправе читать мои записи, если ему того захочется, только попрошу больше ни с кем не делиться прочитанным. Сейчас я поставлю точку, закрою тетрадь и больше никогда не открою ее. Скоро все закончится.

* * * * *

Советская актриса театра и кино, народная артистка СССР Фаина Раневская

Фаина Раневская и Ростислав Плятт в фильме «Слон и веревочка». **1945 год, Союздетфильм, режиссер Илья Фрэз**

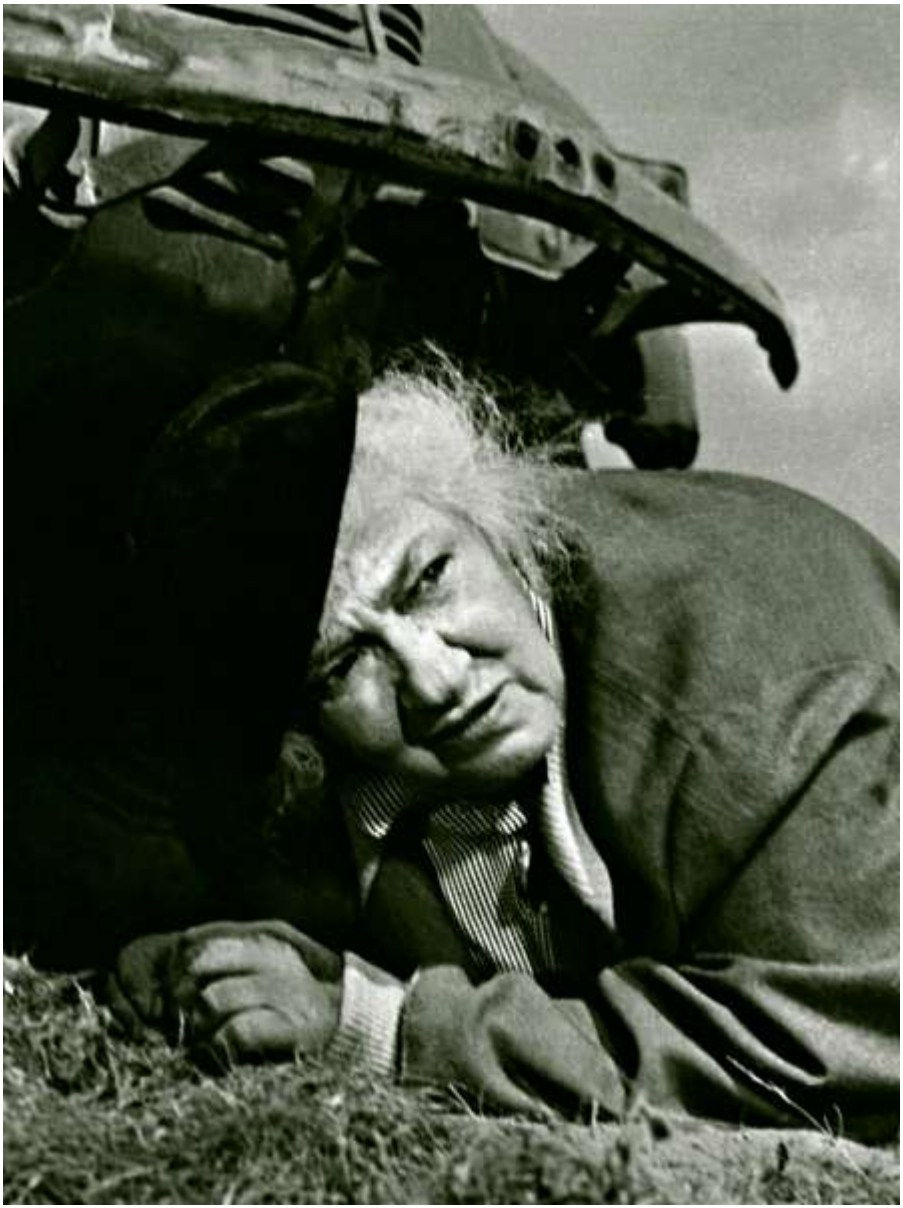
Фаина Раневская и Наталья Защипина. Кадр из фильма «Слон и веревочка». **1945 год, Союздетфильм, режиссер Илья Фрэз**

Сцена из спектакля по пьесе Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» в постановке Театра имени Моссовета. В роли Карпухиной – народная артистка РСФСР Серафима Бирман *(слева)*, в роли Москалевой – народная артистка СССР Фаина Раневская

Кадр из кинофильма «Осторожно, бабушка». **1961 год, Ленфильм, режиссер Надежда Кошеверова**

Фаина Раневская и народная артистка Грузинской ССР, народная артистка России Ариадна Шенгелая в фильме Надежды Кошеверовой «Осторожно, бабушка»

Фаина Раневская и народный артист РСФСР Владимир Лепко в кинофильме «Осторожно, бабушка»



Кадр из кинофильма «Осторожно, бабушка»

Актриса театра и кино Фаина Георгиевна Раневская

Фаина Раневская и Мария Полбенцева. Кадр из фильма «Сегодня – новый аттракцион». 1965 год, Ленфильм, режиссеры Надежда Кошеверова и Аполлинарий Дудко

Сцена из спектакля по пьесе В. Дельмара «Дальше – тишина» в постановке режиссера Анатолия Эфроса. Народная артистка СССР Фаина Раневская в роли Люси Купер, народный артист СССР Ростислав Плятт в роли Барклея Купера. Театр имени Моссовета

Сцена из спектакля «Дальше – тишина»

Маргарита Терехова в роли Роды *(слева)* и Фаина Раневская в роли Люси в сцене из спектакля по пьесе Вина Дельмара «Дальше – тишина». Государственный академический театр имени Моссовета

Народная артистка СССР Фаина Раневская в роли Филицаты *(слева)* и артистка Галина Костырева в роли Зыбкиной в комедии А.Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше» столичного академического театра имени Моссовета

Народная артистка СССР Фаина Раневская в роли Филицаты и заслуженный артист РСФСР Сергей Юрский в роли Грознова в комедии А.Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше» столичного академического театра имени Моссовета

notes

Примечания

1

Чтоб ноги твои были пригодны только для ревматизма *(идиш)*.

2

Дурная голова *(идиш)*.

3

Фонтенбло – дворец эпохи Ренессанса во французском департаменте Сена и Марна и одноименный город по соседству с дворцом.

4

Бельвиль – квартал Парижа, заселенный преимущественно иммигрантами и имеющий плохую репутацию.

5

У него широкие взгляды *(нем.)*.

6

Клоаки (*фр.*).

7

Высшая награда (*фр.*).

8

Наедине, тет-а-тет (*фр.*).

9

Чтоб тебе провалиться сквозь землю! *(идиш)*

10

Блошиные рынки, барахолки (*фр.*).

11

Дурная голова, чокнутая *(идиш)*.

12

Старая дева *(идиш)*.

13

Ее лучшая подруга (*фр.*).

14

И масло, и деньги за масло (*фр.*) – пословица, употребляемая в значении «хотеть все сразу».

15

Бывшая жена (*фр.*).

16

Это так мило (*фр.*).

17

Старожилам (*фр.*).

18

Слово «решительные» зачеркнуто.

19

Чтоб у тебя глаза повылезли! (*идиш*)

20

Холеру тебе в кости (*идиш*).

21

Болван, придурок, невезучий (*идиш*).

22

Пишет имя «Ной» с семью ошибками (*идиш*). Обозначение крайнего предела необразованности.

23

Прохвост (*нем.*).

24

Жизнь как шминесре – стоишь, стоишь, пока не уйдешь (*идиш*). Шминесре (шмоне эсре) – молитва восемнадцати благословений, которую полагается читать стоя, поставив ноги вместе.

25

Пурим – не праздник, а «поцелуй меня в жопу» – не проклятие (*идиш*).

26

Щиплю тебя за щечку! (*идиш*) Выражение похвалы или восторга.

27

Пренебрежительное слово, обозначающее женщину-нееврейку. Часто употреблялось в значении «проститутка».

28

Больное место (*фр.*).

29

Задница (*идиш*).

30

Луковые слезы (*идиш*). Аналог «крокодиловых слез».

31

Чтоб в тебя Ангел смерти влюбился (*идиш*).

32

Выдумывает небылицы (так легко), словно лапшу готовит (*идиш*).

33

Еврейская голова (*идиш*). Выражение восхищения чьим-то умом.

34

Как всегда (*фр.*).

35

Горестное восклицание.

36

От немецкого Fotze – влагалище (*груб.*).

О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

38

Блошиный рынок, барахолка (*фр.*).

39

О времена! О нравы! (*лат.*)

40

Это мне не нужно (дословно: нужно, как дырка в голове) (*идиш*).

41

Восточный вокзал (Париж).

42

Чего только не сделает еврей ради заработка! (*идиш*).

43

Если бы он затеял торговать саванами, то люди перестали бы умирать (*идиш*). Говорится о неудачнике.

Хоть жги его огнем, хоть поджаривай (*идиш*). Употребляется в значении «все ему нипочем», аналог русского «как с гуся вода».

Не сто́ит и луковицы (*идиш*). Т. е. гроша ломаного не стоит.

46

Уезжать – это словно немножко умирать (*фр.*).

47

Одиночество лучше плохого общества (*фр.*).

Положение обязывает (*фр.*).

49

У каждого свой грех (*фр.*).

Наедине, тет-а-тет (*фр.*).

51

Если не можешь иметь то, что любишь, люби то, что имеешь (*фр.*).

52

Ностальгия (*фр.*).

53

Годовщина смерти у евреев.

Удача (*иврит*).

55

Нефтяной магнат (*фр.*).

Безбожник (*идиш*).

«Прекрасные господа из Буа-Доре», роман Жорж Санд.

Ушедшее время не вернуть (*фр.*).

Кстати (*фр.*).

Хитрые (*фр.*).

61

Здесь: чучело (*фр.*).

62

Еврейский новый год.

63

Лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

Избавьте меня от этого! (*фр.*).

65

Сват и стену со стеной сведет (*идиш*).

Последний шанс (*фр.*).

67

Лучше быть объектом зависти, нежели сострадания (*фр.*).

Распутство, разврат (*фр.*).

69

Девушка-цимес (*идиш*) – т. е. ядреная, пышущая жизнью девушка.

70

Любовь, кашель, дым и деньги нельзя скрывать долго (*фр.*).

71

Дословно в переводе с иврита означает: «В следующем году – в Иерусалиме!». Этой фразой евреи завершают текст Пасхальной Агады (рассказа об Исходе из Египта). В переносном значении употребляется в смысле «когда-нибудь».

72

Сравнение всегда обидно (*фр.*).

73

Если бы молодость знала, если бы старость могла (*фр.*).

Лесбийская любовь (*фр.*).

75

Чтобы в животе у тебя гремело, как гремит пуримская трещотка! (*идиш*)

76

Рокамболиада (*фр.*) – необыкновенные приключения, удивительные авантюры с романтической составляющей. Слово произошло от ставшего нарицательным имени Рокамболя (Rocambole), главного героя цикла авантюрно-уголовных романов французского писателя Понсона дю Террайля (вторая половина XIX века).

77

Дословно в переводе с идиш означает «вопрос-бревно». Говорится о глупых вопросах.

78

Французское выражение, аналогичное русскому «седина в бороду, бес в ребро». Переводится дословно как «дьявол в полдень», «дьявол в середину».

Юмор (*фр.*).

Ту же песню (*фр.*).

81

Говорить на французском по-бердичевски (*фр.*).

82

Курочкам (*фр.*)

83

Плесень (*фр.*).

Добрый день, как дела? (*фр.*)

Акустикой (*фр.*).

Тетю (*фр.*).

87

Язык мой – враг мой (*фр.*).

88

Возглас удивления, в переводе с идиш означающий: «Горе мне».

89

Дословно переводится с идиш как «свиная ножка». Идиома, обозначающая лицемерие и лицемеров, обманщиков.

Шарм (*фр.*).

Очаровательной (*фр.*).

Карт-бланш (*фр.*).

93

Ужасное преступление (*фр.*).

Лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

95

Когда дурак приходит на рынок, торговцы радуются (*идиш*).

Одна ласточка не делает весны (*фр.*).

Бродяги (*фр.*).

Мэтр, мастер (*фр.*).

Гамму чувств (*фр.*).

100

Осел (*идиш*).

101

Делай, что должен, и будь что будет (*фр.*).

102

Как всегда (*фр.*).

103

Критиковать легко, делать труднее (*фр.*).

Атташе (*фр.*).

105

До кончиков ногтей (*фр.*).

106

Имя Ента в обиходе ашкеназских (европейских) евреев обозначало необразованную и хамоватую особу, а город Хелм считался у них местом, изобилующим глупцами. Согласно легенде, когда ангелы рассыпали с небес на землю мудрость и глупость, мешок с глупостью лопнул над Хелмом и вся глупость мира осталась там.

107

Традиция предписывает в Пурим напиться до такого состояния, когда невозможно различить фразы «Барух Мордехай» («Благословение Мордехаю») и «Арур Аман» («Проклятье Аману»).

108

Акт большого отчаяния (*фр.*).

109

Неловкая, неуклюжая (*фр.*).

110

Злость превращает умного в дурака (*идиш*).

111

Большая удача – большая зависимость (*фр.*).

112

Он дерется не так лихо, как вынимает саблю из ножен (*фр.*).

113

Поцелуй меня в задницу! (*идиш*).

114

Думаю о тебе… Ты мне дорог… Мне тебя не хватает… Я люблю… (*фр.*).

115

Пуритане (*фр.*).

Конъюнктуры (*фр.*).

117

Добрый день (*турецк.*).

Большое спасибо (*турецк.*).

119

Еврейская дочь (*идиш*).

120

Сапожник говорит о колодке, пекарь – о лопате (*идиш*).

121

Приходится или стареть, или умирать в молодости (*фр.*).

Пограничники (*фр.*).

123

Мое одиночество давит на меня (*фр.*).

124

О хорошем следует говорит хорошо (*фр.*).

125

Нет ничего красноречивее денег (*фр.*).

126

Такова жизнь (*фр.*).

127

Лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

128

Бедная моя голова (*идиш*).

129

Своя некрасивая жена лучше чужой красавицы (*идиш*).

130

Как выйти замуж за миллионера (*фр.*).

131

Экартэ (*фр.*) – азартная карточная игра.

Игра не стоит свеч (*фр.*).

133

Ревю (*фр.*).

134

Кто извиняется, тот сам себя обвиняет (*фр.*).

135

В еврейской традиции день начинается с вечера.

Она изображает (играет) старую корову (*фр.*).

137

Проторговавшийся торговец не смеется (*фр.*).

138

Лучше немного, чем ничего (*идиш*).

139

Фрикасе, мясное рагу в белом соусе, сочетает в себе мясное и молочное, ввиду чего является запретным блюдом для религиозных евреев.

140

Люкс, высший класс (*фр.*).

141

Замок (*фр.*).

142

Если бы все желания исполнялись, пастухи стали бы королями (*фр.*).

143

Мы вместе свиней не пасли (*фр.*).

Прошу прощения, мадам (*фр.*).

145

Правильнее: Йом-Кипур – День искупления (Судный день) – день поста, покаяния и отпущения грехов в иудаизме.

146

Возможность делает вором (*фр.*). Употребляется в значении «искушение доводит до греха».

147

Старость – это холод (*идиш*). Употребляется в значении «старость – не радость».

Рантье (*фр.*).

149

Замок Фонтенбло (*фр.*).

150

Кошмары (*фр.*).

151

Картофельные оладьи, одно из традиционных ханукальных блюд.